

Т Р У Д Ы
ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО
ВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА
ЛЮБИТЕЛЕЙ
РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

~~~~~

*Miser sum miserisque succurrere disco.*

155909

~~~~~

1822 годъ.



ЧАСТЬ XVIII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Императорскаго Воспитательнаго Дома 1822 года.

Sm 9783/180.

1822, kn. 1-3

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки, одинъ для Императорской Академіи Наукъ, одинъ для Санктпетербургской Духовной Академіи. Санктпетербургъ, Апрель 1^й дня, 1822 года.

Цен. Ст. Сов. и Кав. Алекс. Бирюковъ.



155909



Н А У К И.

Н О В А Я И С Т О Р И Я.

К А Р Л Ъ V.

Отречение Императора Карла V отъ престола—причины, его къ тому побудившія—торжественность сего отречения—отбѣздѣ въ Испанію—образъ его новой жизни—его смерть—его характеръ. (Изъ Histoire du règne de l'empereur Charles Quint, par Robertson).



1555 г. Переговоры между Французскимъ Королемъ и Папой были прерваны неожиданнымъ происшествіемъ, которое сдѣлало ихъ бесполезными. Происшествіе сіе было — отказъ, сдѣланный Императоромъ, всѣхъ наслѣдственныхъ своихъ областей во владѣніе сыну своему Филиппу, и его рѣшимость удалиться отъ заботъ свѣша и провести остатокъ жи-

зни своей въ уединеніи. Не нужно ни глубокихъ размышленій, ни шонкихъ изслѣдованій, дабы чувствовати, что власть царская не изъята отъ заботъ и печали, и что большая часть людей, сѣдящихъ на престолахъ, плачятъ дорого за то преимущество, которому споль многіе завидуютъ, безпокойствами, пресыщеніемъ и наконецъ утратою всякаго желанія; но промѣнятъ верховное достоинство на состояніе зависимое и отказавшись отъ власти, дабы искати счастья — таковое усиліе не менѣе, кажется, превышаетъ силы человѣческія. Исторія представляетъ конечно нѣкоторыя примѣры государей, оставившихъ престолъ, дабы кончить жизнь въ удаленіи отъ свѣта; но они были — или люди слабые, скоро разкаявшіеся въ необдуманной прежде рѣшимости, или знаменитые несчастливцы, у коихъ соперникъ похитилъ корону, и кои прошивъ воли падали въ состояніе чуждыхъ людей. Діоклитіанъ есть, можетъ быть, единый монархъ, который отказался отъ владычества какъ философъ и провелъ добро-

вольно многіе годы въ уединеніи, не бросивъ назадъ ни одного взгляда и ни однимъ вздохомъ не пожерпивовавъ величеству и власпи, имъ осшавленнѣмъ.

Ошреченіе Карла удивило Европу. Его современники, шакъ какъ и испорики его вѣка, сообщили всѣ возможныя догадки о причинахъ, его къ тому побудившихъ. Въ самомъ дѣлѣ мудроно было ожидать споль необыкновеннаго предпріятія опъ государя, коего любимая спрасъ была — спрасъ владычествовашь, и копорый, имѣвъ опъ рожденія не болѣе пятидесяти шести лѣтъ, былъ въ самыхъ шѣхъ годахъ, когда честолоубіе, уже неразвлеченное пылыми спрасями молодосши, преслѣдуешъ предметъ свой съ наибольшимъ жаромъ. Многіе писатели искали причинъ сего поступка въ вещахъ спранныхъ и неосновательныхъ, не могущихъ имѣть вліянія на сердце человекское; другіе взирали на сіе какъ на нѣкое глубокое дошпическое таинство: но пронцательнѣйшіе и просвѣщеннѣйшіе испорики думали, что бесполезно разбирашь и спранности капризовъ и шайны госу-

*

дарственныхъ, когда заключенія просыла и удобопонятныя могутъ объяснить поступокъ Императора. Подагра беспокоила его съ самыхъ молодыхъ лѣтъ — и, не смотря на стараніе искуснѣйшихъ врачей, жестокость болѣзни усиливалась вмѣстѣ съ лѣтами, и припадки спановились ежегодно чаще и нестерпимѣе. Спранданія сіи, разрушая, такъ сказать, его оль природы крѣпкое сложеніе, распрорили душевныя его силы; бывъ неспособенъ во время болѣзни ни къ какому важному занятію, и имѣвъ нѣкоторыя только минуты олдыха, кои могъ посвящать дѣламъ государственнымъ, онъ проводилъ оспалокъ времени въ игрѣ и въ забавахъ, могущихъ успокоить его встревоженный духъ, разслабленный мученіями. Въ такомъ состояніи, когда одно исправленіе дѣлъ спановилось уже для него слишкомъ тяжелымъ бременемъ, еще менѣе могъ онъ пещись объ исполненіи великихъ плановъ, кои начерталь, находясь еще въ цвѣтущемъ здравіи, и поддерживалъ ту великую политическую систему, которая обнимала всѣ Европейскія

государства и соединенныя выгоды столь многихъ дворовъ. Приобыкши обращать бдишельный взоръ на всѣ отрасли государственнаго правленія и располагать самъ всѣми дѣйствіями, онъ съ досадою видѣлъ, что по жестокости болѣзни принужденъ былъ поручать министрамъ исполненіе дѣлъ, и всѣ несчастія и неудачи приписывалъ тому, что не можетъ управлять самъ. Онъ жаловался на судьбу, которая уже въ преклонныхъ лѣтахъ пропивоппспавила ему сильнаго соперника (*), который могъ самъ предначертать и исполнить свои планы. Вспрѣтивъ преждевременную сппароспъ, онъ полагалъ, что долженъ, какъ человекъ здравомыслящій, сокрыть слабоспъ свою спъ взоровъ свѣта, и что онъ измѣнилъ бы собственнoй славы, упорспвуя еще держать бразды правленія, когда не могъ уже владѣть ими съ твердоспю и искусствомъ.

Но мноое препяпспвовало Императору исполнить прежде сего свое предположеніе, хотя оно занимало его уже нѣсколько лѣтъ, и хотя онъ давно сооб-

(*) Генриха II, короля Французскаго.

щиль уже о томъ сеспрамъ своимъ, вдовствующимъ Королевамъ Французской и Венгерской, кои согласились сопроводать его въ мѣсто его удаленія. Карль не могъ отважиться возложить на Филиппа управления государства, прежде, нежели его лѣта и опытность помогутъ ему веспи сшоль тяжелое бремя. Но когда достигъ онъ двадцати - осьми-лѣтняго возраста, и когда, приобученный съ юныхъ лѣтъ къ трудамъ, началъ оказывать къ тому и охоту и способности; тогда не могли уже приписать слѣпой родительской нѣжности опредѣленія Карла, завѣщающаго ему престоль, который оставленъ. Со стороны своей матери онъ видѣлъ еще большее препяпшвие. Хотя сія государыня жила уже около пяпидесяти лѣтъ въ уединеніи, и въ томъ же помѣщательствѣ ума, въ которое ввергнуло ее смерть ея супруга; но она все почипалась въ Гишпаніи соправительницею Императора: ея имя писалось во всѣхъ акпахъ подлѣ имени сына, и Гишпанцы сшоль много почипали ее, что сочли бы преступленіемъ признашь Фи-

липпа своимъ государемъ, какъ развѣ Королева согласилась бы принять его въ со- царствіе. Но въ ея положеніи какъ полу- чить шаковое согласіе? Смерть, послѣдо- вавшая въ семь году, уничтожила всѣ препятствія, оставивъ одного Карла об- ладашелемъ Гишпанской короны, и слѣдо- вательно — власнымъ разполагать ею. Война съ Франціею была также удержи- вающею его причиною. Онъ желалъ ми- ра, дабы прежде, нежели оставитъ прес- поль, видѣть подданныхъ своихъ въ со- вершенномъ спокойствіи; но такъ какъ Генрихъ не показывалъ ни малѣйшей о- хоты къ примиренію; справедливыя и ос- новательныя о томъ предложенія при- нялъ пономъ, изъявляющимъ рѣшитель- ное намѣреніе продолжать войну: то Карлъ увидѣлъ, что не основательно было бы о- жидать скоро произшествія, слишкомъ сомнительнаго, и рѣшился наконецъ при- ступить къ исполненію великаго пред- пріятія. Онъ пожелалъ сдѣлать сіе обра- зомъ поржественнѣйшимъ, и чрезъ то придать послѣдному дѣйствію верховной власпи своей блескъ, который могъ бы

оставить глубокое впечатлѣніе въ душѣ его подданныхъ и преемника престола. Онъ повелѣваетъ Филиппу оставить Англію — и, созвавъ Нидерландскіе Штаты въ Брюксель къ 25 Октябрю, явился тамъ въ послѣдній разъ сѣдящимъ на престолѣ, имѣя по правую сторону сына, по лѣвую сестру свою, Королеву Венгерскую, регенсвующую въ Нидерландахъ, и окруженъ блистательною свитою: Князьями Имперскими и Грандами Гишпаніи. — Президентъ Совѣта вкратцѣ объявилъ о намѣреніи Императора и прочиталъ актъ, коимъ уступалъ онъ Филиппу, сыну своему, всѣ свои владѣнія и свою верховную власть, освобождая подданныхъ отъ долгаго дополь себѣ повиненія, съ шѣмъ, дабы служили Филиппу, его законному наслѣднику, съ тою же вѣрностію и усердіемъ, какое видѣлъ къ себѣ въ продолженіе столь многихъ лѣтъ своего царствованія.

Послѣ сего Карлъ, опираясь на плечо Принца Оранскаго по причинѣ слабости, держа въ рукѣ бумагу, дабы облегчить память, и обращая рѣчь къ собранію, из-

числили съ достоинствомъ, но безъ тщеславія, все, что предпринималъ и исполнилъ великаго съ самаго начала своего царствованія. Онъ говорилъ, что, съ семнадцати-лѣшняго возраста посвятивъ всего себя великой наукѣ правленія, давалъ себѣ весьма малое время на отдыхъ и еще меньшее для удовольствій; что во время мира и съ войной онъ былъ девять разъ въ Германіи, шесть разъ въ Гиспаніи, четьре раза во Франціи, семь разъ въ Италіи, десять разъ въ Нидерландахъ, два раза въ Англіи, сполько же въ Африкѣ, и что одиннацать разъ переѣзжалъ черезъ море; что, пока здоровье дозволяло ему исполнять свои обязанности, и его способности доспашочны были для управленія споль обширныхъ областей, онъ никогда не спрашился труда и не жаловался на успалость: но что силы его, изпощенныя мучительными припадками неизлѣчимой болѣзни, и слабость, увеличивающаяся со дня на день, напоминають ему, что пора уже оставить сѣнь; что онъ не споль алчень къ царствованію, дабы держать скипетръ разслаблен-

ною рукою, когда не можешь уже покровительствовать своимъ подданнымъ и бдѣть надъ счастьемъ ихъ; что на мѣсто государя, упдающаго подъ бременемъ болѣзни и едва сохраняющаго еще нѣкоторыя примѣлы жизни, онъ давалъ имъ правителя, соединяющаго съ цвѣтущею молодостью опытность и зрѣлость ума, приобретаемая годами; что ежели во время долгаго царствованія учинилъ какія ошибки, если въ заботахъ и подъ тяжестію великихъ дѣлъ, поглощавшихъ все его вниманіе, оказалъ несправедливость кому либо изъ своихъ подданныхъ, испрашиваетъ въ томъ прощенія; что онъ сохранилъ навсегда къ нимъ живѣйшую признательность за ихъ вѣрность и любовь къ себѣ, и что воспоминаніе о семъ послѣдуетъ за нимъ въ его уединеніе, какъ сладчайшая утѣха и лучшая награда за всѣ труды имъ понесенные.

Карль обратился послѣ сего къ Филиппу, который упалъ на колѣни и цѣловалъ руку своего опца. — „Ежели бы смертію моею, сказалъ онъ ему, оставялъ я себя наследникомъ сихъ бога-

пыхъ областей, столь знатно мною приращенныхъ; но и погда память обо мнѣ должна бы быть для тебя любезна: но когда отказываю тебѣ то, что могу сохранить еще самъ; но имѣю все право ожидать отъ тебя глубочайшей благодарности; однакожь я не требую оной: любовь къ подданнымъ и стараніе сдѣлать ихъ счастливыми будутъ для меня самымъ лучшимъ доказательствомъ твоей признательности. Отъ тебя зависить теперь оправдать въ глазахъ свѣта столь необыкновенный знакъ родительской любви моей къ тебѣ и показать себя достойнымъ довѣренности, которую имѣю къ твоимъ способностямъ. Сохраняй неизмѣнное уваженіе къ религіи; соблюдай католическую вѣру во всей ея чистотѣ; законы твоей страны да будутъ для тебя священны; не посягай на права твоихъ подданныхъ, и, если придетъ пора, когда и ты пожелаешь вкусить сладостное спокойствіе уединенной жизни, да дастъ тебѣ Провидѣніе сына, который по своимъ добродѣтелямъ былъ бы достоинъ, чтобъ ты отдалъ ему ски-

петръ съ шѣмъ удовольствіемъ, какое я чувствую, уступая тебѣ оный.“

Филиппъ, бывшій вовсе это время у ногъ оцѣ, вспаль и тихимъ и почтительнымъ голосомъ благодарилъ за даръ, получаемый ошѣ го безпримѣрной къ себѣ милоспи. Потомъ, обращая къ собранію, изъявилъ сожалѣніе, что не можетъ изъясняться на Фламанскомъ языкѣ съ легкостію, необходимою при столь важномъ обстоятельстве, и просилъ, чпобъ дозволено было Гранвелю, Арасскому Епископу, говорить ошѣ его имени. Гранвель въ пространной рѣчи выхвалялъ ревность Филиппа ко благу своихъ подданныхъ, его желаніе посвятить все время и всѣ дарованія свои, дабы соспавилъ ихъ счастье и, подражая родителю, обращаясь съ Фламанцами съ особенною милоспію. Маесь, одинъ изъ первыхъ членовъ Совѣта, отвѣчалъ имянемъ Шшаповъ и свидѣтельствовалъ о ихъ вѣрности къ новому государю.

Вскорѣ пошомъ Марія, вдовствующая королева Венгерская, сложила съ себя регенство, въ коемъ была уполномо-

чена отъ своего брата въ продолженіе 25 лѣтъ. На слѣдующій же день Филиппъ, въ присутствіи Штатовъ, произнесъ обычную присягу сохраняя права и преимуществва своихъ подданныхъ — и всѣ члены Совѣта отъ своего имени и отъ имени народа, коего были представителями, поклялись въ повиновеніи, 1556 г. Генв. 6.

Спустя нѣсколько времени, въ засѣданіи не менѣ торжественномъ Карлъ отказалъ сыну своему корону Гишпаніи со всѣми зависимыми отъ оной землями въ Старомъ и Новомъ свѣтѣ; себѣ же оставилъ только ежегодной пансіонъ, состоящій изъ ста тысячъ шалеровъ, для благошворенія и дѣлъ богоугодныхъ.

Карлъ избралъ Гишпанію мѣспомъ своего жишельства, ласкаясь надеждою, что здоровый воздухъ и шеплота климата успокоятъ нѣсколько его болѣзнь, которую усилили еще сырость и жестокія зимы въ Нидерландахъ. Онъ спѣшилъ уже сѣсть на корабль; ибо чувствовалъ, что не возможно освободиться совершенно отъ дѣлъ, оставаясь въ Брюксель: но врачи убѣдили его опложитъ путешествіе

еще на нѣсколько мѣсяцевъ, дабы не подвергались себѣ опасностямъ морскаго пути въ самое холодное и ненастное время года.

Императоръ до отпѣзда своего имѣлъ удовольствіе споспѣшествованъ къ заключенію мира съ Франціею, чего ожидалъ съ толикимъ нетерпѣніемъ не только для выгодъ сына, но и для того, дабы, оставляя поприще славы, возвратилъ Европѣ спокойствіе, коего лишилъ ее съ самаго начала своего царствованія. Зи нѣсколько времени до отреченія Французскій король и Императоръ назначили комисаровъ для переговоровъ о размѣнѣ военно-плѣнныхъ: во время сѣзда на сей предметъ посланниковъ въ аббатство Воцельское, близъ Камбре, сдѣлано было предложеніе о прекращеніи военныхъ дѣйствій заключеніемъ продолжительнаго перемирія на условіяхъ, чпобъ съ обѣихъ сторонъ всѣ требованія были прекращены, и монархи оспавались бы при томъ, чѣмъ владѣли въ настоящее время. Карль, видя королевства свои изтощенные раззорительными и непрерывными

войнами, коихъ причиною было его честолюбіе, и при томъ чувствуя, что Филиппу необходимо спокойствіе, дабы утвердился на пресполѣ, сильно наспоая въ требованіи согласія на перемиріе, не взирая на невыгодныя предложенія, кои должно было принять — и, по довѣренности къ опытности его и уму, Филиппъ не опважился прошившись мнѣнію своего снца.

Наконецъ Карлу не оставалось болѣе препяспвій, могущихъ задержашъ еще ошѣздъ, ожидаемый имъ съ поликимъ неперпѣніемъ, и онъ опсправился въ Цвишбургъ, что въ Зеландіи, гдѣ изгошвлена была эскадра, долженспвоавшая сопрождашъ его. Проѣзжая черезъ Гандъ, онъ опшановился шамъ на нѣсколько дней, прѣдавшись той сладоспной меланхоліи, кошорую испышываемъ въ преклонныхъ лѣшахъ, увидѣвъ еще однажды мѣспо своего рожденія, и пѣ предмешы, кошорые занимали насъ въ молодоспи. Наконецъ онъ опсправился въ дальнѣйшій пущъ, сопрождаемый сыномъ, дочерью, зяпемъ, сесспрами своими и многочисленною свиспою Нидерландскихъ дворянъ. Садясь на ко-

Часпъ XVIII. Кн. I.

рабль, онъ разпросшилъ со всѣми, изъявивъ каждому знаки своей любви и уваженія, обнявъ Филиппа со всею нѣжностію отца, прощающагося въ послѣдній разъ съ своимъ сыномъ и снялся съ якоря 17 Сентября, сопровождаемый значительнымъ флотомъ, состоявшимъ изъ Гишпанскихъ, Нидерландскихъ и Англійскихъ кораблей. Королева Англійская (*) убѣдительно еще приглашала его остановиться въ какомъ либо мѣстѣ ея областей, дабы дать себѣ отдохновеніе, и позволить ей имѣть еще однажды удовольствіе себя увидѣть; но Карль рѣшительно отказался, отвѣсивъ сего приглашенія, сказавъ, что „не можетъ „быть пріятно для Королевы посѣщеніе „отъ свекра, который уже не что друго- „рое, какъ дворянинъ въ опсравкѣ.“

Путешествіе совершенно благополучно, и онъ прибылъ въ Ларедо въ одиннадцатый день по отъѣздѣ своемъ изъ Зеландіи. Вышедши на берегъ, Карль, почиая себя уже умершимъ для свѣта,

(*) Кор. Англійская Марія, супруга Филиппова, нелюбимая Императоромъ за ея спротивный нравъ.

упалъ на колѣни и, поцѣловавъ землю, воскликнулъ: „О, общая мать людей; я вы-
 „шелъ нагъ изъ лона матери моей, нагъ
 „и возвращуся въ ея лоно!“ Изъ Ларедо съ трудомъ прибылъ онъ въ Бургось, большею частію несомый на креслахъ и чувствуя при малѣйшемъ поспрясеніи мучительнѣйшую боль. Здѣсь встрѣшило его нѣсколько Гишпанскихъ дворянъ; но ихъ привѣшпвія были холодны и принужденны: Карлъ сіе замѣчилъ, и въ первый разъ почувствовалъ, что онъ уже не Императоръ. Опъ самой юности привыкнуши взирать на сію покорность, сіе глубокое почтеніе, которое внушаетъ верховная власть, съ легковѣрностію, свойственною всѣмъ государямъ — онъ имѣлъ слабость огорчиться, увидѣвъ, что воздаваемо было его сану по всеобщее уваженіе, которое принималъ всегда за должную дань своему собственному достоинству. Изъ Бургоса отправился онъ въ Валладолидъ, гдѣ отправилъ большую часть служителей, щедро наградивъ ихъ за услуги, и разспросился съ сесрами своими, не позволивъ имъ слѣдо-

вашь за собою, хопя со слезами онѣ испрашивали на по согласіа, желая попеченіями своими облегчашь его страданія.

Изъ Валладолида Карль продолжалъ путь до Плезанціи, что въ Эспрамадурѣ. Нѣкогда онъ проѣзжалъ чрезъ сей городъ и былъ необыкновенно пораженъ красотою мѣстоположенія монастыря Св. Иустина, находящагося въ нѣсколькихъ миль онаго миляхъ; онъ даже сказалъ нѣкоторымъ изъ своей свиты: „Діоклисіанъ, „любилъ бы эпо мѣсто, и конечно „предпочель бы его всякому другому.“ Мысль сія такъ сильно впечатлѣлась въ немъ, что онъ рѣшился наконецъ назначить здѣсь свое пребываніе. Монастырь сей лежалъ въ небольшой равнинѣ, орошаемой испочникомъ, окруженной холмами, осѣняемой высокими и пѣнистыми деревьями. По качеству почвы и свѣжести воздуха сіе мѣстоположеніе было самое лучшее для здоровья и самое пріятнѣйшее во всей Гишманіи. За нѣскольکو мѣсяцевъ до опреченія Карль послалъ сюда архипектора для построения при монастырѣ новаго своего жилища. Оно

заключало всего шестъ комнашь, изъ коихъ чепыре имѣли видъ, монашескихъ келій, съ голыми спѣвными, двѣ же были обшпы шемною шелковою машерією и убраны самымъ проспымъ образомъ. Съ одной спороны сего низменнаго домика были двери въ садъ, разсаженный по плану Карла и наполненный различными произраспеніями, за коими хопѣлъ онъ самъ надсмашривашъ, съ другой же сообщеніе съ однимъ придѣломъ монашырской церкви. 1557 г. Февр. 24 — Въ сіепо скромное убѣжище всшупилъ наконецъ Карлъ, сопровождаемый двѣнадцашью изъ своихъ служилелей; здѣсь шо, въ безмолвіи обштели; погребены имъ величешво, чешполубіе и шѣ обширные замыслы, кои въ шеченіе цѣлаго полу-вѣка колебали Европу и внушали во всѣхъ народахъ ужась къ его побѣдоносному оружію.

Карлъ, всшупая въ свое уединеніе, предписалъ себѣ родъ жизни, приличный частному, небогашому человѣку; его споль былъ приспособенъ, но проспъ; онъ обращался семейнымъ образомъ съ ма-

лымъ числомъ оспавленныхъ имъ для себя служителей, ошказавъ всякую принужденность, какъ несомвѣспную съ свободою и спокойствіемъ, въ коихъ желалъ провести оспашокъ жизни. — 1558 года. Счастливый климашъ и удаленіе отъ заботъ примѣпно уменьшили жестокость подагры и сокращили мучительные ея припадки. Можно сказать, что въ семь мирномъ убѣжищѣ вкусилъ онъ удовольствіе болѣе чистое и совершенное, нежели какое великоспъ когда либо ему доспавляла. Чесплюбивые виды, споль долго его занимавшіе, совершенно изспребились изъ его памяти. Онъ не сполько не принималъ никакого участія въ политическихъ произшествіяхъ Европы, но даже и не любопытспвовалъ знашь объ оныхъ. Казалось, что онъ взиралъ на оспавленную имъ мяшежную сцену свѣща со вѣсмъ презрѣніемъ и равнодушіемъ челоука, узнавшаго суешу оной и наслаждающагося благополучіемъ свободы.

Другаго рода удовольствія и другіе предметы занимали его въ уединеніи:

онъ иногда работалъ въ саду; иногда въ сопровожденіи одного слуги, идущаго за нимъ пѣшкомъ, ѣздилъ прогуливаясь въ сосѣдственную рощу верхомъ на лошади, копорую одну осшавилъ для себя; когда же болѣзнь не позволяла ему пользоваться сей дѣяшельной забавой, принималъ посѣщенія отъ жившихъ въ окрестностяхъ монастыря дворянъ, коихъ приглашалъ всегда къ своему столу, или занимался какимъ нибудь механическимъ трудомъ, и изучалъ начала сей науки, къ копорой и прежде оказывалъ большое любопытство. Онъ пригласилъ даже жить съ собой Туріано, одного изъ искусѣйшихъ механиковъ того вѣка; трудился вмѣстѣ съ нимъ надъ усовершеніемъ образцовъ различныхъ полезныхъ машинъ, производилъ опыты надъ ними, и не рѣдко случалось, что мнѣніе Монарха служило къ усовершенствованію изобрѣшенія художника. Иногда забавлялся механическими произведеніями, въ самой вещи любопытными: онъ дѣлалъ фигуры, кои, посредствомъ внутреннихъ пружинъ, подражали шлодвиженіямъ челове-

скимъ, къ величайшему удивленію монаховъ, кои, видя непоспимое для себя дѣло, шо не довѣряли собственнымъ чувствамъ, шо подозрѣвали— не имѣють ли Карль и Туріано сообщенія съ невидимыми существами. Пріятнѣйшимъ же для него занятіемъ была работа часовъ; и когда, послѣ мно ихъ опытовъ, дозналъ, что не возможно даже двоимъ изъ нихъ дать совершенно равнаго хода, шо съ негодованіемъ, сказывають, вспоминалъ о напрасномъ стараніи своемъ внушить всѣмъ людямъ спрогую единообразность чувствованій въ отношеніи къ шайнствленнымъ догматамъ вѣры.

Но при всѣхъ упражненіяхъ онъ оставлялъ большую часть времени на дѣла набожныя. Каждый день, поушру и ввечеру, присушествовалъ при опсправленіи божешвенной службы; находилъ величайшее удовольствіе читашъ богословскія сочиненія, особенно же С. Августина и С. Бернарда, и имѣлъ, касательно религіи, частыя бесѣды съ духовникомъ своимъ и наспошелемъ обшпели.

Образъ новой жизни Карла былъ двѣ-

спивительно доспоинь чловѣка, вовсе оп-
 рекшагося опъ суеты сего свѣта и го-
 ловящагося перейши въ другій. Первый
 годъ уединенія прошекъ — между невин-
 ными удовольспвіями, кои облегчали его
 болѣзнь и забавляли упомленный продол-
 жишельными и чрезмѣрными заняшїями
 духъ, и — набожноспїю, кошорую почи-
 шаль необходимою, дабы приуготовишь
 себя къ другому міру; но, почши за
 шесшь мѣсяцевъ до смерти, подагра, ко-
 шорая дала ему гораздо продолжисьель-
 нѣйшїй прошивъ прежняго опдыхъ, воз-
 врашилась съ сильнѣйшею еще жесто-
 коспїю. Его разслабленное сложеніе едва
 имѣло силы выдержашъ сшраданія, раз-
 спроившїя уже и душевныя его способ-
 носпи: опъ сего часа едва замѣлны уже
 были нѣкошорые шолько слѣды шого
 здраваго и швердаго разсудка, коимъ оп-
 личался Карль опъ своихъ современни-
 ковъ. Онъ пошерялъ охопу ко всѣмъ удо-
 вольспвіямъ и, сшараясь порабошисшь
 жизнь свою всей сшрогоспи монаспыр-
 скихъ обычаевъ, не желаль ничего уже
 кромѣ сообщеспва монаховъ и проводиль

почти все время въ пѣннѣ съ ними спиховъ изъ служебника церковнаго. Онъ шайно бичевался, и съ шакою жестоко-спію, что по смерши найденъ его веревочникъ, обогранный кровью. Но и шаковаго умерщвленія плоти было для него недовольно: безпокойство, недовѣрчивость и страхъ побуждали его изобрѣсти какой либо необыкновенный подвигъ покаянія, могущій привлечь небесное помилованіе. Мысль, на коей онъ остановился, была одна изъ самыхъ спранныхъ: онъ рѣшился прежде смерши видѣть надъ собою обрядъ погребенія. Въ церкви была усстроена гробница, въ которую шоржественно положили его, обвивъ полошномъ; Карль смѣшивалъ голосъ свой съ молишвами о упокоеніи своей души, плакалъ вмѣстѣ съ присушествовавшими, и печальной обрядъ былъ заключенъ окропленіемъ, по обычаю, гроба свяшой водой. Когда же всѣ разошлись и двери церковныя были запершы, Карль вышелъ тогда и возвратился въ свои комнашы, исполненный мрачныхъ мыслей, внушенныхъ шоржествомъ. Про-

должительнось ли обряда упомила его; или сіе зрѣлище сдѣлало слишкомъ сильное впечатлѣніе на его душу: онъ получилъ надругой же день лихорадку; изнуренное шѣло не могло выдержашъ жестокоспи припадка, и онъ умеръ 21 Сентября, имѣвъ ошь рожденія 58 лѣшь, 6 мѣсяцевъ и 25 дней.

Карль, по сану своему и достоинствамъ, былъ первый Монархъ своего вѣка; представляемое имъ на театрѣ свѣта лице было также первымъ, если разсмашривашъ великоспъ, разнообразность и успѣхи его предпріятій. Не по чрезмѣрнымъ похвалямъ Гишпанцевъ, не по приспρασтному суду Французовъ, но сами, разсмашривая со вниманіемъ всѣ поступки, можемъ мы справедливо заключишь о гени и способностяхъ сего государя. Онъ имѣлъ особенныя свойства, кои ошпѣняющъ разишельно его характеръ, и не только ошличающъ его ошь современныхъ ему государей, но объясняющъ даже и то преимущество, которое споль долго умѣлъ онъ сохранишь между ними. — Во всѣхъ замышляемыхъ пла-

нахъ Карль показываль всегда благоразуміе и осторожность, за что обязанъ былъ и природѣ своей и привычкѣ. Рожденный съ способностями, кои медленно разверпывались и поздно уже пришли въ зрѣлость, онъ пріобыкъ разсмапривашъ всѣ занимавшіе его предметы съ точнымъ и обдумчивымъ вниманіемъ; устремлялъ на шо всю дѣятельность души, не развлекая себя ни удовольствіями, ни забавами; потомъ сообщалъ дѣло миниспрамъ, выслушиваль ихъ мнѣнія и приступаль уже къ исполненію предпріяшаго съ твердою рѣшимостію. И такъ всѣ дѣйствія Карла, вовсе отличныя отъ буйной запальчивости Генриха VIII и Франциска I, имѣли видъ обдуманной системы, которой всѣ часны были между собою въ связи, всѣ слѣдствія предусмотрѣны, и по коей гошова была даже помощь на всѣ непредвидѣнные случаи. Его быспропа въ дѣйствіи не менѣе примѣчательна, какъ и хладнокровіе въ совѣтѣ; избирая мѣры, его геній изобрѣталъ и способы обезпечить успѣхъ оныхъ. Карль не получилъ отъ природы воин-

ешвеннаго духа, ибо въ шѣ лѣта, когда нравъ имѣеть наиболѣе пылкости, онъ оспавался въ бездѣйствіи; но когда на конецъ рѣшился предводишельствовашь войсками, его геній оказался столь способнымъ обнимашь всѣ предметы, что онъ скоро приобрѣлъ по знаніе военного искусства, которое возвело его на степень лучшихъ полководцевъ своего вѣка. Карлъ обладалъ въ высочайшей степени важнѣйшею наукою для государей: наукою — узнавашь людей и возлагашь на каждого обязанность, соотвѣтствующую способностямъ. Не имѣя той пріятности нрава, которая отличала Франциска I и привлекала къ нему сердца всѣхъ приближенныхъ, Карлъ обладалъ добродѣтелями, внушающими уваженіе и привязанность. Онъ имѣлъ безпредѣльную довѣренность къ своимъ военноподначальникамъ, щедро награждалъ ихъ заслуги и не завидовалъ ни ихъ славу, ни даже вліянію ихъ. Конечно почти всѣ генералы, предводишельствовавшіе его войсками, могутъ быть на ряду съ знаменитѣйшими полководцами; но, хотя и имъ обязанъ

онъ былъ за всѣ пріобрѣтенныя надъ соперниками своими выгоды, сіе не уменьшаетъ въ глазахъ нашихъ его достоинства и славы: знаніе избирать и употреблять способнѣйшія орудія не есть ли вѣрный признакъ мудрости художника?

Однакожь въ политической жизни Карла есть погрѣшности, кои должны много уменьшивъ удивленіе, возбуждаемое его необыкновенными способностями. Онъ пожираемъ былъ ненасытимымъ честолюбіемъ; и хотя не имѣеть достаточныхъ доказательствъ повсемѣстно носившійся въ то время слухъ о химерическомъ предпріятіи его основать всеобщую монархію въ Европѣ, извѣстно однакожь, что желаніе оплечить себя, какъ славнаго завоевателя, завлекло его въ непрерывно продолжавшуюся войну, кою разоряла его подданныхъ и оптимала у самага время занявшись разпространеніемъ въ обласпяхъ своихъ внутренняго порядка и искусствъ, предметомъ, достойнѣйшимъ вниманія государя, кошорый избираеть цѣлю царствованія

счастіе ему ввѣрившихъ себя народовъ.— Присоединивъ еще въ молодости Императорскую корону къ коронамъ Гишпанскихъ королевствъ и наследственнымъ владѣніямъ Австрійскаго и Бургонскаго дома, Карлъ увидѣлъ предъ собою обширное поле для честолюбивыхъ замысловъ; они внушали ему предпріятія, столь многосложныя и столь опасныя, что често, чувствуя недоспашокъ силъ, дабы совершить оныя, онъ прибѣгалъ къ хитросыямъ, недостойнымъ своего генія, и даже удалялся отъ правилъ праводущіяго образомъ, наносящимъ безчестіе государю. Его коварная политика была пѣмъ ненавистнѣе и разительнѣе, что представляла совершенную противоположность съ прямымъ и чистосердечнымъ поведеніемъ его современниковъ Франциска и Генриха. Впрочемъ хотя сіе происходило отъ различія характеровъ, но можно отнести однакожь и къ различію ихъ политическихъ началъ, что конечно нѣкоторымъ образомъ извиняешь пороки Карла, но не можешь совершенно оправдать его. Францискъ и Генрихъ, почти

всегда увлекаемые движениемъ страстей, бросались спремипельно къ предположенной себѣ цѣли; мѣры же, предпринимаемыя для шого Карломъ, бывъ слѣдствиемъ хладнокровнаго размышленія, были связаны между собою искусно и всегда соспавляли правильную систему. Люди характера первыхъ преслѣдуютъ прямо предметъ своихъ желаній, безъ лукавства и прикрышя; имѣющіе же нравъ Карла, и замышляя и исполняя свои предположенія, прибѣгаютъ къ хитросшямъ, копорыя ведутъ къ коварству и не рѣдко обращающя въ вѣроломство.

Н. Коншинъ.



диземнаго моря и даже въ Африкѣ. Колонія Фокеянь въ Массиліи (Марселѣ) нѣко-
торое время почишалась могущественнѣй-
шею; Мегаряне построили Астакій и Хал-
кидонъ въ Виѳиніи и Византію во Фра-
кіи; Коринѣяне послали колонію въ Кор-
циру; Баттій, съ острова Теры (*), осно-
валъ Киринейское государство; а въ Ниж-
ней Италіи и въ Сициліи, куда наиболѣе
спремались Греки, основали они между
прочими, не счоль значительными, слѣ-
дующіе города: Регіумъ, Локрій, Сибарись,
Неаполь, Тарентъ, Крофону, Мессину и
Сиракузы.

Колоніи сіи одолжены отчасти сво-
имъ началомъ успѣшному возрастанію
народонаселенія, недоспашку первыхъ по-
требностей жизни, гражданскимъ мяше-
жамъ и безпреспаннымъ войнамъ, разди-
равшимъ Грецію. Спрасть къ завоеванію,
къ разпространенію торговли также не
рѣдко была причиною основанія колоній;
однакожь большая часть основана добро-

(*) Островъ Тера (Thera) находился на Криш-
скомъ морѣ.

вольно вышедшими, или изгнанными изъ опечества Греками, которые, учредивъ у себя собственное свое правленіе, жили свободно и отъ другихъ независимо. Но тѣ селенія, кои основаны были правительствами Греческихъ государствъ, изъ уваженія къ своему опечеству, для взаимнаго вспомошествованія, для сохраненія опечественной религіи, законовъ, нравовъ и обычаевъ, слѣдовали прежнимъ поспановленіямъ, а въ случаѣ опспупленія отъ оныхъ приводились силою къ повиновенію. Отъ сего произошли въ послѣдствіи тѣ кровавыя войны, кои Греческія колоніи вели съ своими метрополіями.

Всѣ сіи государства и города Греческаго происхожденія прославились болѣе или менѣе своимъ просвѣщеніемъ, шорговлею и роскошью. Но они имѣли не одинакую участь и не равную славу. Одни обращаютъ вниманіе философа разительною каршиною успѣховъ гражданспвенности, другіе глубокою своею полишикою, которая издалека умѣла пригошовлять неизбѣжную гибель шому государству, которое возраждало зависть своимъ бо-

*

гашспвомъ, или, пришедъ въ слабость, могло содѣлаться легкою добычею сильнѣйшаго.

Изъ Греческихъ колоній, можеть быть, наиболѣе заслуживаетъ вниманіе Сибарись. Развращенность жителей его и ненависть, которую къ нему питали окружающіе народы, сдѣлали его замѣчательнымъ въ исторіи, такъ что самое имя сего народа превратилось въ укоризну подъ перомъ писателей, вооружившихся противъ испорченности нравовъ. Роскошной споль, изобильный лакомыми яствами, или великолѣпной по убранству, назывался спольмъ Сибаритовъ. Слишкомъ гордая походка, разговоръ принужденной и изнѣженной слыли походкою и разговоромъ Сибарита (*).

Сибарись, основанный Ахейцами (**), находился въ двухъ стахъ стадіяхъ отъ Крононы, между двумя рѣками: Сибарисомъ, отъ которой онъ получилъ названіе, и Краэисомъ. Первая, по мнѣнію древ-

(*) Erasmi Proverbiolum Lipsiae 1759 p. 69, 451.

(**) Сибарись построень въ XVII Олимпіадѣ, то есть, за 707 лѣтъ до Р. X.

нихъ, имѣла свойство - укрѣплять тѣло, придавать ему смуглой цвѣтъ и дѣлать курчавыми волосы; другая изиѣживала оное и наводила бѣлизну (*). Вскорѣ по основаніи городъ сей возвысился до такой степени могущества, что повѣляла чепырма сосѣдственными народами, владычествовала надъ двадцатью пятью городами, занимала пятьдесятъ стадій населенной земли и въ состояніи была вооружить пристра тысячь войска. Но не долго Сибарисъ наслаждался своею славою и могуществомъ; онъ палъ отъ оружія Кропонцевъ.

Θелись, одинъ изъ полководцевъ Сибариса, убѣдилъ народъ изгнать изъ города нѣтъ сотъ самыхъ богатѣйшихъ гражданъ, продать ихъ имѣніе и раздѣлить оное между народомъ (**). Лесное сіе предложеніе было съ воспоргомъ принято; несчастные, лишенные своего имѣнія, удалились въ Кропону (***) — и шамъ, поверг-

(*) Спрабонъ кн. 6 стр. 182.

(**) Діодоръ Сицилійской кн. 12.

(***) Кропона или Крапо (нынѣ Коппоча, небольшой городъ въ Калабріи) былъ по-

шись предъ олпарями, воздвигнутыми на народной площади, умоляли о защитѣ. Извѣщенной о семъ Фелись посылаетъ пословъ съ требованіемъ выдачи изгнанниковъ, а въ случаѣ отказа угрожаетъ Кропонѣ войною. Вспревоженной Сенапъ созываетъ гражданъ и, страшась вести войну съ народомъ несравненно могущественнѣйшимъ, предлагаетъ выдать изгнанниковъ. Тогда выступаетъ изъ толпы одинъ изъ славнѣйшихъ людей древняго міра, философъ Пивагоръ — и сильными, убѣдительными доказательствами преклоняетъ Сенапъ и народъ защитити челоуѣчество и невинность прошивъ тираніи.

Въ слѣдствіе сего, по общему согласію, провозглашенъ былъ полководцемъ Кропонскихъ войскъ Милонъ (*), извѣстнѣй-

гда однимъ изъ величайшихъ, прекраснѣйшихъ и многочуднѣйшихъ городовъ во всей Италіи. Онъ славился прекраснымъ климатомъ и искусствомъ своихъ жителей въ гимнастическихъ упражненіяхъ.

(*) Милонъ приучилъ себя съ самыхъ молодыхъ

вій Аплешъ древности. Сибарись пропи-
вопосшавиль Кропонѣ пристра тысячь;
граждане, услышавъ о семъ, смутились;
страхъ овладѣль ими; Милонъ унопре-
билъ всѣ средства къ успокоенію умовъ
и, зная, съ кѣмъ имѣть будешъ дѣло, пре-
зираль многочисленныя толпы непріа-
телей. И могъ ли онъ опасаться шого
народа, котораго изнѣженной слухъ не
шпервлъ крика пѣшуховъ и упражненія
въ шѣхъ ремеслахъ, кои не могли бышъ
производимы безъ спуга, нарушающаго
спокойствіе ночи, однимъ словомъ — наро-

лѣшъ къ ношенію тяжестей. Увеличивая
ежедневно вѣсь оныхъ, онъ наконецъ до-
шпигъ до шого, что могъ носить на пле-
чахъ самаго сильнаго быка, съ которымъ
на Олимпійскихъ играхъ прошель онъ
120 шаговъ и пошомъ убилъ его однимъ
ударомъ кулака. Милонъ одержаль 7 по-
бѣдъ на Пиеійскихъ и 6 на Олимпійскихъ
играхъ. Однажды, будучи уже въ преклон-
ныхъ лѣпахъ, онъ хощѣль разломить
пень у шолспаго дерева, но не могъ вы-
свободить изъ онаго рукъ и былъ съвѣ-
денъ нападавшими на него волками.

да, коего большая часть проводила половину дня во снѣ и праздности?

Прежде, нежели Милонъ отправился въ походъ, послалъ онъ лазутчиковъ въ Сибарись, копорые между прочими спранностями замѣтили, что лошади ихъ по звуку нѣкопорыхъ инструментовъ и голосу извѣстныхъ пѣсень выучены подыматься на заднія ноги, производя такимъ образомъ родъ танца.

Милонъ встрѣтилъ непріятеля, украшенный вѣнками, полученными имъ на Олимпійскихъ играхъ, покрытый, подобно Геркулесу, львиною кожею, вооруженный палицею; и прежде начатія битвы повелѣлъ играть на инструментахъ. Лошади, въ числѣ пяти тысячъ, услышавъ призывной звукъ къ панцамъ, устремились къ спану Кропонцевъ и произвели чрезъ сіе великой безпорядокъ. Возпользовавшись симъ, Милонъ ударилъ на непріятеля, поразилъ его, обратилъ въ бѣгство. Только въ снѣнахъ города Сибариты нашли спасеніе, но не надолго. Спустился два съ половиною мѣсяца, побѣдиле-

ли взяли его приступомъ и Сибарисъ исчезъ съ лица земли.

Таковъ былъ конецъ республики, прославившейся роскошью и изнѣженносцію. Исторія сохранила намъ извѣстіе о богатствѣ ея гражданъ. Клисѣенесъ государь Сикіонской, обнародовалъ, что въ такой-то день онъ намѣренъ сдѣлать выборъ мужа для своей дочери, дѣвицы необыкновенной красоты, и что всѣ тѣ, кои имѣютъ какое либо достоинство и являсь ко двору его, будутъ съ честью приняты. По сему приглашенію Миндиридъ, или Сминдиридъ, гражданинъ Сибариса, отправился на одной галерѣ съ пятьюдесятью гребцами, взятыми изъ рыбоводовъ и пицелововъ, находившихся въ его службѣ; онъ превзошелъ великолѣпіемъ и роскошью не только всѣхъ присутствовавшихъ, но даже самаго государя, хотя Сикіонцы употребили все стараніе придать сему торжеству новой блескъ. Въ день своего прибытія Сминдиридъ пришелъ къ обѣду, на которой Клисѣенесъ пригласилъ своихъ гостей. Онъ не хотѣлъ позволить никому сѣсть подлѣ себя, ска-

завъ: я ни на кого не хочу обращать вниманія, кромѣ невѣстѣ; для того единственно и пріѣхалъ (*). Исторія умалчиваетъ о послѣдствіи, и мы не знаемъ, какой успѣхъ получилъ высококомѣрной Сибарипъ.

Теперь выберемъ изъ сочиненій Аэи-нея все то, что относится до образа жизни Сибариповъ и представимъ ихъ, каковыми они были.

Дѣлѣй своихъ одѣвали они въ пурпуровыя шкани и украшали ихъ волосы сдѣланными изъ золота леншамми. Они повсюду водили за собою маленькихъ собачекъ, получаемыхъ изъ Мальпы; чрезвычайно любили карликовъ и покупали за большія деньги обезьянъ; также держали у себя большое число евнуховъ, и брили бороды.

Сибарипы были первые, которые начали водить въ роскошныя бани свои скованныхъ невольниковъ, чтобъ лучше можно было ихъ наказывать за малѣйшую неисправность. Возвратившись изъ бани, ложились они въ постелю, усыпан-

(*) Эліанъ 9, спр. 24; Свидъ V.

ную розами, въ коей для нихъ было уже безпокойно и то, когда цвѣтшы начинали вянуть или свертываться около лѣла.

Во время жара молодые люди любили укрываться въ грошы и, возлегши близь водометовъ, предавались всѣмъ возможнымъ наслажденіямъ.

Тѣ изъ Сибаритовъ, которые угождали народу самымъ роскошнымъ, споломъ, получали въ награду золотыя короны, а имена ихъ провозглашались герольдами въ народныхъ собраніяхъ. Женщинъ приглашали на пиршества за нѣсколько дней, чѣтобъ дать имъ время приготовить наряды и явиться въ полномъ блескѣ. Во время холода пиршества давались въ подземныхъ залахъ, въ коихъ были устроены печи.

Сибариты, упоая во всѣхъ порокахъ и опъ пресыщенія скучая наслажденіемъ, стремились безпрестанно къ новымъ, разнообразнымъ удовольствіямъ и щедро награждали всѣхъ тѣхъ, кои льстили ихъ вкусу (*): такъ напримѣръ изобрѣшатель

(*) Тиберій обѣщаль большое награжденіе

новаго кушанья получалъ исключительное право чрезъ цѣлой годъ оное приготовить. Почитая себя просвѣщеннѣйшимъ въ свѣтѣ народомъ, они презирали всѣхъ прочихъ, исключая Тиренянъ и Ионянъ, и по пошому, что они наиболѣе сходились съ ихъ образомъ жизни. Они рѣдко предпринимали путешествія; ѣздили всегда въ колесницахъ, и употребляли при дни нашо, чтобъ проѣхать такое пространство, которое всякой безъ труда совершилъ бы въ одинъ день. Одинъ изъ Сибаритовъ, прѣхавъ въ Лакедемонъ, былъ приглашенъ къ умѣренному Спартанскому сполу, гдѣ всѣ безъ разбору сидѣли на деревянныхъ скамьяхъ и разсуждали о важныхъ предметахъ, сказалъ: я не удивляюсь теперь храброспи Лакедемонянъ; но сожалею, что они ведутъ споль скучную жизнь.

Рыбаки и продавцы угрей въ Сибаритѣ были освобождены опъ всѣхъ общественныхъ повинностей, равно и шѣ, кои занимались ловлею и продажею раковинъ,

тому, кпо изобрѣсти для него какое нибудь новос удовольствіе.

дающихъ пурпуровую краску, драгоценнѣйшую и любимѣйшую въ древности.

Единственно для полученія Милетской шерсти, почитаемой тогда самою мягкою, Сибариты вступили въ тѣсную дружбу съ Милетцами.

Въ Сибаритѣ существовала школа головныхъ уборовъ, куда бѣдныя дѣвицы приходили продавать свои волосы, изъ которыхъ искусные парикмахеры дѣлали локоны (*).

Возможно ли вообразить, чѣмъ сей роскошный народъ завидовалъ славу города Олимпа, и спарался привести въ упадокъ Олимпійскія игры! Онъ ввелъ ихъ у себя, праздновалъ въ одно время съ Греческими и предлагалъ великія награды побѣдителямъ, чѣмъ унижилъ шѣ игры, кои споль долгое время обращали на себя вниманіе всѣхъ народовъ (**). —

(*) Путешествіе Пифагора. Москва, 1810, часть 6, стр. 454. Въ Афинахъ, говоритъ Павъ, учреждено было судилище для преслѣдованія шѣхъ женщинъ, которыя дурно одѣвались.

(**) Все слѣдующее заимствовано изъ Діодора Сицилійскаго, книга XII.

Спустя пятьдесятъ восемь лѣтъ послѣ паденія Сибариса, разсѣянные его жители соединились съ нѣкоторыми Тесальцами, и съ помощію оныхъ предприняли снова поспроить городъ на развалинахъ прежняго; но Кропонцы сему возпротивились и по прошествіи пяти лѣтъ снова ихъ выгнали. Такимъ образомъ навсегда палъ городъ, бывшій позорищемъ разврата и роскоши.

Однакожъ благоразтворенной климатъ и плодородіе земли не переставали привлекать сюда поселенцевъ, и изгнанные изъ Сибариса жители отправили пословъ въ Спарту и Аѣины для испрошенія помощи. Лакедемонцы не уважили ихъ просьбы, но Аѣиняне вооружили десять кораблей подъ предводительствомъ Лампона и Ксенократа (*). Множество Грековъ, ободряемыхъ Оракуломъ, который повелѣвалъ поспроить городъ на томъ мѣстѣ, гдѣ находится изобиліе въ водѣ и земля плодоносна, послѣдовали въ Италію. Флотъ прибылъ къ землѣ Сибариса и Греки спали опыскивать назна-

(*). Сіе случилось за 446 до Рож. Хри.

ченное Оракуломъ мѣсто. Не въ дальнемъ разстояніи отъ развалинъ находился испочникъ Турій; окрестности онаго показались имъ пріятными; они построили путь новой городъ, назвавъ его Турій. Спокойствіе недолго господствовало между Сибаритами и Греками. Первые, какъ древніе обладатели страны сей, присвоили себѣ всю власть, предоставили первое мѣсто женамъ и дочерямъ своимъ на торжественныхъ празднествахъ, завладѣли лучшими и ближайшими къ городу землями, а находящіяся въ отдаленности отдали имъ, копорыхъ называли чужестранцами, или вновь прибывшими. Сіе раздражило новыхъ поселенцевъ; возмущеніе вспыхнуло, и Греки, копорые были многочисленнѣе и воинственнѣе Сибаритовъ, напавъ на нихъ, всѣхъ предали смерти. Послѣ сего приглашено было изъ Греціи множество семействъ, копорымъ розданы оставшіяся земли и дома; Турій сдѣлался богатымъ и сильнымъ, вступилъ въ союзъ съ Кропонцами. Правленіе учреждено демократическое, и граждане раздѣлились на десять коленъ, называвшихъ

ся по именамъ шѣхъ народовъ, отъ коихъ производили поселенцы.

Сему полезному учрежденію послѣдовали другія. Хорондасъ (*) написалъ мудрые законы для Турійцевъ, изъ коихъ Діодоръ Сицилійской сохранилъ нѣсколько для потомства.

Сей законодатель исключилъ отъ общественныхъ должностей шѣхъ, кои, имѣвъ дѣшей отъ перваго брака, вступали по смерти жены въ другой. Возможно ли, говоритъ онъ, надѣялся отъ людей, поступающихъ столь неблагоразумно въ разсужденіи своихъ дѣшей, чпобъ они могли подать хорошій совѣтъ для блага отечества — и ежели они были довольны первымъ бракомъ, то не должны вступать въ другой; напрошивъ, ежели они были несчастливы, то безразсудно пускайся на удачу.

Уличеннымъ клеветникамъ предписалъ онъ носить правяные вѣнки, съ

(*) Хорондасъ, по мнѣнію Діогена Лаэртія, былъ ученикъ Пифагора, такъ какъ и Залевкъ, законодатель Локрійской. (*Les vies des philosophes*, Paris 1796 Т. 2 р. 14).

шѣмъ, чтобъ каждой, встрѣтившейся съ ними, познала чернопу ихъ души. Многіе не въ состояніи были переносить сего безчестія и умервщляли самихъ себя.

Хорондасъ, зная лучше многихъ законодателей, сколь необходимы мѣры къ истребленію пороковъ, запретилъ обхождение съ развращенными людьми; онъ издалъ по сему особенныя постановленія, и опредѣлилъ шяжкія наказанія за нарушеніе сего закона.

Но, чтобъ изкоренить порокъ при самомъ его началѣ, онъ обратилъ особенное вниманіе на воспитаніе дѣтей; основывалъ народныя училища и велѣлъ содержать учителей на счетъ Республики. Сіе по, по замѣчанію Діодора Сицилійскаго, было истиннымъ сокровищемъ, которое Хорондасъ могъ доставить своимъ согражданамъ.

Другимъ, столько же мудрымъ закономъ, предоставлялось управленіе имѣніемъ оставшихся сиротъ родственникамъ со стороны отца, а воспитаніе оныхъ родственникамъ со стороны матери. Первые, какъ наследники, въ случаѣ смерти

сироты, для собственной своей выгоды сохраняли имѣніе въ цѣлости, другіе, не надѣясь ничего получить, не могли покуситься на жизнь дышяши.

Всѣ законодатели опредѣляли смертную казнь тому, кто отказывался идти на войну, или бѣжалъ съ поля сраженія. Хорондасъ повелѣлъ, чтобъ преступникъ проспоалъ три дни въ женскомъ платьѣ на народной площади (*). Онъ былъ увѣренъ, что сіе безчестіе искоренишь шрусость, и что шѣ, кои подверглись сему наказанію, не рѣшатся въ другой разъ испытать оное, но постараются стыдъ свой омышь примѣрною храбросшію.

Мудрость сихъ законовъ доставила уваженіе Турійцамъ и славу Республикѣ. Хорондасъ, желая свершить ненарушимость своихъ законовъ, повелѣлъ, чтобы шѣ, кои пожелаютъ шребовать какой

(*) По законамъ Мунгальскихъ и Калмыцкихъ народовъ за бѣгство съ поля сраженія, положено одѣвать виновнаго въ женское платье и выставлять на позорѣ. Сынъ Отечества, 1822 N 6 стр. 256.

либо въ нихъ перемѣны, явились предъ народомъ съ веревкою на шеѣ, кошорая щопчасъ снималась, когда народъ согласился на предложеніе; въ прошивномъ случаѣ зашягивалась.

Сія необыкновенная спросогось произвела то, что его законы были долгое время неприкосновенны, и только при человѣка въ шрехъ слѣдующихъ случаяхъ имѣли смѣлосць предложишь о перемѣнахъ.

Одному кривому выкололи и другой глазъ; законъ опредѣлялъ око за око, не лишая однакожь зрѣнія преспупника. Ослѣпленной принесъ жалобу народу, кошорый сдѣлалъ перемѣну въ законѣ.

Разводъ между супругами позволялся. Одинъ старикъ, оставленный своею молодою женою, предложилъ сдѣлать прибавленіе въ законѣ, что жена не можеть вышши за вшораго мужа, если онъ моложе перваго. Его мнѣніе показалось справедливымъ; онъ избавился наказанія; сдѣлана перемѣна, и ушедшая опъ него жена, кошорая не могла уже имѣшь мужа

*

моложе перваго, возвратилась къ прежнему.

Наконецъ въ третій разъ сдѣлана перемѣна въ законѣ, кошорымъ ближайшему родственнику послѣдней наследницы родоваго имѣнія давалось право требовать ее въ супружество; и ежели онъ того не пожелаетъ, взыскивалось съ него въ ея пользу пять сотъ драхмъ въ видѣ приданого. Одна благородная, но весьма бѣдная, дѣвица принесла жалобу на своего родственника, кошорой не хотѣлъ взять ее въ супружество и порицала законъ, опредѣляющій столь малую сумму на приданое, кошорое не могло ни избавить ее отъ бѣдности, ни доставить ей случай вступить въ такую фамилію, кошорая была бы примична ея происхожденію: народъ зная, какая участь постигнетъ сію несчастную дѣвицу, когда ее просьба будетъ ошпринута, перемѣнилъ законъ и наследникъ долженъ былъ на ней жениться.

Законы сіи были запечатлѣны кровію законодателя. Однажды, по нѣкошорымъ своимъ дѣламъ, ходилъ Хорондасъ

за городъ, взявъ съ собою оружіе для защиты, на случай встрѣчи съ разбойниками. Возвращаясь опшуда, получаетъ извѣстіе, что въ народномъ собраніи происходитъ большое смятеніе. Онъ поспѣшаетъ шуда, забывъ о законѣ, запрещающемъ гражданину являться въ народное собраніе съ оружіемъ. Недоброжелатели Хорондаса, воспользовавшись симъ случаемъ, спали укоряють его нарушеніемъ закона, самимъ имъ написаннаго. Вы узнаете, сказалъ онъ, сколь я почишаю его необходимымъ и сколь уважаю. Онъ вынулъ мечъ — и пронзилъ грудь свою.

Турій долго находился въ цвѣтущемъ состояніи, наконецъ, подвергшись власти сосѣдственныхъ народовъ, спеналъ подъ чуждымъ игомъ до шѣхъ поръ, пока Римляне сдѣлались обладателями южной Италіи. Они нашли сію землю почти лишенною жителей, и завели здѣсь колонію, копорая, поселившись въ городъ, назвала его Копіа.

А. Р.



К Р И Т И К А.

Р Ы Б А К И, И Д И Л Л И Я.

Сочинишель сей Идиллиі, напечатанной въ № 8 *Сына Отечества*, нынѣшняго года, говоришь въ своемъ замѣчаніи, что „онъ осмѣлился испытать родъ Руской народной Идиллиі. Дафнисы и Хлои, прибавляешь онъ, принадлежатъ землѣ чужой, пребываютъ такихъ свойствъ, такихъ красокъ, кошорья, хотя бѣ они были выражены со всею испиною, привлекутъ одно удивленіе, а не учасіе: ибо сердце наше не найдетъ въ нихъ ничего роднаго.“

Прежде разсмотрѣнія сей Идиллиі оспановимся нѣсколько на замѣчаніи

Сочинителя; пошому чшо оно можешъ бышь опнесено не шолько ко всѣмъ родамъ Поэзіи, но и къ произведеніямъ всѣхъ Искусствъ.

Чшо значить произведеніе Поэзіи, или другаго какаго нибудь изящнаго Искусства? Слѣдствіе вдохновенія, голосъ души, которая не въ состояніи удержашъ въ себѣ ощущеній, раждающихся опъ созерцанія, или умственнаго представленія прекрасныхъ предметовъ. Орудіе, какимъ вдохновенный человекъ легче успѣетъ изобразить внутреннія свои ощущенія, опредѣляетъ его мѣсто въ кругу изящныхъ Искусствъ. Одинъ беретъ рѣзецъ и мраморъ — и обдѣлываетъ спашую, другой кисть и краски — и рисуетъ картину, третій мѣру и слова — и пишетъ стихи, и шакъ далѣе. Всѣ они могутъ бышь другъ другу равными по силѣ своихъ чувствованій; различіе полагающъ между ними избираемыя ими орудія: одно способно живѣе изображать ощущенія Художника, но меньшее ихъ количество; другое не представляетъ ихъ совершенно въ чувственномъ видѣ,

но мѣрою своего объема вознаграждаетъ сей недосыпатоку.

Какая цѣль каждаго произведенія Искусства? На эптошь вопросъ трудно отвѣчать вдругъ. Первое произведеніе Искусства, кажется, родилось безъ цѣли. Оно было слѣдствіемъ сильнаго ощущенія души, кошорая не въ состояніи была отказать себѣ въ пошребности изліянія онаго, точно шакъ, какъ мы не можемъ удержаться отъ улыбки, когда слушаемъ что нибудь испинно забавное. Но въ обществахъ людей всякое случайное открытие получаешь со временемъ свое примѣненіе и свою цѣль. Такимъ образомъ и произведенія Искусствъ назначены были для возбужденія въ другихъ точно шакаго же удовольствія, какое находили Художники, изображая въ чувственномъ видѣ душевныя свои ощущенія. Звуки свирѣли, пѣсни, пляска начали оживлять скучныя часы досуговъ и облегчать тягоспное время шрудовъ. Тогда Искусства у нѣкошорыхъ людей сдѣлались предметомъ заняшій пошполянныхъ. Но человекъ, исполненному возвы-

шеиныхъ и сильныхъ чувствованій, прудисься для одной забавы другихъ, сколько бы она ни была благородна, показалось дѣломъ маловажнымъ. Онъ вздумалъ, не измѣняя наружности своихъ произведеній, дать другое направленіе ихъ дѣйствію. Просная забава сдѣлалась забавою поучительною. Зрители, или слушатели, удовлетворяя любопытству своего воображенія, начали почерпашъ въ произведеніяхъ Искусствъ уроки жизни. Художники преобразились въ прорицателей. На чемъ оспавались слѣды ихъ дѣятельности, то спановилось священнымъ. Величайшія пожертвованія не были шягоспными, когда требовалъ ихъ для блага обществя голосъ вдохновеннаго чловѣка. Это была послѣдняя степенъ, до которой Искусства могли возвыситься между людьми. И такъ ихъ цѣль соспоишь въ доспавленіи шакаго удовольствія, которое бы насъ дѣмало способными ко всякому прекрасному дѣйствію.

Есть произведенія Искусствъ, которыя спремяшся къ доспавленію одного шолько удовольствія и доспигающъ въ

полной мѣрѣ своей цѣли. Когда Художникъ останавливается на какомъ успѣхѣ, эщо доказываетъ, что онъ не дорожитъ своимъ достоинствомъ. Другія, не доставляя никакого удовольствія, желаютъ возбудишь прямо какую нибудь благородную рѣшимость. Если Художникъ не умѣетъ плѣнишь прежде, эщо значить, что онъ самозванецъ въ своемъ Искусствѣ. Но кто помощію плѣнительныхъ своихъ произведеній возбуждаетъ порочныя чувствованія, тошъ употребляетъ во зло свое Искусство и унижаетъ себя.

Если сіи замѣчанія справедливы; то изъ нихъ можно вывести слѣдствіе, которое опредѣлитъ, какое произведение Поэзіи, или другаго Искусства, должно считаться совершеннымъ. Когда оно рождается опъ истиннаго одушевленія, когда оно въ состояніи совершенно овладѣти нашимъ сердцемъ и направишь волю нашу къ какой нибудь прекрасной рѣшимости; то какимъ бы орудіемъ ни образоваль его Художникъ и въ какую бы спрану оно перенесено ни было, вездѣ и

всегда будушь почиташь его совершеннымъ. Въ общемъ отношеніи не одно удивленіе, но самое живѣйшее участіе оно будешь возбуждашь во всѣхъ истинно образованныхъ людяхъ.

Между тѣмъ есть причины, можешь бышь важнѣе приведенныхъ нами, по которымъ надобно согласишь съ мнѣніемъ Сочинителя выше означенной Идилліи, что народная Поэзія (мы думаемъ, что онъ самъ не откажешь разпространишь своего замѣчанія объ Идилліяхъ и на другіе роды Поэзіи) предпочтительнѣе неопредѣленной или всеобщей Поэзіи.

Любовь къ отечеству есть первая добродѣтель въ гражданинѣ — и она столь естественна каждому, что мы не умѣемъ вообразить шакаго космополита, которой бы не чувствовалъ внушеннаго удовольствія, услышавъ звуки природнаго языка въ чужой землѣ, или приближаясь къ отечеству изъ дальняго путешествія. Ежели ее назвашь предразсудкомъ; тогда будешь предразсудокъ и то чувство, которое привязываетъ дѣшей къ родителемъ. По любви къ отеч-

честву всѣ произведенія народной Поэзіи становящіяся для насъ особенно драгоценными. Они возвышаютъ нравственное бытіе народа, и по тому дѣлающія предметомъ всеобщаго наслажденія. Произведеніе Поэзіи, заимствованное по предмету изъ другой страны, огравиваеиъ тѣснымъ кругомъ знаатоковъ и любителей Искусствъ; но народное мало по малу переходитъ оиъ высшаго класса къ среднему, а наконецъ и къ низшему. Знакомыя имена, знакомыя прозвешствія, знакомыя мѣста возбуждаютъ любопытство въ самомъ необразованномъ челоуѣкѣ. Удивительно ли, что въ Афинахъ почти каждый гражданинъ могъ бытъ судьей Поэта, или другаго Художника? Въ театрахъ, на площади, въ храмахъ, въ домахъ — онъ слышалъ, видѣлъ все Греческое. Мы не можемъ спказать Озерову въ дани слезъ, когда видимъ на сценѣ слѣдца Эдипа: но такъ ли полно участие наше въ судьбѣ вѣнценоснаго спрадалца, каково оно было между Греками, въ той странѣ, гдѣ Эдипъ не представлялся существомъ какъ бы мечтательнымъ,

но единомышленникомъ каждого зрителя, живымъ владыкою Оивянъ, въ чемъ ихъ все увѣряло: и мѣсто, и языкъ, и одѣяніе? Такъ ли жарки эти слезы, какія проливали мы въ несчастной и славной для Россіи годъ, когда представляли *Дмитрія Донскаго*, когда вдохновенная Семенова произносила стихи сіи:

„О милосердый Богъ! Ты нашъ услышала гласъ;
 Не до конца еще прогнѣвался на насъ,
 И Рускихъ осѣнилъ Ты силою своею!“

когда незабвенный *Кутузовъ*, въ набожномъ умиленіи, вспалъ въ своей ложѣ и, обливаясь слезами, крестился въ виду всѣхъ воспорженныхъ зрителей? Вошь истинное поржество народной Поэзіи! Только подобныя явленія берутъ всю власшь надъ душою нашею. Часто цѣлую жизнь они не изглаживаются изъ памяти и изъ сердца. Они преслѣдуютъ насъ и въ лишинѣ домашней и въ заботахъ общественныхъ. Если бы народныя и частныя увеселенія всегда напоминали намъ или опечесивенную исторію, или опечесив-

венную природу; тогда бы намъ понятенъ былъ гнѣвъ народа Афинскаго, который хотѣлъ побить камнями Персидскаго посла, когда онъ осмѣлился *варварски*мъ языкомъ осквернить воздухъ просвѣщенной Греціи.

Въ нынѣшнее время, когда число произведеній Поэзіи чрезвычайно увеличилось, самые чужеземцы, любопытствуя узнать Поэзію какаго нибудь народа, всего прежде ищутъ особенно относящагося къ тому народу. Если мы получаемъ произведенія Персидской Поэзіи, насъ болѣе всего изъ нихъ занимаютъ тѣ, въ которыхъ описана тамошняя природа, чувствованія, происшествія и проч. Любители Поэзіи вѣрно помнятъ по впечатлѣнію, которое произвелъ надъ ними профессоръ Персидской словесности Г. Шармуа, когда, при открытіи кафедры восточныхъ языковъ при С. П. бургскомъ Университетѣ, онъ знакомилъ своихъ слушателей съ Персидскою Поэзіею. Кто бы повѣрилъ, что въ Парижѣ съ большимъ участіемъ читаютъ переводы нашихъ просонародныхъ пѣсень,

нежели переводъ единственной, несравненной піэсы Бапюшкова: *Умирающій Тассъ?*

Но мы опасаемся перейти границы этого предмета, о которомъ говорить начали. Народная Поэзія (что бы сказать короткими словами) преимущественнѣе неопредѣленной по тому, что она вѣрнѣе достигаетъ своей цѣли: она живѣе въ насъ рождаетъ удовольствіе, и чувствованія, ея возбуждаемая, глубже и продолжительнѣе бываютъ въ нашемъ сердцѣ. Это преимущество касается произведеній Поэзіи. Но съ нею соединены выгоды для самихъ Поэтовъ. Изображая свою природу, свои нравы и проч. они не будутъ принуждены мучить свое воображеніе, чтобъ хорошо описать то, чего они не видали своими глазами. Имъ надобно будетъ только взглядываться во всѣ, окружающіе ихъ, предметы — и кришика не укоритъ ихъ ни въ ложныхъ картинахъ, ни въ смѣси чувствованій древнихъ съ новѣйшими, ни въ другихъ, подобныхъ симъ, ошибкахъ, почти безпрестанно встрѣчающихся у нашихъ Поэтовъ. Правда, что наше

небо не такъ ясно и чисто, какъ небо Греціи, или Италіи; наши луга не такъ роскошны, какъ долины Эвфрата: но испинно прекрасное и въ самой дикости своей прекрасно. Природа въ *Водопадѣ* Державина можешь очаровать и полуденнаго жищеля.

Мы совершенно увѣримся въ справедливости сихъ замѣчаній, если разсмотримъ Идиллію, которая подала намъ поводъ говорить о народной Позіи.

Содержаніе этой Идилліи слѣдующее: Два рыбака, прибывшіе въ Пешербургъ изъ южныхъ краевъ Россіи, осправляли ремесло свое на одномъ изъ острововъ, омываемыхъ рукавами Невы. Спаршій укорялъ однажды своего молодого шоварища, что онъ, по своей спрасши къ игръ на свирѣли, часшо забываешь свое дѣло, и спрацалъ его, что онъ можешь опъшого оспашься совсѣмъ безъ хлѣба. Молодой Рыбакъ съ жаромъ защищаешь свою охоту, доказывая, что она не помѣшаешь ему бышь всегда чесшнымъ чловѣкомъ и шрудисься. Споръ оканчиваешья пѣмъ, что молодой рыбакъ подѣ-

но, сколь и естественнo. Спихопворецъ ослановилсѣ на самой счастливой мысли изъ всѣхъ, какія только могли предсшавилсѣ его воображенію о подобномъ предметѣ. Если бы все дѣйствіе произошло между одними Рыбаками, Идиллія сдѣлалась бы утѣшительной ошъ своего однообразія и не плѣняла насъ тою противоположностію, которая находится въ двухъ предметахъ, равно поэпическихъ, но совсѣмъ разнороднымъ. Характеры Рыбаковъ совершенно списаны съ природы. Старики обыкновенно предпочитаютъ (какъ и должны) полезное прилшному. Но старшій Рыбакъ, не смотря на свою брюзгливость, добръ и даже чувствителенъ. Люди, на чужой сторонѣ, особенно чувствуюшъ потребность въ привязанности земляковъ своихъ. Онъ сердился на товарища и въ ту же минуту говоритъ ему:

„Здорово! Дай руку, товарищъ!“

Въ молодомъ Рыбакѣ видно все дѣйствіе юности. Онъ живо рассказываетъ о происшествіяхъ своего дѣлшва, на-

дѣлается на себя и никакъ не ожидаетъ себя несчастія отъ бѣдности. Но въ сужденіяхъ ихъ сохранено все правдоподобіе. У нихъ свои доказательства, свои сравненія, свои заключенія. На примѣръ, что можеть быть естественнѣе слѣдующихъ двухъ стиховъ, въ которыхъ Сочинитель такъ вѣрно изобразилъ образъ мыслей нашихъ просполудимовъ?

„Паль на сердце спрахъ: до бѣды далеко ли
человѣку?”

Такихъ, братъ, какъ ты, подцѣпляли не разъ
водяныя.“

Читая сію Идиллію не скажешь, что Стихошворецъ дразнитъ Рыбаковъ испорченнымъ ихъ языкомъ. Напрошивъ, онъ подслушалъ ихъ разговоръ и передалъ намъ, какъ долженъ передавать Поэтъ. Въ стихахъ, гдѣ приводятся рѣчи просполудимовыя, есть свои красоты. Грубыя, низкія выраженія спольже прошивны въ Идилліи, какъ и высокопарныя. На каршинѣ, гдѣ изображенъ сельской видъ, не должны встрѣчаться низкія явленія. Но также было бы смѣшно, если

бы увидѣли тамъ какаго нибудь пасшуха въ модномъ фракѣ. Вошь разговоръ сшарика съ поварищемъ въ первой часши Идилліи. По эшому опривку можно будетъ лучше судить о томъ, какъ прошоша слога Идилліи удерживаешь въ себѣ всю прелестъ Поэзіи.

С ш а р.

Любезный поварищъ, вѣдь пѣснями рыбы не
ловяшь.

Ты сладко играешь, и мнѣ свои пѣсни оп-
радны;

Но, вижу, ты часто работу мѣняешь на пѣсни;
Поешь ты до пшицъ; для свирѣли и сонъ за-
бываешь.

Ошоша другая неволя; но молвлю я слово:

Нашъ неводъ изорванъ и верша швоя не въ
исправѣ.

Не пѣснями ль, милой, ты здѣсь зашѣваешь
кормишься?

Ты съ голоду сгибнешь, иль съ сумкой воро-
пишься къ дому.

М л а д.

Не сгбну, любезной! Насъ пѣспи до бѣды не
доводяшь;

И дѣдъ мой любилъ ихъ.

С п а р.

Паспухъ горемычный (*),

Что дѣшамъ оставилъ онъ?

М л а д.

Доброе имя.

С п а р.

И бѣднѣшъ.

Опець явой рыбаць и дѣшей бы не въ скудѣ

оставилъ,

Когда бѣ не пришли на семью его черные

годы:

Пожаръ за пожаромъ его разорилъ до основы.

М л а д.

А кто же помогъ намъ? И кто на дорогу

снабдилъ насъ,

Опдавши послѣднее? Дѣдъ мой, паспухъ го-

ремычной.

Онъ, онъ подарилъ мнѣ, и эшу паспущью цѣв-

ницу:

Онъ къ пѣснямъ меня захошилъ.

С п а р.

Такъ что же, поварищъ?

Знашь, хочешь ты кинуть наслѣдшвенный

промысль опцовскій?

Но промысль рыбацїй ешь промысль и чи-

спый и чеспный:

(*). Четырехстопный стихъ. Вѣрно пропускъ наборщика.

Рыбакъ не губитель: своей онъ руки не кра-
вавилъ;

Рыбакъ не обманщикъ: товаръ продаетъ не
поддѣльной.

Симъ промысломъ честнымъ ошцы наши
хлѣбъ добывали,

Знаешь, другъ мой любезный, тяжель тебѣ
шрудъ рыболова?

Такъ лучше бь съ сиврѣлю оспался шы дома,
при спадѣ.

Тамъ ясное небо, тамъ ясныя души, и пѣсни
Тамъ малы людямъ; а здѣсь, брацъ, и люди,
какъ небо,

Суровы! Здѣсь хлѣба не выпоешь, выпла-
чешь легче.

Опомнись, землякъ; что скажешь и мащъ,
какъ услышишь?

М л а д.

Услышишь, любезной, а мнѣ она добрыя вѣ-
сти;

А шы понапрасну меня не кори; обижаешь.

Рыбачій я промыслъ люблю и его не чуждаюсь;
Быть можешь, лѣнивъ, а больше того без-
шалавливъ;

Но справлюсь, поварищъ! Сулишь рыболовъ
мнѣ приморскій

Клубъ вишокъ и вершу за выучку пѣсней сви-
рьмылыхъ.

Вошь, видишь ты, пѣсни любящъ и здѣшніе
 люди;
 Ихъ слушають часно, на шлюбкахъ по взмо-
 рью гуляя,
 Боляре градскіе; ихъ любящъ всѣ добрые люди.
 Я помню изъ дѣшсва, какъ въ нашемъ
 селеніи спарець,
 Захожій слѣпецъ, наигрывалъ пѣсни на спру-
 нахъ
 Про шарыя войны, про воиновъ Рускихъ мо-
 гучихъ.
 Мы всѣ ребяпишки, какъ вкопаны въ землю
 стояли;
 А дѣдъ мой шарикъ, опершись на ладонь,
 приунывно
 На лавкѣ сидѣлъ, и изъ глазъ его капали
 слезы.
 О кшо бы меня изучилъ сладкогласнымъ шѣмъ
 пѣсямъ,
 Тому бъ я опдалъ изъ счастливейшихъ пол-
 ную поню!
 Вонъ шамъ, на Невѣ, подъ высокимъ шере-
 момъ свѣшлымъ,
 Изъ камня гдѣ львы у порога споящъ, какъ
 живые,
 Подъ шеремомъ шѣмъ обинаешъ Боляринъ
 великій,
 Уже пресшарѣлый; но, знашь, въ немъ душа
 молодая.

Подъ шеремомъ тѣмъ, ты слыхалъ ли, какъ
 въ лѣпнія ночи
 И струны рокочуть и вѣще носяиця гласы?
 Знаишь, спарцы слѣпые Болярина пѣснями
 тѣшаишь.
 Землякъ, и свирѣль шамъ слышна: соловьемъ
 разтѣваешъ!
 Всю душу проходишь, какъ прель поведеть
 и зальеися!
 Ты видишь, землякъ, и Боляре разумные лю-
 бяишь
 Свирѣль. Не хули же моей ты сердечной за-
 бавы.
 Люблю свое ремесло, но ты пѣсни люблю я;
 А дѣдъ мой говаривалъ: чпо въ кого Богъ по-
 селяешъ,
 То вѣрно не къ худу. И чпо же въ пѣсняхъ
 худаго?
 Мнѣ сладко, мнѣ весело, радостно — словно
 я въ небѣ —
 Когда на свирѣли играю! Да самъ ты, пова-
 рищъ,
 Ты самъ, какъ пою я про спорону нашу род-
 ную,
 Про рѣки знакомыя, гдѣ мы училися ловлѣ,
 Про доли зеленые, гдѣ мы рѣзвились молодые,
 За чѣмъ ты, любезной, глаза закрываешъ
 рукою?
 Да ты же меня и коришь и сумою спращаешъ!

Мнѣ бѣдноснѣ знакома изъ дѣшснва; ея не боюся.

Поколь жъ еснѣ руки, я ихъ не простру за подачей.

Кромѣ тѣхъ совершенствъ, которыя производящъ ошъ удачнаго выбора дѣйствія, ошъ вѣрноснѣ характеровъ, ошъ естественности и красоты выраженій, эша Идиллія влнчается самою счастливою обрисовкою мѣснноснѣ. Спнхотворецъ не доволенъ былъ тѣмъ, чтообы познакомнѣ насъ съ окреснноснѣями эшаго острова; онъ выбралъ прекраснѣйшее время года, жъ которое нашъ сѣверъ можетъ возбуждаснѣ завнснѣ въ полуденныхъ народахъ. Кто изъ Петербургскнѣхъ жнпелей не плнлся красотой ясныхъ ночей Майскнѣхъ? Какой Ипальянецъ не пожелалъ бы перенеснѣ этнѣхъ ночей подъ сладоснѣное небо своей прелестной Авзоннѣ? Посмотрнѣмъ, какъ Спнхотворецъ изобразнѣ эшо время.

(Начало второй части Идилліи).

Уже надъ Невою снѣетъ беззнойное солнце;
Уже вечерѣетъ; а рыбаля нѣтъ молодаго.

Слиянве волшебное шѣни и сладкаго свѣта,
 Какимъ никогда не украшено небо полудня;
 Та ясная, подобная прелестямъ сѣверной
 дѣвы,

Которой глаза голубые и алмазныя щеки
 Едва опѣняюща русыми локонами волнами.
 Тогда надъ Невой и надъ пышнымъ Пепро-
 полемъ видишь
 Безъ сумрака вечеръ и быспрыя ночи безъ
 тѣни;

Тогда Филомела полночные пѣсни лишь кон-
 чить,

И пѣсни заводитъ, привѣщивъ день воз-
 ходящій,

Но поздно; повѣла свѣжесць; на Невскія
 шундры

Роса опустилась; а рыбага нѣтъ молодого.
 Вошь полночь; шумѣвшая вечеромъ тысячею
 весель

Нева ни колышетъ; разѣхались гости град-
 скіе.

Ни гласа на брегѣ, ни зыби на влагѣ, все
 тихо;

Лишь изрѣдка гуль отъ мосшовъ пробѣжитъ
 надъ водою;

Лишь крикъ пропаянный изъ дальней пром-
 чился деревни,

Гдѣ въ ночь оканчивается ратная сража со
 сражей.

Все спишь; надъ селомъ не видашь ни единого дыма.
 Огонь лишь дымился предъ кущею рыба-
 сарца.

Красоты эпои карпини по справедливости могутъ назваться первоклассными красотоми Поэзии. Стихотворецъ шакъ вѣрно слѣдуетъ за своимъ предметомъ, что чипатель ни одного явленія вечера въ описываемомъ мѣспѣ прибавить не можетъ. Полнопа сего описанія невольнo напоминаетъ намъ вѣрныи списки съ Природы древнихъ Поэтовъ. Они изучались описаніамъ Природы, размашривая ее, а не полагались на живость одного воображенія. Приведемъ еще одно описаніе. Оно совсѣмъ въ другомъ родѣ. Стихотворецъ заспавляетъ молодаго Рыбака рассказывать, какъ онъ подходилъ и какъ наконецъ всупилъ въ домъ своего благодѣшеля — Вельможи. Любителю Музы, по самому простому рассказу Рыбака, вѣрно узнаютъ того незабвеннаго чловѣка, который, послѣ Шувалова, больше всѣхъ имѣлъ право на имя Рускаго Мецената.

Боялся, поварищъ! Въ груди' моей дрогнуло
 сердце;
 Какъ вошь и Боляринъ изъ перемныхъ окопъ
 криспальныхъ
 Свой ласковый голосъ мнѣ подалъ; и пролилъ
 онъ въ душу
 Веселость и смѣлость! Вступилъ я въ хоро-
 мы; но спрашно
 Мнѣ стало опяшь, какъ я началъ ишли до
 хоромамъ.
 Со спѣнъ ихъ лики глядяшь на себя какъ
 живые!
 Изъ мрамора дѣвы, прелестныя, только не
 дышуть!
 Но диву я дался, увидѣвши перемъ высокій:
 Чудесный, прозрачный! Какъ въ сказкѣ, зем-
 лякъ, говорищя:
 Чшо на небѣ звѣзды, и въ перемъ звѣзды; и
 мѣсяць
 И вся въ перему красота поднебесная вид-
 на!
 Въ немъ спарець Боляринъ сидѣлъ сребро-
 власый въ семействѣ
 Цвѣшущихъ дѣшей, средь Боляръ и Вель-
 можъ именишыхъ.
 Смушился я, другъ; у порога споялъ полу-
 мершвой;
 Но ожило сердце, забилося весельемъ, и
 слезы

Изъ глазъ у меня просинуили, какъ добрый
Боляринъ

Привѣшно взглянулъ на меня и ласково мол-
вилъ:

„Люблю я невинныхъ сердець вдохновенья
просишь;

„Люблю я свирѣльныя пѣсни, а ты ихъ при-
яшно играешь.

„Не разъ и ко мнѣ доходили ихъ сладкіе звуки.

„Давно я желалъ насладиться швоею сви-
рѣлью;

„Давно приготовилъ награду, достойную пѣс-
ней:

„Тебя подарю я прекрасной свирѣлью изъ
пальмы.

„Сыграй намъ, о рыбарь, пріятную, сель-
скую пѣсню!“

За чѣмъ ты, товарищъ, подъ шеремомъ
не былъ со мною?

Напомнилъ бы ты мнѣ, какія я пѣсни играю:
Ошъ радости всѣ позабылъ я; споюлъ безош-
вѣшный;

Но очи лишь поднялъ и взоромъ съ Боляри-
номъ встрѣлся,

Безвѣстная, другъ, обняла меня дивная сила!

Взыгралъ я, и пѣснь разлилась по зеленому
саду!

Въ эпюмъ опрыжкъ одно только сло-
во, кажешся, не хорошо, ш. е. глаголь:

встрѣлся, вмѣсто встрѣтился. Хотя въ просторѣчїи говорятъ такимъ образомъ, но Спихотворецъ, для изображенія простонародныхъ разговоровъ, не долженъ придерживаться и ошибокъ ихъ въ языкѣ, который у него долженъ быть только простъ, а не испорченъ. Въ послѣднемъ случаѣ безчисленное множество испорченныхъ словъ получило бы право гражданства въ нашей Литературѣ.

Что остается особеннаго въ душѣ Русскаго, по пречтеніи сей Идилліи? Она облагороживаетъ нечувствительнo въ глазахъ нашихъ шакихъ людей, на которыхъ мы часто, по снранной привычкѣ, смотрѣли съ пренебреженіемъ. Встрѣтившійся рыбакъ теперь можетъ намъ напомнить сихъ Рыбаковъ и нарисовать воображенію прекрасное произшествіе изъ ихъ жизни. Мѣста, на которыхъ описано дѣйствіе, получаютъ для насъ новую прїятность. Можно ручаться, что многіе изъ любителей Поэзіи съ любопытствомъ посмотрятъ на этотъ островъ и повѣрятъ описанія Поэта съ самою Природою. Лѣтнія ночи будутъ при-

водитъ на память эшу удивительную
ночь, копорая вѣрно никогда не выйдетъ
изъ воображенія чувствительнаго чело-
вѣка. Дача Вельможи, прошивъ присна-
нища рыбаковъ,

Изъ камня гдѣ львы у порога споянъ, какъ
живнѣ,
сдѣлаенъ любимымъ предметомъ, на ко-
порой съ опрадою будетъ обращаться
взглядъ молодаго Художника; онъ, ходя
по ней, спанетъ искашь слѣдовъ того,
чей ласковой голосъ пролилъ въ душу Ры-
бака веселость и сдѣлность. Такимъ об-
зомъ народная Поэзія, обольщая насъ
тѣмъ, на что мы прежде сморѣли хлад-
нокровно, сливается съ нашею жизнію, и
не только наше опечеснво, на и насъ
дѣлаетъ самимъ себѣ любезнѣе. Пуснъ
предсавянтъ намъ подобное произшест-
віе на берегахъ Иллиса. Тамъ роскошнѣ
Природа; образъ жизни пѣвншельнѣ; лю-
ди чувствами богатѣ: но удовольствіе
наше не будетъ отъ того живѣе. Мы
прочли бы эшу Идиллію, позавидовали бы
сердечно спранѣ, въ копорой есть такіе
Рыбаки; но никогда бы не могли ихъ сдѣ-

лапъ мечпашельными своими согражда-
нами, — между шѣмъ, какъ народная И-
диллія съ каждыиъ лѣпомъ, съ каждою
прогулкою будетъ возобновляться въ на-
шей памяти. Пожелаемъ; что бы въ та-
комъ родѣ мы современемъ могли соста-
вить хоть одну книжку. Она упѣшила
бы насъ въ потерѣ небывалаго золотаго
вѣка, и увѣрила бы всѣхъ, что Аполлонъ
и сѣверныхъ пастуховъ можетъ научить
своимъ сладостнымъ пѣснямъ.

Можетъ быть, найдутся такіе лю-
бители Поэзіи, которые пожалуютъ, что
это сочиненіе не *скрашено* приемами. Чѣмъ
оправдать передъ ними недогадливаго
Сочинителя? Но, признаемся, мы сами
очень поздно вздумали объ эшомъ *недо-
станкѣ* его Идилліи. Когда прекрасная
мысль выражена гармоническимъ спи-
хомъ; по, кажется, самое прихотливое,
самое избалованное (если можно такъ ска-
зать) ухо оставитъ требованія свои на
риѣму. Отъ чего у насъ многіе не любятъ
стиховъ безъ риѣмъ? Отъ того, что мно-
го такимъ образомъ написано стиховъ
вялыхъ, или неблагозвучныхъ. Нѣжность

слуха не естъ удѣлъ каждаго Поэта. Одинъ оццую добирается до хорошаго стиха—и думаешь, что написалъ его, когда, выразивъ мысль свою, сохранилъ въ своей спрокѣ число стопъ: другой слышитъ малѣйшую невѣрность паденія звуковъ — и перемѣняешь то, на чемъ бы первой охотно успокоился. Наши составные спондеи (произходящіе отъ двухъ односложныхъ словъ, или одного, поставленнаго подлѣ слова, начинающагося долгимъ слогомъ) и неизбѣжные наши пирриіи представляютъ самый опасный камень прешкновения для шѣхъ, кошорые не имѣютъ вѣрнаго уха. Не говоря уже о шестистопномъ и о пятистопномъ ямбическихъ стихахъ, что они бывають вѣды, когда на пресѣченіи случится въ нихъ пиррихій; самый четырехстопный стихъ рѣдко бываетъ удаченъ для слуха, если въ немъ вшорая стопа не имѣетъ на концѣ рѣшишельнаго ударенія. Теперь труднo ли понять, отъ чего не нравятся многимъ стихи безъ риемъ, когда ухо, не встрѣчая пріятнаго паденія звуковъ, лишается даже и послѣдней своей игру-

ники, ш. е. конечнаго созвучія спиховъ?

Но въ трехсложныхъ стопахъ легче всего соблюсти вѣрность паденія звуковъ. Особенно въ нихъ пиррихи не могутъ затруднять Поэта и всегда умѣщаются такъ, что стопа остается правильною и чистою. По сему намъ кажется, что дактили, анапесты и амфибрахи на нашемъ языкѣ всегда могутъ являться безъ риѣма. Сколько превосходныхъ спихотвореній у Мерзлякова, Волкова, Востокова и Жуковского, которыя совершенно оправдываютъ наше мнѣнiе! Не будемъ считатьъ риѣмы цѣпью шаланша; истинный Поэтъ ни чѣмъ связанъ быть не можетъ въ языкѣ. Это доказалъ Батюшковъ, который очень мало писалъ безъ риѣма, между тѣмъ у него нѣтъ ни одного спихотворенія, которое бы нельзя было назвать классическимъ. Мы лучше будемъ гордиться сощавомъ языка нашего, который даетъ намъ возможность приближаться къ свободѣ языковъ древнихъ и ставитъ нашу поэзію выше риѣмованной прозы юго-за-

плавныхъ языковъ, жалкихъ дышей языка
 Виргилія и Горація.

Наконецъ, нельзя не согласишься, что
 пятистопные и шестистопные стихи,
 писанные прехсложными стопами, сдѣ-
 лались бы чрезвычайно однообразными,
 тяжелыми и даже скучными отъ рѣемъ.
 Стихотворецъ тогда находился бы въ
 затруднительной обязанности оканчи-
 вать смыслъ почти каждой рѣчи въ одномъ
 стихѣ. Между тѣмъ, когда нѣтъ рѣемы,
 онъ можетъ останавливать его и на по-
 ловинѣ стиха, что въ разговорной осо-
 бенно формѣ почти необходимо. Отъ эпа-
 го происходитъ живость языка, разнооб-
 разіе стиховъ и легкость въ ихъ произ-
 ношеніи.

И такъ Сочинитель разсматривае-
 мой нами Идилліи очень хорошо посту-
 пилъ, употребивъ амфибрахическіе пя-
 тистопные стихи безъ рѣемъ. Могутъ
 ли рѣемы придать сколько нибудь новой
 пріятности слѣдующимъ, на примѣръ,
 стихамъ?

„Онъ звуками сердца по свѣшлой Невѣ раз-
 ливаясь,

Не разъ у гребцовъ — снанаваливалъ шумныя
 весла;
 Но въ сердцѣ невинномъ чудесь имъ швори-
 мыхъ не вѣдалъ.“

Впрочемъ мы не ругаемся за вкусъ
 всѣхъ; не выдаемъ своего мнѣнія за не-
 преложное: но пѣмъ не менѣе осмѣли-
 ваемся произнести оное чистосердечно.

Плетневъ.

ЛИТЕРАТУРА.

А.

П Р О З А.

ЛАКОНИЗМЪ СУВОРОВА.

Древняя Спарта блискала своимъ Лаконизмомъ. Спартианское сіе, подъ яснымъ небомъ Лаконіи возникшее, краснорѣчіе оппечатывало народную доблесь, очаровывало прелестію крапкости и силы слова умы — и по истинѣ Лаконизмъ естъ рѣдкій даръ, опголосокъ великой души и великаго духа. *Умрели за отечество* — были слова Леонида и пѣхъ шрехъ сохъ безсмертныхъ, которые опважились прошивостать несмѣтному ополченію Ксеркса, спасли опечество и прупа-

ми своими увѣковѣчили имя **Θερμοπύλῃς** Элада, сія мать споль многихъ славныхъ мужей, плѣняетъ насъ и своими Героями и ихъ крапкими, мудрыми изрѣченіями. Не распочають они словъ памь, гдѣ вѣдспоятъ подвиги. Словомъ однимъ они воспламеняють воинство и оспанавливають колесо рока въ самомъ спремительномъ его вращеніи. — Вся Греція покрылась развалинами; но слава дѣлъ и словъ сыновъ ея подъ оными не сокрылась. **Περό** исторіи даруетъ ей жизнь вѣчную.

Римъ содѣлывается владыкою вселенной. Могуществомъ оружія его побѣждается, но не порабощается Греція. Ея философія, науки, художества, законы, пенаты, краснорѣчіе, и сей мужественный **Λακωνισμός**, сія возвышенность духа пересселяются въ Капитолію. Лучами ея озаренный Римъ перерождается. — И памь видимъ мы, что попришенія государствъ воззываютъ на поприще славы мужей необыкновенныхъ, единственныхъ, спасителей Отечества; раждаютъ великія мысли, великія слова; и что **Λακωνισμός** сдѣлался языкомъ Римской сла-

вы. То же чудо, которое совершилось на берегахъ Эвротаса, совершается и въ Сициліи: все Римское войско, окруженное Аннибаломъ, по невыгодному своему мѣсту споположенію, должно неминуемо погибнуть. Квинтъ Цецидій предлагаешь выступить съ четырьмя спами Римлякъ на возвышенное мѣсто въ виду непріателя, дабы пѣмъ отвлечь его силы на себя и доставить Сципіону способъ выступить изъ гибельнаго своего положенія. *Умремъ за отечество* — слова безсмертнаго Цецидія. — Четыре спа воиновъ бѣгутъ съ нимъ на смерть неизбежную; войско Карфагенское бросается на сію горсть людей; они погибающъ; а Сципіонъ побѣдитель при Замѣ. — Какъ не удивляться владычеству слова, сему волшебному жезлу Римскихъ Геніевъ! *Veni, vidi, vici*, слова Цезаря, восхищаютъ Сенатъ и народъ Римскій болѣе всѣхъ вѣстий донесеній. Тщесно исповещиваешь нѣкогда сей знаменитый Полководецъ всѣ свои усилія къ укрощенію возмущившагося Римскаго воинства; оно непреклонно. Но слово его *Граждане* —

мгновенно поражаетъ, обезоруживаетъ, и
чиноначалие водворяется. — Слово, съ
двердосцію духа произнесенное, спасаетъ
Марія въ темницѣ: побѣдитель Кимвровъ
воскликаетъ вбѣгающему къ нему неволь-
нику: Варваръ! Кто? — Ты? — На Каія
Марія? — Ножъ выпадаетъ — Кимвръ
бѣжитъ. — Цицеронъ, спаситель Рима,
побѣдитель всюду: провозгласивъ въ Се-
натѣ Помпея и Цезаря великими, онъ пре-
клоняетъ Помпея къ помилованію Ми-
лона; а Цезарь раздираетъ приговоръ
смерти Лигарію. — Вошь торжества Ла-
конизма!

И Россія гордится мужемъ, котора-
го побѣды столь же быстры и блиста-
тельны, сколь слова крапки и громонос-
ны. *Быстрота, глазомѣръ, натискъ:*
вошь *Лаконизмъ* его шаклики! — *Съ на-
ми Богъ! Впередъ! Россійское войско побѣ-
доносно! Ура!* Слова его предъ сражені-
емъ — пущенныя изъ устъ подъ щитомъ
вѣры всегда непобѣдимаго; онъ для вой-
ска, обожавшаго его, были знаменіемъ по-
бѣды; всѣ летѣли къ торжеству, ко сла-
вѣ. — Врагъ съ великимъ ополченіемъ; но

съ малою душою бѣжитъ.—Герой встрѣчаетъ побѣдителей: *Ура! Чудо богатыри! Слава! Побѣда! Великъ Боев Рускихъ!* Слезы радости, восторга, благоговѣнія сливаются съ его слезами.

Такъ паритъ Суворовъ нашъ къ бессмертію; но и на самомъ полетѣ въ ушахъ его: *скорость нужна, а послѣдшность средна.*

На войнѣ онъ быспрь: съ малымъ отрядомъ уходитъ изъ арміи, и вдругъ изъ Туртукая получается донесеніе: *Слава Богу! Слава вамъ! Туртукай еяты, и я тамъ.* — При Рымникѣ Принцъ Кобургскій умоляетъ его письмомъ на Французскомъ языкѣ о содѣйствіи; онъ возвращаетъ ему оное съ надписью по Руски: *иду — Суворовъ.* — Чрезъ нѣсколько часовъ Рымникскій шухъ съ шестнадцатью тысячами — и Визирь съ шестьюдесятью разбитъ. — Едва подспунаешъ къ неприступному Измаилу, какъ твердыня сія упадаешъ, и онъ пишетъ: *Россійскія знамена на стѣнахъ Измаила!* По разбитіи подъ Брестомъ Липовскимъ всего многочисленнаго Польскаго ополченія на голову, доно-

сипть Задунайскому: „корпусъ Сираковскаго конгилд!“ Лепипть въ Польшу, и Польша исчезаетъ. — *Ура! Варшава наша!* — „*Ура! Фельдмаршалъ Суворовъ!*“ —

ЕКАТЕРИНА.

Лаконизъ за Лаконизмъ безсмертной. Въ три мѣсяца Италія со всѣми крѣпостями покоряется громамъ Италійскаго. — Россійскій Аннибалъ преодолеваетъ непреодолимое: переходитъ громады Альповъ. — На сей высотѣ славы подносится ему картина, изображающая всѣ его подвиги съ семи словами: *пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ*. Онъ беретъ перъ, вымарываетъ *увидѣлъ*, и симъ показываетъ, что въ быстротѣ превзошелъ Цезаря. — Таковая гордыня приличествуетъ токмо таковому герою. — Горе дерзающему подражать неподражаемому! — Суворова никпо не пересуворовипть, сказалъ Пошемкинъ.

Онъ столько былъ скоръ, что даже никогда не ходилъ, а бѣгалъ; никогда иначе верхомъ не ѣздилъ, какъ скакалъ. *Для войны нужны деньги; но драгоцѣннѣе время. Я действую не часами, а минутами, по*

впорялъ онъ часто. Крашкоть былъ онъ и на словахъ и на письмѣ.

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЬ возлагаеиъ на него крестъ Іоанна Іерусалимскаго; упавъ на колѣна, Суворовъ восклицаетъ: *Да спасетъ Богъ Царя!* — „*Да спасетъ Богъ тебя для спасенія Царей!*“ — былъ опивѣиъ, досшойный ГОСУДАРЯ. Варшава высылаетъ къ нему уполномоченныхъ для переговоровъ; онъ выбѣгаетъ къ нимъ въ юрты, каткъ и саблѣ. *Мирд! мирд!* кричитъ со слезами радости, бросаетъ окровавленный мечъ и прижимаетъ къ груди враговъ. Въ изумленіи забываютъ пѣ свои предложенія и опверзаютъ врапа сполитцы побѣдишело.

На письмѣ крашкоть его единственна: изъ Варшавы извѣщаетъ друзей своихъ о вѣнчаніи оной. На письмѣ надпись тому, кому слѣдуетъ; по распечатаніи, подпись: *Суворовъ*, на споронѣ: *Варшава, число и годъ*. — Англійскому Адмиралу Нельсону, побѣдишело при Абукирѣ, а пѣннику прелестей Лади Гамильшонъ въ Палермѣ, пишетъ: *Палермо не Цитера!* — Тѣснимый оповсюду неприятели,

Австрійскій Генераль Меласъ спрашива-
 етъ его рапортомъ: куда решировались?
 Отвѣщъ карандашемъ: въ *Піаченцу*, то
 естъ, впередь. — Магдональдъ разбишь
 на поляхъ Аннибала, а Суворовъ встрѣ-
 чаешъ въ Піачензѣ Меласа. — И сей ве-
 ликій мужъ могъ имѣть завистниковъ?
 Не всегда озаряло его солнце, и надъ его
 главою висѣли громоносныя пучи. — По-
 смопримъ, какъ онъ низлагаесть зависть
 шулками и смѣхомъ, и какъ швердь въ
 несчастіи.

Екатерина Великая, желая вы-
 вестъ Попемкуна изъ ошибочнаго его
 мнѣнія о умѣ Суворова, позволила ему въ
 особой комнатѣ находиться во время ея
 съ нимъ разговора. Удивленный необык-
 новеннымъ оспроуміемъ и глубокомыслі-
 емъ его Попемкинъ упрекнулъ, за чѣмъ
 съ нимъ также не бесѣдуешъ. Отвѣщъ:
сб Царяли ц меня другой языкѣ. — Гор-
 деца, хваспавшаго, чпо говариваль, бывъ
 камерпажемъ, нерѣдко съ Государынею,
 наказываешъ: *Потемкинѣ гоеоритѣ сб*
ИМПЕРАТРИЦЕЮ *всегда, Суворовѣ ино-*
гда, а такой то никогда. Другаго, по-

вспорядваго ему безпреспанно о своей дружбѣ: *Дружба и служба — двѣ параллельныя линіи: никогда не сходятся.* — Пльнныя въ Ипаліи Французскіе Генералы жаловались, что съ ними поспупающъ наравнѣ съ ихъ солдатами: *кто виноватъ, они всѣ равны: былъ опвѣщъ Суворова.* — На балѣ у себя въ Прагѣ, замѣшивъ не удовольствіе Богемскихъ Дворянъ за приглашеніе на оный Профессора Мейснера, сказалъ: *кто изобразилъ душу Алкивиада, тотъ славный теловѣкъ. Наставники и просвѣтителы наши, по словамъ Аддисона, первенствующее дворянство.* — Барону Тутугу, желавшему исторгнуть у него шайну военныхъ его предположеній, вручаешъ свипокъ бѣлой бумаги, убѣгаешъ и кричишь: *вотъ мои планы!* —

Но когда ему предложили дѣйствовать оборонительно, тогда почувствовалъ онъ все оскорбленіе, ему причиненное. Съ возвыщеннымъ гласомъ и духомъ произнесъ онъ иносстранному Адьюпаншу: *скажите вашему Принцу: онъ молодой Офицеръ; а я старый воинъ. Слово: ретирада, дефанзивъ: въ мовлѣ словарь*

нѣтъ. Я испровергъ теорію прежней тактики и сотворилъ свою. Прощайте! — И по истинѣ онъ создалъ дошолъ въ воинскихъ лѣтописяхъ неизвѣстную сичему оставялъ въ пылу арміи крѣпости въ блокадѣ и спремилъсь впередъ. Не по его ли слѣдамъ шествовало союзное побѣдоносное воинство въ усѣянной крѣпостями Франціи къ слѣдамъ Парижа? Такъ великой и во гробъ благодѣшельствуешь попомству.

Подивимся шеперь величію его духа въ злополучіяхъ; шамъ видѣнь Суворовъ. — У Сенгогарда поражаетъ его въ первый разъ позоръ ошсупленія войскъ; онъ бросаешъ въ ровъ, хочетъ шумъ умереть: и сей безмолвный Лаконизъ въ дѣйствіи възкрыляетъ все войско изъ пропащей на вершину сей надоблачной горы. — Громъ Россійскаго оружія гремитъ надъ громомъ небесныхъ тучъ. — Окруженный ни Альпахъ со всѣхъ споронъ непріятелемъ и оставленный союзниками, восклицаетъ: *не дамъ костей своихъ врагамъ; цирцъ здѣсь, и изсѣките на каинъ: Суворовъ — жертва измѣны, но не*

трусости. — Опозванный опъ арміи, при прощаніи въ Тульчинѣ съ рыдавшими войскомъ, вбѣжавъ на гору, кричаше Великъ Суворовъ! спускаясь внизъ: Малѣ Суворовъ! Прощайте, ребята! Друзья! чудобогатыри! молитесь Богу; мы дрались со славою и будемъ опять вѣдствъ! Пророчество его сбылось; Италія и Альпы пали послѣ того предъ знаменами Россіи. — Съ какимъ беспрашіемъ не принимаетъ пакета съ надписью: Генералу-Фельдмаршалу Графу Суворову Рымникскому! Онъ призываетъ присланнаго въ баню и возвращаетъ ему: Это не ко мнѣ; Фельдмаршалъ при войскѣ, а я въ деревнѣ. Получивъ повелѣніе возвратиться съ войскомъ изъ Германіи въ отечество, онъ воскликнулъ съ негодованіемъ: я билъ Французовъ; но не добилъ; Парижъ мой пунктъ. — Бѣда Европѣ! Онъ читалъ въ будущемъ.

Во всѣхъ разговорахъ его оппечашивается остроумная крапкосшь и игра словъ. За три дни до своей кончины, когда называли бывшего предводителя Французскихъ республиканцевъ Дюмурье шом-

кимъ человекомъ, возразилъ: *nōtō, totō ne
 тонокō, кто слыветō тонкимō.* Какъ силь-
 но живописуешь сіе скрывавшагося всегда
 подъ личину сипранностей! Въ подражаніе
 Боало сказалъ: *J'ai vū Melas— hélas!* Ошправ-
 ляя Фельдмаршалъ — Лейшенанта Графа
 Белгарда къ Александри: *Je dormirai tran-
 quillement, car j'ai une belle garde à Alexandrie.*—
 На канунъ взятія Милана: *Demain j'aurai
 mille ans.* Разсѣяннаго, но весьма знающа-
 го Генераль-Квартермейстера Маркиза
 Шаплера называль: *ma bibliothèque militaire
 renversée.*

Сколько неперпѣль онъ опивѣповъ
 двусмысленныхъ, неясныхъ, сколько лю-
 билъ оспроумные и рѣшительные. Послѣ
 сраженія при Требїи спросилъ вшораго
 Авспрїйскаго Генераль-Квартермейстера
 Цаха: *за гѣмō Аннибалō, по разбитїи здѣсь
 Римлянō, не пошелō прямо къ Риму?* Вид-
 но, опвѣшпвоваль Цахъ, и въ Кароагенѣ
 былъ Гоф-кригсрапъ. Онъ поняль, что
 сей мѣшилъ на Вѣнскїй, его усѣхамъ
 всегда неблагопрїяшпвовавшїй, Придвор-
 ный Военный Совѣтъ, и бросился обни-
 машъ его дружески. Неперпѣль онъ также

многословія ни на письмѣ, ни въ разговоряхъ. Въ Богеміи представлено ему обширнѣйшее начертаніе предназначеннымъ военнымъ дѣйсвіямъ; не дочитавъ, топчасъ шупъ же нависалъ: *полная моль Главнокомандующему. — Сношеніе съ однимъ токмо лицемъ ИМПЕРАТОРА: вотъ мнѣ инструкція!*

Сей единственный мужъ былъ шворецъ особеннаго своего языка на языкахъ: Рускомъ, Нѣмецкомъ и Французскомъ. *Его Руской Немогу-знайка, Нѣмецкой Нихтбештилтзагерѣ, Французской Экивокъ, Двулитка, Намбка, Ускролейка, Скоромолвка, и пр. и пр., имѣюшъ свое особенное значеніе, свой ключъ. Солданы съ воспоргомъ чипали и швердили наизусть его насшавленія, его тактику, на каждомъ вахшпарадѣ имъ самимъ повшоряемую, его солдашской разговоръ и понимали испишу его науки: *пуля дура — штыкъ молодецъ!* Ибо побѣждали вездѣ при гласѣ повелишеля: *Ура! на штыки!*—*

Но превыше всего была его нравшвенность, его страснь къ благошвореніямъ. Онъ былъ войска ошець и благодѣ-

шель. Смѣло всегда могъ онъ говорить:
никого, никогда не дѣлалъ я несчастнымъ;
 безпрестанно повворялъ правило жизни
 своей: *Добро дѣлать слѣдуетъ должно.*

Наконецъ на возвращномъ пути изъ
 Швейцаріи въ Россію въ городѣ Нейпи-
 чейнѣ, въ Моравіи, у гробницы Австрій-
 скаго Героя Лаудона, завѣщаль онъ себѣ
 сіе надгробіе: *Здѣсь лежитъ Суворовъ!* —
 Знаменишѣйшій Лаконизмъ для попом-
 сшва! Поклонясь памяшнику великаго, я
 оканчиваю. — Вся жизнь его — вѣнецъ,
 сплешенный изъ блистательныхъ подри-
 говъ и изъ безчисленныхъ Лаконизмовъ
 въ словахъ и дѣйствіяхъ.

N. N.



Б.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СМЕРТЬ ЕРМАКА.

Ревѣла буря; дождь шумѣлъ;
Во мракѣ молніи лешали;
Безперерывно громъ гремѣлъ
И вѣтры въ дѣбряхъ бушевали . . .
Ко славѣ спрасшію дыша,
Въ спранѣ суровой и угрюмой,
На дикомъ брегѣ Ирпыша
Сидѣлъ Ермакъ, обьяпый думой.

Товарищи его прудовъ,
Побѣдъ и громозвучной славы,
Среди разинушыхъ шапровъ
Безпечно спали, близъ дубравы.
„О спите, спите — мнилъ Герой,
Друзья, подъ бурю ревущей;
Съ разсвѣтомъ гласъ раздася мой,
На славу, иль на смерть зовущій!

Вамъ нуженъ отдыхъ; сладкій сонъ.
 И въ бурю храбрыхъ успокоить;
 Въ мечпахъ напомнить славу онъ
 И силы рапниковъ удвоить.
 Кипо жизни не щадилъ своей
 Въ разбояхъ, злота добывая;
 Тотъ думашъ будетъ ли о ней,
 За Русь свяшуя погибая?

Своей и вражьей кровью смывъ.
 Всъ преспуленья буйной жизни
 И за побѣды заслуживъ
 Благословенія опчизны —
 Намъ смерть не можетъ быть страшна;
 Свое мы дѣло совершили:
 Сибирь Царю покорена,
 И мы — непраздно въ мѣрѣ жили. “ —

Но роковой его удѣлъ
 Уже сидѣлъ съ Героемъ рядомъ,
 И съ сожалѣнiемъ глядѣлъ
 На жертву любопытнымъ взглядомъ!
 Ревѣла буря; дождь шумѣлъ;
 Во мракѣ молнiи летали;
 Безперерывно громъ гремѣлъ
 И вѣпры въ дебряхъ бушевали . . .

Иршышъ кипѣлъ въ крушыхъ брегахъ;
 Вздымалися сѣдыя волны

И рассыпались съ ревомъ въ прахъ,
 Бѣя о брегъ Козачьи чолны.
 Съ Вождемъ покой въ объятыхъ сна
 Дружина храбрая вкушала;
 Съ Кучумомъ буря лишь одна
 На ихъ погибель не дрсмала!

Спрашася вспупишь съ Героемъ въ бой,
 Кучумъ къ шашрамъ, какъ шайль презрѣнный,
 Прокрался шайною тропой,
 Ташаръ полпами окруженный.
 Мечи сверкнули въ ихъ рукахъ —
 И окривавилась долина,
 И пала грозная въ бояхъ,
 Не обнаживъ мечей, дружина . . .

Ермакъ воспрянулъ опо сна,
 И, гибель зря, сипремился въ волны;
 Душа отвагою полна,
 Но далеко опъ брега чолны!
 Иршышь волнуется сильнѣй . . .
 Ермакъ всѣ силы напрягаешь,
 И мощною рукой своей
 Валы сѣдые разсѣкаетъ . . .

Плывешь . . . ужъ близко челнока!
 Но сила Року уступила,
 И, закипѣвъ страшнѣй, рѣка
 Героя съ шумомъ поглотила . . .

Липивши силъ Богатыря
Борошся съ ярою волною,
Тяжелый панцырь — даръ Царя,
Спалъ гибели его виною.

Ревѣла буря . . . вдругъ луной
Иршышъ кипящій осребрился,
И прурль, извергнумый волной,
Въ бронѣ мѣдяной озарился!
Носились пучи, дождь, шумѣль,
И молніи еще сверкали,
И громъ вдали еще гремѣль,
И въпры въ дебряхъ бушевали . . .

К. Рыльцевъ.



ЧУВСТВА РУСКАГО

ПРИ ВЗЯТІИ ПАРИЖА.

Прогремѣль бранный громъ :
Вихремъ мчась за Царемъ,
Полетѣль орлій спрой,
Какъ на пирь — въ грозный бой.
Россъ вспрянулъ — врагъ дрожишьъ,
Россъ предсталъ — врагъ бѣжишьъ,
Грянулъ Россъ — врагъ сражень . . .
Пожелалъ — міръ спасень.

Россовъ Царь, торжествуй,
Веселись, и ликуй!
Возгласяишь въ родъ и родъ,
Чпо великъ Твой народъ,
Чпо Тобой хищный палъ,
Чпо Ты миръ — міру даль.
Ты въ моряхъ — повшь кипишьъ,
Ты въ поляхъ — швердь дрожишьъ,

Ты въ вѣнцѣ — свѣшь блаженъ;
 И великъ, и смиренъ:
 Богъ — въ Тебѣ . . . въ Богъ Ты! —
 Такъ, самъ Богъ съ высоты
 Низпошлешь благодашь,
 Чшобъ Ты мѣръ могъ плѣнати
 Не мечемъ, не войной,
 Но добромъ, пишиной:
 Твой пресполь — всѣмъ покровъ,
 Твой законъ — всѣмъ любовь,
 Власъ Твоя — власъ Небесъ! —
 Россю Царь, Ты вознесъ
 Выше всѣхъ Твой народъ:
 Торжествуй въ родъ и родъ!

С. Вискова говѣ



Ж И З Н Ъ.

Взгляни, какъ свѣплюю волною,
Близъ скромной хижины моей,
Въ брегахъ, вѣнчаныхъ осокою,
Безпечно спелелся ручей!
Но скоро послѣ, заблужденный,
Съ отчизной мирной разлученный,
Онъ мчипся въ сумракъ степей;
Спелая, брегъ угрюмый роетъ
И съ эхомъ горъ окрестныхъ воетъ:
Вотъ вѣрный образъ нашихъ дней!

То подъ лазурью безмятежной
Родныхъ, безоблачныхъ небесъ,
Спокоенъ, тихъ, какъ упрямъ нѣжной
Весенній день, гусиныхъ, древесъ
Привѣтны сѣни отражаешь;
То на берега его слешаешь

Грозою гнѣвною Борей;
 Валы вздымаются съдые
 И съ пѣной рвутъ брега крупные:
Вотъ вѣрный образъ нашихъ дней!

*

Презрѣвъ — безвѣспными волнами
 Кропишь цевѣдомый свой брегъ —
 Онъ, подъ Аѳинскими спѣнами
 Надменный проспирая бѣгъ,
 Влачился мушною спруею;
 Досель прекрасный чиспопою,
 Безпечный, скромный другъ полей,
 Своей безвѣспносилью блаженный,
 Онъ текъ, ничѣмъ невозмущенный:
Вотъ вѣрный образъ нашихъ дней!

*

Обогащенный данью чиспой
 Другихъ, безчисленныхъ ручьевъ,
 Онъ спалъ рѣкой — и воды быспры
 Шумящъ подъ веслами судовъ,
 Которыхъ паруса крылашы
 Несуцъ опчизнѣ даръ богатый
 Далекихъ, чуждыхъ ей полей;
 Вселенну бѣгомъ наполняешь . . .
 Вдругъ въ грозной безднѣ исчезаетъ:
Вотъ вѣрный образъ нашихъ дней! . . .

(Изъ Делютве). П. с. р. вѣ.



У М И Р А Ю Щ І Й.

Подражаніе Французскому.

Протяжный мѣди звукъ разнесся вокругъ меня!
Съ послѣднею мольбой друзья къ одру пред-
спали;

Гласъ иноковъ свяшыхъ и шускльй свѣшъ огня—
Все множишъ шяжкія печали.

Такъ, эшо ты, о смерти! Молю тебя смѣжишъ
Мои палимыя давно слезами вѣжды:
Разспавшись съ жизнью сей, я уповаю жишъ
Для лучшей въ будущемъ надежды.

Туда свободная и чуждая всѣхъ узъ
Душа невидимо опяшъ переселишся,
И, съ плѣніемъ земнымъ свой разорвавъ союзъ,
Въ спасенья ризу облачишся.

Тамъ нѣшъ превратносшей ни въ счастья, ни
въ судьбѣ,

Тамъ неушѣшеннымъ готовишся ограда,
Злодѣй и праведный находяшъ судъ себѣ
И всякому своя награда.

Вы плачете, друзья!— Я пущъ свой совершилъ
И не спрашишъ меня могильное призванье,
Но истинно счастливъ, коль слезы заслужилъ
Здѣсь на послѣднее лобзанье!

Араповъ.

СЕЛЬСКОЙ СОНЪ.

Какъ сладко въ уголокъ укромной
Залечь, съ спокойствіемъ въ душѣ,
На сѣнокосѣ — въ шалашѣ,
Гдѣ виденъ, сквозь вѣшвей, надзвѣздный сводъ
огромной,
Иль свѣшлый скеанъ волниспыхъ облаковъ!...
Какъ сладко въ пишинѣ пріюпной хашы,
Въ садахъ природы, пишь роскошны аромашы
Дыханье молодыхъ цвѣтовъ! —
Вблизи—ручей, грустя опъ шѣснопы бреговъ,
Какъ будшо ихъ раздвинуть хочешъ;
Вдали — прошекшій громъ грохочешъ . . .
Но вопъ заря глядишь въ серебряный пошокъ
И упро подъ окно спускаешся украдкой,
И вѣшъ нѣгой вѣшерокъ . . .
Какъ миль онъ мнѣ, сей часъ, мечпы и нѣги
сладкой! —

Я слушаю сквозь сонъ, чуть помня самъ себя,
 Какъ милый сынъ весны, впервые полюбя,
 Протяжно, помно, ноешь, спонешь,
 Какъ будшо въ сладкой нѣгѣ понешь,
 Все пише, пише — смолкъ — и вдругъ
 Шумишь, капишь, дробишь, и щедро сып-
 лешь прели!
 И пѣснь: по яркій прескъ, по милый гласъ
 свирѣли
 Переливается, лелѣешь, нѣжишь слухъ! . . .
 Весь воздухъ — аромашъ и пѣнье
 И весь я свѣжее, живое наслажденье! . .

Ө. Г л и н к а.



ПРУДЪ И КАПЛЯ

Б а с н я.

Заглохшій осокой и весь, какъ паушиной, □
Подернушый зеленой шиной,
Дремаль лѣнливой прудъ. Въ звѣздахъ лазурный
сводъ;

Но, жалкой онъ слѣпецъ, не видиць звѣздъ
мерцанья,

Ни ласковой луны привѣшнаго сянья.

И долго было шакъ; но вошь

Наскутилъ онъ, сносишь свѣпиль пренебре-
женье —

И, поперявъ послѣднее шерпѣнье,

Языкомъ водъ заговорилъ

И близкую свою сосѣдку спросилъ

(Сосѣдку капелку, что на лиспокъ упала

И ясной звѣздочкой, качаяся, сверкала):

„Что за счастливица ты, капелька, у
насъ?”

Такъ свѣлишь, такъ блеснишь, ну слов-
но какъ Алмазь!

Тебѣ и солнце угождаетъ :

Вотъ, сжавшись все въ лебѣ, какъ въ зер-
калѣ сіяешь! —

По солнцу ль зеркало! . . . Я сажень пяпъ
въ длину,

Да при, а можешь быть и больше,
въ ширину;

Однакожь все во мнѣ не видны горни своды:

И хошь бы разъ луна въ мой взгля-
нула воды!

Скажи, пожалуста, любимица свѣлишь!

За чпожь бы я имъ такъ не миль?“

А капелька въ ошвѣтъ: „давно я эпо вижу,
Сказалабъ, да боюсь: я, можешь быть,
обижу!“ —

„О нѣтъ!“ — „Такъ слушай же: „причина
шупъ проспа:

„Ты засорень — а я — чиста!“ —

Ө. Г л и н к а.



С М Ъ С Ъ

ЛѢТОПИСИ ОБЩЕСТВА.

I.

Во исполнение § 22 вѣдшей части Устава Общества долготъ считаемъ извѣстить почтенныхъ чинашедей *Соревнователя* о поспувившихъ вновь суммахъ на Благошвореніе:

а) На благошвореніе вообще:

Ошъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСЪЕВНЫ	100 руб.
<i>ГГ. Почетныхъ Членовъ:</i>	
Его Превосходительства Н. М. Лонгинова	30 —
К. В. Россинскаго	30 —
<i>Члена-Корреспондента</i>	
И. Г. Морозова	40 —
Конференціи Дерптскаго Университета	30 —
Его Превосходительства Алексѣя Пепровича Орлова	15 —
Г. Пермскаго Вице-Губернатора Сомова	10 —
Часшъ. XVIII. Кн. I.	8

Отъ Коллежскаго Ассесора Тимофея		
Ивановича Суходубовскаго	- -	10 руб.
Ивана Львовича Козмина	- -	5 —

Итого - - 270 руб.

б) Въ пособіе семейству покойнаго
Дѣйствительнаго Члена С. П.
Власова, къ поскупившимъ пре-
жде 610 рублямъ, еще вновь:

Отъ ГГ. Почетныхъ Членовъ:

Его Сіятельства Князя И. М.		
Долгорукаго	- - - - -	30 руб.
Его Превосходительства А. И.		
Тургенева	- - - - -	10 —
В. А. Жуковскаго	- - - - -	10 —
А. Ѳ. Воейкова	- - - - -	25 —
П. А. Словцова	- - - - -	25 —
Г. Дѣйствительнаго Члена Я.		
М. Лыкошина	- - - - -	10 —
Неизвѣстной особы	- - - - -	50 —

Итого - - 160 руб.

Всего - - - - - 430 руб.

II.

Общество, убѣждаясь бѣднымъ состояніемъ Чиновника В. Б. А ча, занимающагося переводами книгъ, полезныхъ для общественнаго просвѣщенія; опредѣлило производить ему въ пансіонъ по 15 руб. ежемѣсячно, начавъ выдачу оныхъ съ 1 Генваря сего года.

III.

Изъ имѣющейя въ Обществѣ суммы по Благотворенію употреблено въ печеніе Февраля мѣсяца:

а) На посшоянныя вспоможенія.

Выдано Пансіонерамъ Общества за Генварь и Февраль:

Вдовѣ Г-жѣ Ненашевской - - - - 50 руб.

Г. Аникину - - - - - 50 —

За Генварь, Февраль, Мартъ и Апрель:

Вдовѣ Г-жѣ Власовой - - - - - 100 —

Г. Захарову - - - - - 60 —

Г. А чу - - - - - 60 —

За Февраль, Мартъ и Апрель:

Г. Новоселову - - - - - 75 —

Г. Ск му - - - - - 75 —

Внесено въ Покровское Приходское училище за сына Мѣщанина

Павлова Егора - - - - - 5 —

Итого - - 475 руб.

б) На временныя вспоможенія.

Неимущему Чиновнику Г. В... ъ, упражняющемуся съ особеннымъ успѣхомъ въ рисовальномъ искусствѣ, на покупку литографическаго прибора 200 —

Пансіонеру Общества Г. А... чу, находящемуся въ болѣзни, на лѣкарства 50 —

Бывшему учителю въ Шклов-

*

скомъ корпусѣ Г. М. ву, удрученному спаросію и болѣзненными припадками - - - - - 50 руб.

Несчастной вдовѣ пропавшаго безъ вѣспи живописца Губерн. Секретаря Пепра Каменскаго Дарѣ Ивановой, съ малолѣшною дочерію, на проѣздъ въ Сибирь къ родспвенникамъ ея - - - - - 100 —

Внесены въ Государственный Заемный Банкъ, пожертвованные семейству покойнаго Дѣйств. Члена С. П. Власова - - - - - 1000 —

Примѣт. Въ число сей суммы внесено Общеспвомъ 230 руб. изъ общихъ суммъ на благопвореніе, кошорья, по мѣрѣ поступленія денегъ въ пособіе сему семейству, будущъ Общеспвомъ зачисляемы.

Билетъ, полученный изъ Банка, отданъ уже вдовѣ Власовой.

Итого - - 1400 руб.

Всего - - - - - 1875 руб.



ИЗВѢСТІЯ О КНИГАХЪ.

I.

Учебная книга Россійской Словесности, или Избранныя мѣста изъ Русскихъ сочиненій и переводовъ съ стихахъ и прозъ, съ присовокупленіемъ краткихъ правилъ Реторики и Пѣтики и Исторіи Руской Литературы, изданная Николаемъ Гречемъ, въ чепырехъ томахъ ().*

Извѣщая читателей нашихъ о сей полезнѣйшей книгѣ, мы надѣемся показать все ея преимущество предъ другими учебными книгами въ семъ родѣ, изложивъ корешко по-

(*) Чепыре тома сей книги (въ коихъ заключается до 117 печатныхъ листовъ, или около 1900 страницъ) продаются въ С. Петербургѣ въ типографіи Издательства, Надв. Сов. Н. И. Греча, и во всѣхъ книжныхъ лавкахъ. Цѣна онымъ *двадцать пять рублей*. Казеннымъ мѣстамъ и учебнымъ заведеніямъ, если

рядокъ содержащихся въ ней правилъ. Реторика раздѣлена на двѣ части: въ *первой* заключаются общія правила прозы, касающіяся до предмета, или содержанія сочиненій, и до формы оныхъ; во *второй* теорія разныхъ родовъ прозаическихъ произведеній. При разсмащриваніи *предметовъ сочиненія*, отдѣльно предложены правила, какъ надобно поступать при сопоставленіи сочиненій повѣствовательныхъ, описательныхъ, поучительныхъ и убѣдительныхъ, равнымъ образомъ и при разположеніи оныхъ. Въ другой главѣ, гдѣ говорится о *формѣ сочиненій*, объяснено, отъ чего зависить правильность, ясность, порядокъ мыслей, единство и красота выраженій. Тутъ же заключается различіе изложенія мыслей на бумагѣ и изустнаго произношенія оныхъ. Всѣ прозаическія сочиненія раздѣлены на семь родовъ: письменный, разговорный, описательный, повѣствовательный, учебный, дѣловой и орапорскій. Пиллика подобнымъ образомъ раздѣлена на двѣ части: въ *первой* говорится о стихосложеніи, а во *второй* о раз-

онныя возьмутъ не менѣе десяти экземпляровъ вдругъ, дѣлается уступка съ экземпляра по пяти рублей. За пересылку сей книги (если требованіе отправлено будетъ на имя самаго Издателя) денегъ не прилагается. — *Опытъ Краткой Исторіи Руской Литературы* продается и особо, по десяти рублямъ.

ныхъ родахъ пііпическихъ произведеній. За
разсмошрѣніемъ *стихосложенія* въ ошдѣль-
ности количественнаго, шонического и сил-
лабического, слѣдують правила Россійскаго
стихосложенія нашего. Вся теорія эпшой ча-
сти заимствована изъ превосходнаго сочи-
ненія по сему предмету Г. Воспокова. Для
раздѣленія произведеній Поэзіи принято пять
родовъ: лирической (оды, гимны, диіірамбы,
лиро-эпическія стихотворенія, пѣсни, канта-
ты, элегіи, посланія и мѣлкія лирическія сти-
хотворенія), эпической (поэмы, стихотвор-
ныя повѣсти, баллады и романсы), драммати-
ческой (трагедіи, комедіи, драммы и оперы),
описательный (описательныя поэмы и идил-
ліи), наконецъ дидактической (собственно ди-
дактическія поэмы, гномическая поэзія, са-
ширы и басни).

По сему обзорнiю предметовъ, заклю-
чающихся въ учебной книгѣ словесности Г.
Греча можно видѣть, что она совершенно
выходитъ изъ круга Репорикъ и Пііпикъ,
какими ежегодно почти наводняются наши
книжныя лавки по неусыпной дѣятельности
мѣлочныхъ компиляторовъ. Она можетъ слу-
жить лучшимъ руководствомъ, какъ для учи-
телей, такъ и для учащихся всякаго состоя-
нія; по тому что не ограничивается бесполез-
нымъ изъясненіемъ сухихъ шолько хрiй и

силлогизмовъ, а объемлетъ характеръ и совершенства всѣхъ родовъ сочиненій, какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ. Мы не хотимъ утверждать, что припятое здѣсь раздѣленіе прозаическихъ и поэтическихъ произведеній есть самое лучшее: это слишкомъ спорный предметъ! Вѣрно, пока и какъ ни будемъ ихъ раздѣлять, всегда и на всякое раздѣленіе същется противорѣчіе. Сочинитель подобной книги, по нашему мнѣнію, правъ уже въ своемъ дѣлѣ, если онъ нашелъ для себя основаніе и ничего при своемъ размѣщеніи предметовъ не опустилъ изъ вида. Въ учебныхъ книгахъ надобно только преимущественно избѣгать того, что затрудняетъ ходъ понятій, или противорѣчитъ принятому порядку въ изложеніи правилъ науки.

Важнѣйшее преимущество Учебной книги Словесности Г. Греча передъ другими состоитъ въ примѣрахъ. Онъ въ слѣдъ за правилами каждаго рода прозы и стиховъ приложилъ по цѣлымъ, по сокращеннымъ сочиненіямъ, по отрывкамъ лучшихъ нашихъ писателей. Выборъ ихъ дѣлаешь честь вкусу Издавателя. Родители смѣло могутъ передать эту книгу своимъ дѣтямъ. Въ ней не только заключены образцовыя сочиненія по слогу, но и по содержанию. Все, что можетъ оскорбить, хотя сметка, снѣдливость невидности, изключена

изъ сего собранія. Мы только одно можемъ изъяснить желаніе въ разсужденіи перемѣны сихъ примѣровъ: многія сочиненія напечатаны здѣсь по самымъ первымъ ихъ изданіямъ, между тѣмъ авторы значительныя сдѣлали въ нихъ перемѣны въ послѣдствіи времени; и такъ Издашель очень хорошо поступилъ, если, печатая въ другой разъ свою книгу, не опустишь шага изъ виду.

Наконецъ въ сей книгѣ любители Словесности и вѣрно всѣ вообще читатели съ удовольствіемъ найдутъ то, чего мы еще до сихъ поръ не имѣли — крапку, но тѣмъ не менѣе занимательную, исторію Руской Литературы. По шремъ особенно отношеніямъ она останется однимъ изъ лучшихъ памятниковъ нашего времени: во первыхъ, что въ ней соединенъ ходъ постепеннаго народнаго образованія съ постепеннымъ усовершенствованіемъ собственно Литературныхъ произведеній; во вторыхъ, что имена писателей, гражданская ихъ жизнь и литературныя занятія изчислены и описаны съ самыхъ древнѣйшихъ временъ отечества до нынѣшняго вѣка; въ третьихъ, что всѣ сіи предметы разположены въ лучшемъ хронологическомъ порядкѣ. Сочинитель, по принятому имъ плану, не могъ украсить біографіи каждаго писателя удовлетворительною

характеристикию его сочиненій; но онъ довольно воспользовался мнѣніями нашихъ критиковъ, приводя мѣстами собиравшій ихъ сужденія, или самъ коротко произнося замѣчанія на счетъ описываемаго имъ авиора. Не говоря о томъ, что онъ познакомилъ многихъ читателей съ такими писателями, о которыхъ прежде они имѣли темное понятіе, онъ облегчилъ теперь трудъ для желающихъ заняться подробнымъ разборомъ классическихъ нашихъ авиоровъ. *Черновал*, такъ сказать, работа кончена: время жизни, состояніе того вѣка, предметничесво и предметничесво каждого писателя, гражданскіе его случаи, сумма трудовъ его — все, чѣмъ искушается самое рѣшительное перѣніе въ пыльныхъ архивахъ, огромныхъ библиотекахъ и зашруднительной корреспонденціи, все означено, изчислено, опредѣлено. Это рамы, въ которыя искусный живописецъ можетъ вставлять заготовляемыя свои картины.

Опдавая всю справедливостъ Г. Гречу за сей подарокъ нашей Липературѣ, мы не можемъ не изъявить желанія своего, чтобы онъ продолжалъ слѣдовать за ходомъ сочиненій и въ нынѣшнее время. Примѣрное стремленіе почти всѣхъ сослоній къ образованности подаешь лестную надежду, что по истеченіи короткаго времени можно будетъ

сдѣлать очень любопытное прибавленіе къ изданной шеперь Испоріи Лицературы.

2.

Избранныя Оды Горація съ комментаріями на Россійскомъ языкѣ (), изданныя Ѳ. Булгаринымъ, въ двухъ частяхъ.*

Вопшь книга, въ кошпору мы давно пуждались! Особенно для любипелей лирической Поэзіи она необходима. Горацій, лучшій

- (*) Первая часть сего сочиненія, заключающая въ себѣ 32 Оды съ комментаріями, вышла изъ печати; на впору, кошпору въ непродолжительномъ времени за оною послѣдуешъ, выдешъ билетъ. Цѣна за обѣ 10 рублей во всѣхъ книжныхъ лавкахъ. Особы, желающія купить въ особеннпости одну только часть, плащашъ за оную по 6 рублей. Въ пользу казенныхъ учебныхъ заведеній и для частныхъ лицъ, желающихъ купить сей книги не менѣ 50 экземпляровъ, дѣлается уступка 30 процентовъ съ объявленной цѣны. Въ шакомъ случаѣ желающіе купить сію книгу благоволящъ опнестись прямо къ самому Издателю. Жителъствующіе въ столицѣ могутъ получить оную въ типографіи Надв. Сов. Греча; иногородные же благоволящъ адресовать свои шребованія, совложеніемъ за пересылку по 5 копѣекъ съ рубля, на имя Издателя Сѣвернаго Архива Ѳ. В. Булгарина въ С. Петербургскій Почтамтъ.

стихотворецъ въ лирическомъ родѣ золотого вѣка Августа, запруднишельнѣе всѣхъ Римскихъ поэтовъ для понятія. Его каждую оду можно назвать опрывкомъ или изъ собственной его жизни, или изъ жизни знаменитыхъ людей, съ которыми онъ находился въ самой тѣсной связи. Горацій былъ Римской Державинъ. Онъ въ своихъ одахъ передалъ попомству и характеръ своего вѣка и свои вдохновенные уроки. Такимъ образомъ необходимо при чтеніи его угадывать случаи, лица и все, что служило ему поводомъ къ сочиненію стиховъ. Однихъ общихъ историческихъ извѣстій мало для яснаго понятія всѣхъ мѣстъ въ его сочиненіяхъ. До сихъ поръ у насъ были Комментаріи на древнихъ писателей по большей части Латинскіе. Это оспинало охоту къ чтенію древнихъ классиковъ, если читатели не такъ легко понимали Латинскій языкъ, какъ свой природный. Теперь съ первоначальными свѣденіями въ Латинскомъ языкѣ можно будетъ читать и понимать Горація; можно будетъ судить о его красотахъ и вмѣстѣ дополнять свѣденія въ языкѣ его.

Въ нынѣшнее время, когда изученіе Латинскаго языка попечительностію Правительства введено у насъ во всѣ, не только высшія, но и среднія Училища, книга сія во-

служить прекраснымъ руководствомъ и для учащихся и для самихъ учителей. Г. Булгаринъ воспользовался при изданіи сей книги комменсаріями славнѣйшихъ филологовъ: Ванденбурга, Мичерлиха и Иосифа Ежовскаго. Сверхъ того, желая передать читателямъ однѣ самыя лучшія оды Горация, онъ изъ нихъ выбралъ только шѣ, которыя заслуживаютъ вниманіе и по слогу и по содержанию — предоспорожностъ очень важная, судя по различію мнѣній о нравственности тогдашняго и нашего вѣка!

Предполагая, что сіе изданіе легко разоидется, мы съ своей стороны желаемъ только, чтобы Г. Булгаринъ при впоромъ изданіи сей книги исправилъ небольшія погрѣшности въ комменсаріяхъ противъ числопы Рускаго языка, что очень извинительно сначала, по причинѣ новости его предпріятія.



3.

Рускій Инвалидъ, или Военныя Вѣдомости.

Съ Высочайшаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА соизволенія, Коллежскій Совѣшникъ *Воейковъ*, принялъ на себя обязанностъ продолжатъ изданіе выходящей ежедневно въ свѣтъ Газеты: *Рускій Инвалидъ* или *Военныя Вѣдомости*. Признавъ за полезное сдѣлать въ составѣ оной вѣкошорыя перемѣ-

ны, въ сей Газетѣ будутъ помѣщаемы слѣдующія статьи:

I. Высочайшіе Приказы по Сухопутнымъ Арміямъ и Флотамъ; извѣстія о Высочайше пожалованныхъ чинами Военными и Штатскими, Кавалерскими Орденами и другими знаками ошличія и награжденіями.

Примѣч. Съ сего времени Высочайшіе Приказы ни въ какихъ Вѣдомостяхъ, кромѣ *Инвалида*, печатаются не будутъ. Издашель приложитъ все стараніе о самоскорѣйшемъ ихъ доставленіи Господамъ подписавшимся.

II. Топографическія, Статистическія и Историческія описанія разныхъ частей Россіи и другихъ Государствъ, особливо смѣжныхъ съ Россією, и преимущественно въ Справедливомъ отношеніи; описанія походовъ, сраженій, осадъ и всего, что служило къ распространенію познаній по части Военныхъ Наукъ.

III. Новости Литературныя, то есть небольшія лучшія стихотворенія и прозаическія сочиненія.

IV. Библиографія и краткій разборъ вновь издаваемыхъ сочиненій и переводовъ, имѣя всегда болѣе въ виду тѣ, кои относятся къ Тактикѣ, Справедливости, Фортификаціи и Артиллеріи.

V. Открытія по части Наукъ, Искусствъ и Художествъ, и въ особенности относящихся къ Военному знанію.

VI. Путешествія, по есть: письма Рускихъ путешественниковъ о Россіи и о чужихъ краяхъ, извѣсія о новѣйшихъ открытіяхъ путешествующихъ вокругъ свѣта, также замѣчанія о разныхъ странахъ Европы и другихъ частей свѣта.

VII. Любопытныя отрывки изъ Исторіи, особливо Опечесивенной, какъ-то: повѣствованія о важныхъ случаяхъ, и преимущественно военныхъ; Біографіи знаменитыхъ Россійскихъ Полководцевъ и воиновъ; Военныя анекдоты, изображающіе отличныя черты неуспрашимости и великодушія.

VIII. Новѣйшія внутреннія и заграничныя извѣсія.

IX. Благошворенія.

X. Смѣсь: замѣчанія, переписка, объявленія и проч.

Прилѣг. По времянамъ будушь прилагаемы каршины, ландкаршы, планы сраженій, модели разныхъ военныхъ машинъ и лиспочки съ музыкаю.

Новый Издашель почтешъ себя счастливымъ, если усилешъ сохранишь израненнымъ на полѣ брани воинамъ нѣ суммы, кои собираемы были въ ихъ пользу ошъ изданія сей Газеты.

Издашель получаешъ всѣ иностранныя вѣдомости, Журналы и новѣйшія книги и имѣ-

енъ Корреспонденшовъ въ значительнѣйшихъ городахъ Европы.

Каждый день, кромѣ Воскресныхъ и годовыхъ праздниковъ, будетъ выходить по прежнему полулиста печальныхъ, а иногда и болѣе. Въ печеніе первыхъ мѣсяцевъ текущаго года будетъ выходить *по цѣлому печатному листу* или *по два номера въ день*; въ нихъ помѣстятся и всѣ вновь выходящія Высочайшіе Приказы, и всѣ съ 1-го Января въ С. Петербургскихъ Академическихъ Ведомствъ заключающіеся. Сіе составитъ полное оныхъ собраніе для получающихъ Инвалидъ.

Первый номеръ вышелъ 20-го Марта. Цѣна годовому изданію, (состоящему изъ 153-хъ печальныхъ листовъ или 306-ти номеровъ), здѣсь въ Санктпетербургѣ 35 руб., а съ пересылкою во всѣ другіе города Россійской Имперіи 42 руб.; полугодовому же (съ 1-го Января по 1е Іюля) въ Санктпетербургѣ 20 руб., а съ пересылкою 23 руб., 50 коп. за доставленіе въ дома прилагается въ годъ по 6 руб., въ полгода по 3 руб.

Подписка оныхъ жишелей Санктпетербурга примается въ Магазинѣ брашневъ Слѣпниныхъ; на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Кусовникова, противъ Казанскаго Собора; а оныхъ иногородныхъ въ Почтовыхъ Конторахъ и Экспедиціяхъ.



Н А У К И.

И С Т О Р І Я.

**ХАРАКТЕРЫ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА I-го
И НѢКОТОРЫХЪ ЕГО ПРИБЛИЖЕННЫХЪ.**

(Ошривокъ изъ книги: An Account of
Rusia as it was in the year 1710, By Lord
Whitworth).

~~~~~

Лордъ Витвортъ находился въ Рос-  
сіи съ 1704 по 1710 годъ въ качествѣ Чрез-  
вычайнаго Посланника при нашемъ Дворѣ.  
Онъ утвердилъ торговыя связи, сущес-  
ствовавшія между Россією и Англією и ед-  
ва не прервавшіяся въ 1703, по случаю  
обида, нанесенной Послу нашему въ Лон-  
донѣ Графу Машвѣву. Книга его, пе-  
Часть XVIII. Кн. II.

перь весьма рѣдкая, содержитъ на 150 страницъ болѣе, нежели многія огромныя сочиненія. Въ короткихъ словахъ онъ изображаетъ въ ней истинными красками Россію до временъ Пешра, обозрѣваетъ введенныя имъ перемѣны и новыя учрежденія, разбираетъ всѣ части управленія, и наконецъ, какъ наблюдатель, описываетъ характеры какъ самаго Пешра, такъ и приближенныхъ его, съ копорыми, по званію своему, имѣлъ онъ частое обращеніе. Мы надѣемся доставить удовольствіе читателямъ, представивъ въ переводѣ слѣдующій отрывокъ.



Царю наступилъ тридцатый годъ. Онъ прекрасенъ собою; имѣетъ ость природы крѣпкое сложеніе, хотя весьма разсироенное ость безпрестанныхъ трудовъ. Прежде бывали съ нимъ частыя судороги, производившія, какъ говорятъ, ость бывшего злоумышленія на его жизнь, ость чего и сдѣлался онъ весьма застѣнчивъ: но съ нѣкотораго времени припадки сіи стали рѣже и легче. Онъ весьма внима-

шелевъ, прилѣженъ и въ голѣпшъ сдѣлалъ для государства то, чего другой не могъ бы сдѣлать въ цѣлый вѣкъ: но всего удивительнѣе, что онъ сотворилъ все видимое нынѣ въ Россіи, не получивъ никакого воспианія, безъ чужеземной помощи, противъ желанія народа, духовенства и главныхъ вельможъ своихъ, опираясь единственно на твердость характера своего, основываясь на замѣчаніяхъ и примѣрахъ, копорыя дѣлалъ и видѣлъ въ чужихъ краяхъ. Онъ поспешенно прошелъ черезъ всѣ должности — въ арміи отъ барабанщика до Генераль-Лейтенанта, во флотѣ отъ простого маинроса до Конирь-Адмирала; а при постройкѣ кораблей отъ обыкновеннаго работника до главнаго мастера. Онъ добръ, но весьма вспыльчивъ, хотя съ нѣкотораго времени и старается удерживать себя; честолюбивъ, хотя показываешь скромную наружность; горячъ сначала, но, спустя нѣсколько времени, опять тихъ по прежнему; не жаденъ къ деньгамъ, но бережливъ до чрезвычайности. Онъ любитъ войска свои; хорошо понимаешь науку

мореплаванія, кораблестроеніе, форшификацію и артиллерію; основательно знаешь Голландскій языкъ, сдѣлавшійся теперь придворнымъ языкомъ. Ведешь жизнь весьма уединенную: когда прїѣзжаешь въ Москву, не живешь во дворцѣ, а занимаешь небольшой деревянной домикъ, построеной для него при казармахъ, какъ для Полковника гвардіи; не отличаетъ отъ другихъ офицеровъ ни многочисленною свитою, ни блестящимъ экипажемъ, кромѣ торжественныхъ дней. — У прежнихъ Царей дворъ былъ весьма многочисленный: его составляли Бояре или Думные люди съ чиновниками разныхъ Приказовъ, Дворяне и Боярскія дѣти. Они служили безъ жалованья и занимали различныя должности: кравчіе — коихъ было только двое и то изъ знатнѣйшихъ Боярь, потому что званіе сіе почиталось весьма важнымъ; спольники, кромѣ услуги при столѣ, посылались иногда съ важными порученіями, принимали пословъ и пр. и спальники. Спольники и спальники были гораздо обыкновеннѣе: званіе ихъ переходило отъ отца къ сыну, но вся-

кии разъ съ утверждениемъ Царя, и наконецъ госпи или купцы. При публичныхъ церемоніяхъ всѣ они получали изъ царскихъ кладовыхъ богатыя парчевыя плашья, обложенныя дорогими мѣхами, которыя и возвращали по окончаніи торжества. Нынѣшній Государь уничтожилъ всѣ сіи обыкновенія и не заводитъ новаго Двора, по мнѣнію однихъ, чѣмъ по потребныя для сего издержки употребить на нынѣшнюю войну, а по словамъ другихъ для того, что онъ, по характеру, ненавидитъ всякій блескъ и не любитъ принуждать себя. Въ торжественныхъ случаяхъ окружающъ его военные чины и дворянство безо всякой пышности, что представляеть необыкновенный видъ.

Любимецъ его Меншиковъ не знатнаго рода. Будучи мальчикомъ еще, попался онъ случайно Государю навстрѣчу; за нѣсколько остроумныхъ отвѣтовъ сдѣланъ былъ служивелемъ одного изъ царскихъ приближенныхъ и впоследствии времени, восходя отъ одной степени до другой, дошелъ наконецъ до шакаго мо-

гущества, какимъ не пользуеться теперь ни одинъ часпный человекъ въ Европѣ. Прилѣжаніемъ и скорымъ опправленіемъ дѣлъ снискалъ онъ благоволеніе Царя: взаимное обхожденіе ихъ болѣе походитъ на любовь, нежели дружбу; ибо они часто ссорялся и опяшь мирялся. Меншиковъ не получилъ воспитанія. Скорое возвышеніе не позволяло ему замѣчать вещи и приобрѣтати надлежащую опышность. Имяемъ Царя онъ во всѣхъ дѣлахъ поступаетъ самовластно; предпочитаетъ часпныя свои выгоды общеспвенной пользѣ; часто дѣйствуетъ прошивно Государевой волѣ и обыкновенно получаетъ за сіе достойное отъ Царя наказаніе. Простой народъ не любитъ его, а еще меньше старыя дворяне и главныя вельможи, сославившіе подъ начальствомъ Адмирала Апраксина сильную прошивъ него партію. Въ 1706. году сдѣланъ онъ Имперскимъ Княземъ, въ 1707 владѣтельнымъ Ингерманландскимъ Герцогомъ, въ 709 пожалованъ въ Фельдмаршалы. Онъ ненавидитъ Фельдмаршала Шереметева, преслѣдуетъ его и не разъ гошовилъ ему погибель. На

подобіе Германскихъ небольшихъ Князей онъ составилъ у себя дворъ, состоящій изъ Камергеровъ, Маршаловъ, Секретарей и пр. побольшой часпи иностранцевъ.

Головкинъ происходить отъ древней фамиліи; былъ Оберъ-Камергеромъ, а по смерти Графа Головина сдѣланъ Канцлеромъ, хоша въ продолженіе нѣсколька мѣсяцевъ всячески опказывался отъ сего важнаго званія. Онъ имѣеть правильный умъ, весьма набоженъ и признанъ всѣми за челоуѣка благородныхъ чувствъ. Ни кшо никогда не жаловался на его жестокость или несправедливость; нѣкопорые думаютъ однакожь, что въ немъ нѣтъ довольно рѣшительности, когда надобно вооружиться противъ несправедливости. Года три тому назадъ пожаловано ему достоинство Имперскаго и Россійскаго Графа.

Происхожденіе Шафирова неважно. Въ 1705 году былъ онъ Секретаремъ у Графа Головина и сдѣлался ему необходимымъ по прилѣжанію своему и совершенному знанію Голландскаго языка. При смерти Графа пожаловали его секретаремъ

ремь Посольскаго Приказа, а въ 1709 году Вице-Канцлеромъ, почему всѣ иноспранныя дѣла переходятъ чрезъ его руки. Въ немъ болѣе опытности, нежели природныхъ дарованій; вообще полагають, что онъ довольно знаетъ свое дѣло; но скорое возвышеніе сдѣлало его нѣсколько не ловкимъ; припомъ говорятъ, что гдѣ дѣло идетъ о частныхъ его выгодахъ, шамъ онъ не всегда думаетъ о Государственной пользѣ шѣхъ мѣрь, которыя предпринимаешъ.

Иногда призываютъ въ совѣщанія о дѣлахъ иноспранныхъ Князя Долгорукова, бывшаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ Царскимъ Посланникомъ въ Польшу; но исполнительная часть предоставлена совершенно Канцлеру и Вице-Канцлеру. Князь Долгорукий уменъ, обходительнень, весьма скромнень и всегда дѣйствуетъ какъ человекъ, исполненный благородныхъ чувствъ.

Предки Апраксина служили епольниками при Дворѣ: онъ братъ вдовствующей Царицы, супруги старшаго брата Государева, и по сей связи попалъ къ

двору и въ милость, которую еще болѣе приобрѣлъ бѣгlostію ума своего. Онъ былъ долго членъ Адмиралтейства и по смерти Графа Головина сдѣлался полнымъ Адмираломъ; въ 1709 назначенъ въ опсуществованіе Князя Менщикова Губернаторомъ въ Ингрію. Во время управленія его сею провинціею Шведская армія подъ командою Генерала Любекера, перебивши лошадей своихъ, опспушила. Сіе неожиданное произшествіе послужило къ славі Апраксина, который послѣ того и вошелъ въ большую довѣренность у Государя. Онъ явно дѣйствуетъ прошивъ Князя Менщикова, пользуется большимъ уваженіемъ у Двора, но часпо, когда бываетъ вмѣстѣ съ Царемъ, нескромность подвергаетъ его различнымъ непріятностямъ.

Фельдмаршалъ Шереметевъ происходитъ изъ весьма древней фамиліи, славившейся тѣмъ, что изъ нея выходили всегда опличные полководцы прошиву Татаръ. Фельдмаршалъ поддержалъ сію славу въ послѣднюю Турецкую войну. Во время пребыванія своего въ Италіи опъ

воевалъ на Мальшійскихъ Галерахъ и получилъ въ награду Мальшійскій орденъ. Нѣтъ въ Государствѣ челоѵка образованнѣе его, а особенно послѣ путешествія въ чужіе края; онъ живешъ пышно и весело, любимъ войскомъ, обожаемъ почти народомъ. Ему теперь бо лѣтъ: но онъ еще съ благородною душою соединяешъ благородство въ поступкахъ; полонъ опваги во время дѣла, но не имѣешъ довольно опытноспи въ войнѣ съ регулярными войсками: онъ часпо спрадаешъ опъ гоненія Князя Меншикова и не разъ хотѣлъ сложишъ съ себя начальство надъ арміею, но всегда его удерживаюшъ.

Кромѣ сихъ еспъ еще другіе Министры, составляющіе Боярскій Приказъ; но какъ они ограничиваюшся дѣлами внутренними, не пользуюшся особенною довѣренностію Царя и не имѣюшъ большаго вліянія на дѣла Государственныя, шо я не буду занимашъ васъ описаніемъ ихъ.

*Съ Англійскаго А. К.*



---

## ПРАВЫ И ОБЫЧАИ ДРЕВНИХЪ НОРВЕЖЦЕВЪ.

( *Вольной переводъ съ Датскаго* (\*) ).

---

Скандинавская Литература содержитъ въ себѣ богатѣйшіе источники, относительно древней Россійской Исторіи; но ни одинъ изъ нашихъ писателей не хотѣлъ ими воспользоваться, хотя безъ сихъ пособій почти невозможно получить яснаго понятія о древностяхъ нашего отечества. Въ намѣреніи обратиться на нее болѣе вниманія, я перевелъ одинъ отрывокъ изъ Норвежской Исторіи, присовокупивъ къ оному свои замѣчанія о сходствѣ нравовъ и обычаевъ

---

(\*) Изъ книги: *Det Norske Riges Historie ved Gustav, Ludvig Baden.* Kiöbenhavn 1804. Исторія Норвегіи соч. Густава. Лудовига Бадена. Копенгагенъ 1804.

нашихъ предковъ съ древними Норвежцами. Здѣсь можно видѣть, что Варяги или Норманы имѣли на Россію несравненно болѣе вліянія, нежели сколько донынѣ у насъ думали (\*).



Норвежцы, какъ и всѣ Сѣверные народы, въ глубокой древности были грубы и необразованны. Безъ просвѣщенія и безъ руководства истинной Религіи, они блуждали во мракѣ, и имѣли самое превращенное понятіе о нравственности. До-

---

(\*) Оишь Нормановъ перешло въ нашъ языкъ множество словъ. Изъ языка Исландскаго: göd рядъ, köstr костеръ, ketill кошель, sja сѣно, bygnia броня, sild сельдя, gardr городъ; изъ Данскаго и Шведскаго: togr торгъ, togke мракъ, dal доль, skrig крикъ, bösemen безсемѣнь, dele дѣлишь, tolke полкованъ, möl моль, syl шило, gnid гнида, skabet шкафъ, barm на Данскомъ грудь, у насъ оплечья, silk шелкъ, husbonde господинъ, dom дума, svin слинья, stak стогъ сѣна, spore шпора, dimma дымъ, skumring сумерки, smag вкусъ, смакъ.

вольные своимъ сосполянiемъ, пошому чпо не имѣли понятiя о лучшемъ, они уважали обычаи своихъ предковъ, покарjались онымъ, и сiя привязанносiь заграждала путь къ просвѣщенiю. Всякая перемѣна казалась имъ какъ бы нарушенiемъ древней свободы. По сему Норвежцы имѣли добродѣтели, пороки и заблужденiя, кои нашимъ временамъ болѣе не свойственны. Будучи чистосердечны, искренни въ обращенiи и дружбѣ, они не знали притворства и гнусной клеветы; но бесѣды ихъ часто оканчивались разпрями, иногда и кровопролитiемъ.

Всѣ древнiя учрежденiя клонились къ возбужденiю мужества и храбрости. Съ самаго нѣжнаго дѣтства занимали ребенка такими упражненiями, кои могли бы вдохнуть въ него храбрость и укрѣпить его тѣлесныя силы; увѣчныхъ младенцевъ потчасъ послѣ рожденiя умерщвляли, всѣхъ же прочихъ погружали въ холодную воду или снѣгъ (\*). О дѣтяхъ не

---

(\*) Карамзинъ пишетъ (Ч. I стр. 187), что когда Свяшославъ былъ осажденъ въ Доросполь, то его сподвижники, при свѣ-

прилагали никакого попеченія. Они безъ всякаго присмотра ползали нагіе по голѣ или покрывной лиспьями и вѣпьями землѣ и такимъ образомъ научались ходить, а потомъ должны были доставлять себѣ пропитаніе звѣриною или рыбною ловлею. На двѣдцатомъ году, а иногда и ранѣе, ходили на войну или нападали на хищныхъ звѣрей (\*), коими изобиловала Норвегія.

Суровому воспитанію соотвѣпствовало проспой образъ ихъ жизни. Дурные тѣсныя шалаши или хижины безъ полу, покрышые дерномъ, съ низкими дверьми, были ихъ жилищами. Одно отверстіе наверху служило для прохода дыма, другое въ спѣнѣ для свѣша. Очагъ, вокругъ

---

тѣ луны, выходили жечь шѣла друзей и братьевъ, лежащихъ на полѣ; закаляли плѣнниковъ надъ ними, и съ какими по священными обрядами погружали младенцевъ въ спруи Дуная.

(\*) Самымъ благоднѣйшимъ увеселеніемъ не только Бояръ, но и Великихъ Князей Рускихъ, была звѣриная и соколиная охота.

кѣпорога зимою собирались всѣ домашніе, находился посреди дома.

Ушварь ихъ также ошличалась простою. Деревянной спуль былъ почешнымъ мѣспомъ отца семейства. На скамьяхъ, покрытыхъ звѣриными кожами, сидились въ нѣкоторомъ порядкѣ всѣ домашніе. Черепы убитыхъ непріятелей были драгоценными чашами для пишья; но кромѣ оныхъ употреблялись и рога (\*), и рогъ самаго большаго быка почитался величайшею рѣдкостію.

Плащье дѣлалось изъ кожъ или изъ грубой шерстяной ткани, обувь также была изъ кожи или изъ березовой коры (\*\*). Однакожь и въ самыя древнія времена упоминается о великолѣпныхъ плащьяхъ, изъ пурпуроваго сукна и парчи; все сіе получали они въ добычу на морскихъ разбояхъ. Также любили они

---

(\*) Въ древности Рускіе употребляли шурые (бычачьи) рога, оправляли ихъ въ золото или серебро и пили изъ нихъ медь.

(\*\*) Древнѣйшая обувь Рускихъ состояла изъ лапшей и сапогъ; о шѣхъ и другихъ упоминается въ исторіи въ 985 году.

великолѣпныя шапки. Кажется, что женщины издавна умѣли вышивать. Большою красотою почиталось у обоихъ половъ имѣть длинныя, бѣлокурыя волосы, кои завязывались и длинными кудрями разпускались по плечамъ. Они любили украшать ихъ и расчесывать (\*).

Пища и пишье находились у нихъ въ изобиліи. Въ числѣ любимыхъ яспвъ почиталось свиное и лошадиное мясо (\*\*). Первое употреблялось даже въ Валгаллѣ (\*\*\*), а другое при торжественныхъ жер-

---

(\*) Изъ пѣсень и сказокъ Рускихъ видно, что наши предки прилагали также большое стараніе украшать свои волосы. Въ одной древней пѣсни поется, что Владиміръ Великій во время своей женишбы:

По свѣплой гриднѣ похаживаетъ;  
Черныя кудри расчесываетъ.

*Древ. Руск. Стих. стр. 83.*

(\*\*) Лошадиное мясо употреблялось въ Россіи во время Сванослава, о которомъ говоритъ Несторъ, что онъ пишался мясомъ дикихъ звѣрей и лошадинымъ и самъ жарилъ его на угляхъ.

(\*\*\*) *Валгалла*, рай Скандинавскаго міра, жилище Одина, въ которой входили одни

пивоприноженіяхъ. Сперва мясо употреб-  
лялось сырое, но въ послѣдствіи спара-  
лись законами и послановленіями унич-  
пожить сей варварской обычай. Рыбу  
ѣли или свѣжую, или соленую, но болѣе  
сушеную на солнцѣ или копченую, кото-  
рая часто замѣняла самый хлѣбъ, почи-  
шаемый тогда рѣдкостію, равно какъ и  
масло. Вода изъ ближайшаго источника  
и молоко были обыкновеннымъ ихъ пишь-  
емъ. Упоминается также о солодѣ (\*);  
пиво было самымъ стариннымъ напиш-  
комъ обитателей. Съвера, приготовле-  
ніемъ котораго занимались даже Прин-  
цессы Королевскаго Дома (\*\*). Когда О-

---

только храбрые; шамъ занимались они  
воинскими упражненіями и за общимъ  
столомъ вкушали мясо кабана *Сериинера*.

(\*) Солодъ упоминается въ *Правдѣ Руской*,  
стр. 88.

(\*\*) Пиво въ древнія времена называлось въ  
Россіи *олуй* (кн. спеп. 1 стр. 134). Въ-  
роятно, что Рускіе научились пригото-  
влять сей напитокъ отъ Скандинавовъ,  
да и самое слово *олуй* происходитъ отъ  
Датскаго *öl*, означающаго пиво.

Часть XVIII. Кн. II.

10

лофъ Свяшый (\*) посѣщаль своего вошчима Сигурда Сира въ Рингиригъ, шо его угощали въ первый день рыбными блюдами и молокомъ, а на другой мясными и пивомъ. Во время пиршества подавался медъ (\*\*). Морскіе разбой научили Сѣвернаго жителя употребленію вина.

Пирѣ случались весьма часто; ибо безъ пиршества не лзя было предпринять ни общеспвеннаго, ни частнаго дѣла, ни вступишь въ торгъ, ни собиращься на судъ; даже ни одного торжественнаго богослуженія не отправляли безъ пированія, которое продолжалсь иногда нѣсколько дней. На сихъ пирахъ не на-

---

(\*) Олофъ Свяшый умеръ 1030.

(\*\*) Медъ былъ любимой напитокъ Рускихъ. Владиміръ Великій угощаль медомъ своихъ богатырей. Чшо онъ былъ въ великомъ употребленіи въ нашемъ опечеспвѣ, можно видѣшь изъ Новгородской Лѣтописи, гдѣ сказано, чшо въ 989 году *творяше праздниѣ великѣ триста берковецѣ меду*. Славяне научились приготовить медъ отъ Скандинавовъ, и заимствовали отъ нихъ даже самое названіе онаго, отъ Датскаго слова mjöd медъ.

блюдали умеренности въ пищу (\*). Женщины, опмѣнно уважаемыя въ древнія времена на Сѣверѣ, также допускались опоражнивать чашу въ честь боговъ и умершихъ героевъ.

Опъ излишняго упошребленія хмѣльнаго напитка, обыкновенно, происходило на сихъ пирахъ множество безпорядковъ. Однакожь были и правила къ сохраненію спокойствія; наблюдалась нѣкоторая подчиненность, основанная на старшинствѣ лѣтъ, храбрости, заслугахъ или породѣ каждаго гостя. Прекрасной поль, принимавшій часто участіе въ сихъ общеснвахъ, пользовался уваженіемъ, которое не забывалось и за пѣнисными чашами.

Большія пиршества опправлялись во время сѣнокоса, жашвы (\*) и при на-

---

(\*) Владиміръ Великій опвѣчалъ Магометанскимъ Болгарамъ, предлагавшимъ ему принять ихъ въру: *вино есть веселіе для Рускихъ; не можетъ битъ безъ него.*

(\*\*) 23 Іюня, предъ собираніемъ хлѣба, Славяне опправляли празднество въ честь Купала, бога земныхъ плодовъ. Юноши и дѣвицы, украшенные зелеными вѣнками,

спушленіи новаго года (\*), изъ коихъ послѣднія продолжались нѣсколько дней, и до сихъ поръ опправляются въ Норвегіи съ великимъ шоржесшвомъ. Часно также рожденіе, свадьба и погребеніе были поводомъ къ большимъ пированіямъ. Мы кратко опишемъ сіи три послѣднія.

Обрядъ очищенія младенца водою (погруженіе въ воду), обоготворявшуюся Норвежцами, при кошоромъ давалось имя новорожденному, и кошорый на Сѣверѣ гораздо древнѣе введенія Христіанства, обыкновенно, сопровождался празднествомъ. Тоже бывало и во время прорѣзыванія зубовъ у младенца; тогда родственники приносили ему подарокъ, что называлось назубокъ (\*\*).

Собирались въ полѣ по захожденіи солнца, разкладывали большой огонь, плясали около онаго и пѣли пѣсни. Остатокъ сего праздника существуетъ и дондесъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ.

(\*) Въ 24 Декабря предки наши воздавали честь Колядѣ, богу шоржесшвъ и мира. Нынѣшнія свяшнныя игрища и гаданія суть остатки сего праздника.

(\*\*) Давашъ назубокъ и дондѣ въ употребленіи въ Россіи.

Но несравненно съ большимъ великолѣпіемъ праздновали свадьбу. Пиршества, по сему случаю отправляемыя, продолжались часпо цѣлой мѣсяць, и на оныя приглашались не только всѣ родшвенники, но и многіе изъ постороннихъ, для чего строили даже особенные дома.

Погребеніе, особливо Героевъ и другихъ великихъ людей, совершалось съ большими церемоніями. Иногда сожигали тѣла, а иногда ихъ зарывали (\*). При погребеніи знашныхъ приносили надгробныя рѣчи, пепель собирали въ урны, копорыя зарывали въ могилу и надъ оными воздвигали памяшники, извѣспные подъ именемъ *Бацтастеновѣ* (\*\*). Въ мо-

---

(\*) Полагаюшь, будшо бы Одинъ усшановиль сожигашъ тѣла, вмѣсто прежняго обыкновенія погребашъ ихъ, копорое опяшь вошло въ упошребленіе со времени Дана Микилаши (въ 3 столѣтіи). По сему въ Скандинавской Исторіи наблюдаешся различіе между *вѣкомѣ сожиганія мертвыхѣ* (Brana-Old) и *вѣкомѣ погребенія* (Haug Old) ихъ.

(\*\*) У Славянъ надъ прахомъ знашнаго, о-

гилу клали также плащье, зарывали лошадей, оружіе, деньги и другія любимыя и драгоценныя вещи умершаго (\*). При погребеніи выпивали надгробное пиво, кошорое одно могло дать право родственникамъ всупить во владѣніе наследства (\*\*).

Не одни просполудимы любили пирь, но и самыя Короли, окруженныя храбрѣйшими воинами (\*\*\*) и вельможа-

быкновенно, насыпали большой бугоръ или курганъ. Сіи курганы и донынѣ существуютъ въ Россіи, Даніи, Норвегіи и Швеціи.

(\*) Славяне сожигали шѣла умершаго вмѣстѣ съ его женою, конемъ, оружіемъ; собирали пепель въ глиняныя, мѣдныя, или спекляныя урны и зарывали ихъ въ землю, вмѣстѣ съ *платевными сосудами*.

(\*\*) Великолѣпныя пиршества, отправляемыя нашими предками въ память умершихъ, назывались *Тризнами*. Родственники и друзья умершаго собирались на могилу, пили медъ, пиво, и пошомъ предавались веселію, или оплакивали свою потерю.

(\*\*\*) Каждый изъ нашихъ Князей и Боярь вѣлъ при себѣ свою дружину, и чѣмъ

ми, ежедневно пировали въ своихъ чер-  
шюгахъ (\*). За споломъ какъ вельможи,  
шакъ и дружина ихъ, наблюдали поспе-  
пенносшь; каждый садился ближе и далѣе  
къ Королю, смонря по своимъ заслугамъ,  
оказанной храброспи, роду и лѣпамъ.  
Правила сіи спрого были наблюдаемы; и  
нарушившій оныя подвергалъ себя нака-  
занію. Король, кажешся, имѣлъ право не-  
зависимо ошъ гражданскаго суда наказы-

болѣе у кого находилось опличныхъ лю-  
дей, шѣмъ болѣе оказывали ему почеспи.  
Къ прославившемуся Князю, или богашы-  
рю, спекалось множесшво молодыхъ лю-  
дей, которые поставляли себѣ за чешь  
находишся въ числѣ его сподвижниковъ.

(\*) Большая часть сказокъ и древнихъ пѣ-  
сень прославляютъ великолѣпіе Владимі-  
ровыхъ пировъ и могучихъ его богашы-  
рей, которыхъ онъ каждую недѣлю (Не-  
спарь, по Лавр. списку, спр. 89) пошчи-  
валъ, и шюгда:

На столы блѣдубовые

Носили яспва сахарныя

И носили пишья медвяныя.

*Древ. Руск. Стих. Москва,  
1818, стр. 26.*

вать виновныхъ. Придворной усипавъ (Hirdsгаа) Олофа Свяшаго и послѣдующихъ Королей ничто иное есть, какъ собраніе правилъ и законовъ, издревле наблюдаемыхъ при дворѣ. Король имѣлъ своихъ собственннхъ служиселей для хлѣбопашесства, скопководства, торговли, ремесль и рыболовства; онъ долженъ былъ, какъ и всякой частной человекъ, стараться о продовольствіи своего дома (\*).

При дворѣ Сѣверныхъ Королей царствовало поже самое гостепрімство

---

(\*) Не только Бояре, но даже и Великіе Князья смолрѣли за хозяйствомъ. Владиміръ Мономахъ въ своей духовной даетъ между прочимъ такое наспавленіе своимъ дѣшамъ: *вб дому своемъ не лѣнитесь, но за всѣмъ сами смолтрите. Не зрите на Тисцна (служиселя или управиселя опъ Исландскаго слова fiop), ни на друшгѣ, ттобъ не посмѣялисв пришельци ни дому, ни столу вашему, и потомъ такъ продолжаешъ: тто надлежало сдѣлате рабу моему на войнѣ, или на охотѣ, т я самъ дѣлалъ и все разпорядокъ вб дому своемъ тинилъ.*

и щедрость, какъ и во всей Норвегии. Дославить прѣзжему приюсть, накормить и согрѣть его, указавъ дорогу и давъ ему нужное наставленіе почиталось обязанностію каждаго (\*). Дабы поддерживать госпепріимство, были уже во время Одина построены гостинницы въ шакихъ мѣстахъ, гдѣ мало находилось людей, и гдѣ бы прѣзжающій могъ укрыться отъ непогоды и найти пищу.

Упомянемъ еще о нѣкопорыхъ обычаяхъ Норвежцевъ, какъ то: о ихъ родовомъ мщеніи, *Братскихъ союзахъ* (*Fostbrödrelaug*), насильствахъ при сватовствѣ и бракахъ и объ обращеніи ихъ съ рабами. Обычай сіи пѣмъ примѣчательны, что въ нихъ скрывается начало многихъ настоящихъ Норвежскихъ законовъ и постановленій.

Мщеніе обыкновенно переходило изъ

---

(\*) Карамзинъ говоритъ (Ч. I, стр. 59), что всякой путешественникъ для Славянина былъ какъ бы священнымъ: вспрѣчали его съ ласкою; угощали съ радостию, провожали съ благословеніемъ и сдавали другъ другу на руки.

рода въ родъ, и пошъ, кто пвлучиль оружіе умершаго, обязанъ былъ обратишь оное пропивъ его враговъ. Ничшо не могло опврашишь Норвежца опъ опмщенія за убійство. Оное простиралось не только на все семейство, но даже на потомковъ убійцы, и допомъ не оканчивалось, пока извѣстное число людей не было предано смерти (\*). Опъ сего произошли пакъ называемые Брапскіе союзы, имѣвшіе въ предметъ общую оборону, и послужившіе въ началъ къ поддержанію слабаго и безсильнаго государства.

Древнѣйшіе Норвежцы не знали, или не наблюдали законныхъ браковъ. Исторія предспавляетъ множество шому примѣровъ. Гаральдъ Гарфагеръ имѣлъ болѣе шесцидесяти женъ (\*\*). Если кто сва-

---

(\*) Это самое замѣчено у всѣхъ дикихъ народовъ. Въ *Правдѣ Руслой* сказано: кто убьетъ челоука, шому родственники убитаго мспяпъ за смерть смерпію.

(\*\*) Гаральдъ Гарфагеръ или *пригожеволосый*, Король Норвежскій, умеръ 863 года. У предковъ нашихъ многоженство было так-

шался безуспѣшно, то силою спарался получить свою возлюбленную (\*). За похищеніемъ слѣдовали поединки, на копорыхъ всегда оспавался кпо нибудь жерпвою смерти. Когда же случалось, что двое были влюблены въ одну, то дѣвица доспавалась пому, кпо почишался храбрѣйшимъ, или кпо одерживаль первенство на поединкѣ. При добровольномъ же заключеніи брака, вступающіе въ оной мѣнялись кольцами. По совершеніи свадебнаго обряда невѣсту отвозили въ домъ жениха, гдѣ привязывали ей въ поясу связку ключей, въ знакъ получаемой власти надъ хозяйствомъ. Новобрачная, на другое утро послѣ свадьбы, получала опъ

же въ обыкновеніи. Владиміръ Великій прежде крещенія имѣлъ въ разныхъ горадахъ 800 вложницъ и пять законныхъ женъ.

(\*) Въ Россіи похищеніе дѣвицъ и женъ случалось на игрищахъ. Въ одной хороводной пѣсни и донынѣ поешся: *нашего полку прибывло, а вашего убывло*, это означешъ нмчпо иное, какъ похищеніе женъ (опышь о древносняхъ Рускихъ соч. Успенскаго. Харьковъ 1808. Ч. I стр. 110).

жениха подарокъ (\*). Дѣши, какъ законной жены — шакъ и незаконной, имѣли одинакое право на наслѣдство, одинакожь первая имѣла бо́лье преимуществва, нежели наложница (\*\*).

Рабство произтекаетъ изъ двухъ причинъ: оный добровольной подчиненности, или оный насилія. На Сѣверѣ, въ спранѣ свободы, первой случай вовсе не былъ извѣстенъ; одна только война, морскіе разбой и похищенія шворили людей рабами (\*\*\*). Сии несчастныя, лишенные

---

(\*) У Рускихъ поушру приносили, *сѣно* или приданое. Подъ именемъ *сѣно* разумѣлось все то, что давалось за невѣстою, и то, что женихъ давалъ за невѣсту.

(\*\*) Изъ договоровъ Рускихъ съ Императорами Греческими видно, что жены имѣли участіе въ наслѣдіи мужняго имѣнія.

(\*\*\*) Сначала у насъ рабы были только шѣ, кои попадались въ плѣнь и происшедшіе оныхъ сихъ послѣднихъ, или за пресупленія опданые въ рабствѣ. По *Правдѣ Руской* должника опдавали въ рабство заимодавцу, ежели оный не въ состояніи былъ заплашишь своего долга. Въ XI вѣкѣ у Рускихъ холопы не имѣли ни граждан

всѣхъ гражданскихъ правъ, почитались недостоинными рая, ежели при погребеніи своего господина ошкрекались умереть на костръ.

А. Р.




---

скихъ, ни чловѣческихъ правъ (шакъ и въ древнемъ Римѣ и въ Скандинавіи); господинъ могъ располагать имъ, какъ собственностію, какъ вещью; могъ своевольво оппнимать у нихъ жизнь, никому за шо не опвѣтствую. (Исторія Карамзини Часнь 7 спр. 212).

О Б Ъ

ИСПАНСКИХЪ ТОРЕАДОРАХЪ (\*)

Еще и донынѣ существуютъ въ Европѣ зрѣлища, сходствующія съ кровавыми играми древнихъ народовъ въ Циркѣ. Я говорю объ Испанскихъ *Тореадорахъ* (*Toreros*), которые даюшь намъ понятіе о Греческихъ и Римскихъ Гладіаторахъ.

---

(\*) Слово *Torero*, употребляемое въ Испанскомъ языкѣ означаетъ человека, сражающагося съ быкомъ. *Тореро* или *Тереадоръ* заключаеши въ себѣ три званія бойцевъ: 1, *Пикадоръ* (*Picadoro*), вооруженный копьемъ, сражается на лошади. 2, *Бандерилладоръ* (*Banderilladoro*) сражается рогами и 3, *Матадоръ* (*Matodoro*) самый искусный боецъ, который однимъ ударомъ меча обязавъ убить животное, чѣмъ и оканчивается зрѣлище.

Бой съ быками, зрѣлище, введенное Маврами, считается нынѣ почти необходимымъ увеселеніемъ Испанскаго народа. Тѣлесная сила, но всего болѣе мужество и ловкость, являющіяся шамъ во всемъ совершенствѣ. Въ XII, XIII, и XIV столѣтіяхъ, когда люди, погруженные въ невѣжество, не озарялись благодѣтельными лучами просвѣщенія, шѣлесная сила почиталась главною добродѣтелію челоуѣка, и зрѣлища сіи споль уважаемы были въ Испаніи, что не токмо первые Гранды Государства, но часто и самыя Короли были на оныхъ дѣйствующими лицами. Кардиналь *Гвальдони* въ запискахъ своихъ о народныхъ торжествахъ повѣствуетъ (\*), что Альфонсъ, Король Аррагонскій и Наварскій, прозванный *рыцаремъ*, по случаю пораженія Мавровъ въ 1107 году давалъ въ Сарагоссѣ блистательный праздникъ, на которомъ предъ глазами плѣнныхъ Князей умертвилъ собственною рукою трехъ быковъ. Въ 1214 году отличился на подобномъ поприщѣ первый

(\*) *Memoires de Hualdny* Часть II стр 79, 106, и 108.

Грандъ и любимецъ Иакова I, Короля Арагонскаго, *Донъ Гарцій Спланкадо*. Сильнымъ ударомъ палицы онъ убилъ быка и, сломивъ одинъ рогъ, поднесъ оный Королю. Государь споль былъ восхищенъ подвигомъ своего друга, что повелѣлъ обдѣлать оный въ золошо и при всѣхъ празднествахъ пилъ изъ него за здороее Спланкада. — Изъ числа рѣдкостей, хранящихся въ Толедо, и до сихъ поръ можно видѣть сей рогъ и палицу, которые показываютъ огромность живошнаго и силу знаменитаго Тореадора. Не менѣ замѣчательны и мечи Короля Петра Каспильскаго и Карла Наварскаго, Государей жестокосердыхъ, кои, спрашась потерять уваженіе подданныхъ, первые безъ латъ, въ однихъ туникахъ и эпанчахъ, сражались съ быками съ невѣроятною силою, искусствомъ и успѣхомъ.

Но не всегда Тореадоры оставались побѣдителями яростныхъ животныхъ — и день торжества народнаго часто обращался въ день общей печали. Испанцы съ живѣйшею горестію сохраняющъ память одного изъ достойнѣйшихъ своихъ

Ияфаншовъ Дона Фердинанда (\*), который въ бою съ быками 1458 года въ цвѣ-  
 щуцѣмъ возрастѣ учинился жертвою сво-  
 ей неуспрашимости. Смерть сего Прин-  
 ца, какъ извѣстно, дала поводъ спорамъ о  
 преемничествѣ престола, коихъ послѣд-  
 ствія были гибельны для государства.

Но не взирая на очевидное зло, про-  
 исшекавшее отъ подобныхъ случаевъ, ко-  
 торыхъ въ исторіи Тореадоровъ встрѣ-  
 чается множество, не взирая на беспо-  
 лезную потерю знаменитыхъ людей и  
 упадокъ семейственнаго благосостоянія,  
 — только при Императорѣ Карлѣ V  
 обнародованъ законъ, запрещающій Прин-  
 цамъ и Вельможамъ участвовать въ сихъ  
 битвахъ. Съ того времени Тореадоры  
 выходили по большей части изъ низкаго  
 класса народа.

Безъ сомнѣнія только спросъ къ  
 кровопролитію могла сохранить до наше-  
 го времени сіи варварскія зрѣлища, шѣмъ  
 болѣе, что новѣйшіе Тореадоры не пользу-  
 ются ни однимъ изъ шѣхъ отличій, кото-  
 рыми награждались древніе. Тореадоры XII

(\*) Сына Короля Каспильскаго Генриха IV.

Часть XVIII. Кн. II.

11.

и XIII сполѣтій билъсь въ лапахъ, подвергаясь несравненно менѣе опасности, нежели нынѣшніе, которыхъ одежда состоитъ въ обыкновенномъ легкомъ плащѣ, довольно нарядномъ, но совершенно беззащитномъ. Первымъ бойцамъ для успѣха потребна была только сила и неуспрашимость; впорымъ сверхъ того необходимо имѣть особенное искусство и ловкость. — Одинъ неоспорожный поворотъ, одинъ неумѣстный шагъ сполтъ имъ или раны, или смерти. Въ прежнія времена Тореадоры за отважность свою приобрѣтали признапельность и благосклонность Государей, и умерщвление быка весьма нерѣдко возводило счастливаго силача (Машадора) на степень Полководца. Новѣйшіе Тореадоры не приобрѣщаютъ другой награды, кромѣ рукоплесканій. — Едва ли найдется народъ, который бы, подобно Испанцамъ, съ ревностію шель на опасности, опваживаясь бесполезно проливать кровь и терять жизнь за споль дешевую цѣну!

Между тѣмъ зрѣлища сіи предпочитаются всѣмъ прочимъ удовольствіямъ,

и почти въ каждомъ Испанскомъ городѣ сославляющъ главное увеселеніе жителей. Мадридъ и Аранжуецъ славятся сими представленіями; но битвы, особенно знаменитыя по силѣ, величинѣ и неукрошимости живописныхъ, производящъ въ Кадиксѣ. Они даются разъ въ недѣлю, продолжающъ чепыре мѣсяца и оканчиваются съ приближеніемъ нестерпимыхъ жаровъ.

Одни и тѣже Тореадоры выдерживающъ въ день два сраженія: поутру прошивъ шести быковъ и еще вечеромъ прошивъ двѣнадцати. Упреннее зрѣлище весьма любопытно по мужеству, которыми отличаются бойцы; вечернее блистательно по пышному убранству амфиатра и великолѣпнымъ нарядамъ присутствующихъ въ немъ зрителей. Женщины къ удивленію бывающъ почти всегда въ упреннихъ представленіяхъ и одѣваются просто безъ всякихъ украшеній. Оба пола имѣютъ одинакую справу къ симъ свирѣпымъ увеселеніямъ; мужчины и женщины съ нетерпѣніемъ ожидаютъ наступленія оныхъ. Кровь вол-

нуется въ Испанцѣ при встрѣчѣ съ быкомъ; онъ не можетъ воздержаться, чптобы не махнуть красною своею эпанчею, дабы привесель его въ бѣшенство. Испанская-женщина заложитъ самую драгоценную вещь, чптобъ только имѣть средство присутствовать при семъ національномъ праздникѣ.

Чптоже должно заключить о самыхъ Тореадорахъ, копорые гордятся своимъ званіемъ, презираютъ опасности, забываютъ родныхъ, друзей, всѣ мирныя удовольствія жизни, чптобъ удовлетворить своей испуленной сипрасни? Первосвященники Рима, какъ извѣстно, имѣютъ сильную власть надъ чувствами набожныхъ Испанцевъ; но буллы Инокентія II, Адріана IV, Григорія XII и другихъ Папъ не имѣли надъ Тореадорами никакого дѣйствія. Въ 1380 году Папа Урбанъ VI чрезъ Архіепископа Толедскаго объявилъ Тореадорамъ оплученіе отъ церкви, еспли они не отвращаются отъ подвиговъ, *изобрѣтенныхъ* ( по словамъ его) *Сатаною* (\*). Спрахъ наказанія не (\*). *Mémoires de Hualáony*. Часнь II, стр. 149.

долго удерживалъ сію спрасъ и чрезъ два года Амфитеатры снова наполнились Тореадорами. Родригъ, Графъ Леонскій, племянникъ Каспильскаго Короля Іозанна, первый возобновилъ сіи зрѣлища и первый обратился на себя перуны Папской власпи. Его назвали нечеспивымъ, оплучили опъ церкви и предали анаѳемъ; но онъ одинъ подвергнулся сему наказанію, которое въ послѣдствіи было замѣнено денежнымъ шпрафомъ. Спранное явленіе! Испанецъ въ испуленной ревности къ вѣрѣ Каполической готовъ принявъ мучишельную смерть, защищая Инквизицію, но рѣшаешся бытъ оплученнымъ опъ церкви, чшобъ умереть, сражаясь съ быками.

Съ новѣйшими Тореадорами, какъ и съ прежними, бывающъ случаи самыя печальныя. Въ 1784 году въ ушреннемъ зрѣлищѣ быкъ умершвилъ десять лошадей и ранилъ двухъ челоуѣкъ; Тореадоръ обращенъ былъ въ бѣгство: но, приспыженный зрипелями, успремился снова къ разъяренному животному, которое въ тоже мгновеніе подняло его на рога и

опкинуло шаговъ на десяшь. Какъ ни сильно было его паденіе, но съ ипрудомъ могли воздержашь сего несчастнаго опъ впоричнаго боя. — Такъ сильно дѣйствуемъ надъ челоуѣкомъ чесполубіе и народное мнѣніе!

Надобно бытъ свидѣшелемъ, говоряшь пупешешпвенники, чшобъ имѣшь поняшіе о мужешпвѣ и легкостп бойцевъ. Они съ разьяреннымъ быкомъ играюшь, какъ съ собакою. Изумляешся, и удивленіе соединяешся съ ужасомъ, когда видишь сихъ неуспращимыхъ людей, повергнувшихъ и попираемыхъ быкомъ, или брошенныхъ къ рѣшеткѣ амфитеатра съ такою спремипельноспію, чшо, кажешся, слышишь, какъ хруспящъ кости. — Не вѣришь глазамъ своимъ, когда послѣ споль спильнаго паденія видишь ихъ встающихъ невредимыми, бодрыми, гошповыми снова пропивоборспшвовашь ожеспоченному живопному, болѣе нежели они упомленному.

Трудно изъяснишь, какимъ образомъ сіи люди не разбиваюпся при паденіи. Въ Кадиксѣ въ недавнемъ времени спавился Тореадоръ, имянемъ *Кандидъ*, ко-

второй съ неподражаемымъ искусствомъ соединялъ мужество, легкость и ловкость (\*). — Когда быкъ, по обыкновенію, приближался къ нему съ поникшею головою; но Кандидъ ставилъ на нее ногу, и движеніе, кошорое при семъ дѣлалъ быкъ, дабы освободиться отъ оной, служило сему бойцу, дабы перескочишь проспанство во всю длину живошнаго. Торeadоръ сей умеръ бѣдственна — но съ большою славою. Видя въ опасности одного изъ своихъ поварищей, онъ бросилъ эпанчу между нимъ и быкомъ, и шѣмъ его спасъ; но живошное, разъяренное поперекъ добычи, успремилось на великодушнаго избавишеля, кошорый, лишась своей эпанчи и не имѣя способа защиты, бросился ницъ на землю. Быкъ нѣсколько разъ переходилъ по немъ, не имѣя возможности поднятъ его рогами. Товарищи Кандида имѣли время ему помочь, но — върояпно изъ зависти къ его славѣ — не прогались съ мѣста. Наконецъ послѣ нѣсколькихъ движеній быкъ пронзилъ несчаст-

---

(\*) *Notice Historique sur les Toréadors. P. S. Maréchal.* Часть I, стр. 58.

наго, бросилъ на воздухъ, подхватилъ снова, и понесъ по окровавленной площади повисшій на рогахъ трупъ. Таковъ былъ конецъ одного изъ мужественнѣйшихъ Торeadоровъ, котораго память въ Испаніи сохраняется въ народныхъ пѣсняхъ. Славу его замѣнилъ неустрашимый *Жоакинъ Кастиларецъ*; при Королѣ Карлѣ IV былъ первымъ бойцемъ въ Мадридѣ знаменитый *Ромеро*; теперь же славится въ Испаніи Торшозскій мѣщанинъ *Гонзалъ Мигвора*.

Бой съ быками вообще представляеть зрѣлище великолѣпное. Зрители разположены въ ложахъ, размѣщенныхъ подобно Греческимъ и Римскимъ Амфитеатрамъ. Въ городѣ Меридѣ, извѣстномъ по своей древности и прекраснымъ развалинамъ, — мѣстомъ сихъ представленийъ служилъ циркъ, воздвигнутый Августомъ (\*).

Хотя зрѣлища сіи кажутся жестокими, но бой Торeadоровъ, въ сравненіи

---

(\*) Въ XV и XVI вѣкахъ въ ономъ циркѣ давались блистательные турниры, на которыхъ нерѣдко присутствовали и Короли.

съ битвами Гладіаторовъ, по существу своему не можеть возбудишь такаго соспраданія, на какое имѣли право послѣдніе. Гладіаторы по большой части были невольники, которыми безчеловѣчно жертвовали удовольствіямъ народа; они выбирались также изъ преступниковъ, и игры въ циркѣ подобились мѣсту казни. Но Тореадоровъ ничто не обязываесть выдаваться въ опасности, кромѣ собственнаго произвола. Сумма, выручаемая отъ сихъ зрѣлицъ, за исключеніемъ издержекъ на убранство и освѣщеніе Амфитеатра, на покупку и содержаніе лошадей и быковъ, бываесть споль маловажна, что изъ остатка едва ли доспанеся на часть каждаго Тореадора по сичу піаспировъ; — сумма, копорой удвоенное количество не доспашочно на покупку хорошей лошади!

Гораздо болѣе заслуживающъ сожалѣнія быки. Сіи несчастныя животноя весьма легко могли бы сдѣлаться ручными и служишь съ пользою при обработываніи полей (\*); но зло еще болѣе зна-

(\*) По разчисленію, сдѣланному издашедемъ

численное производить отъ сихъ зрѣлицъ; черни позволяють пишашься мясомъ живошнаго, умерщвленнаго въ бѣшенствѣ, которое продають по самой дешевой цѣнѣ, отъ чего неизбежно происходятъ опасныя болѣзни.

Но обратимся къ любопытнымъ подробностямъ сихъ знаменитыхъ зрѣлицъ. Народъ занимаетъ мѣста въ Амфиатрѣ, гдѣ желѣзныя или деревянныя перилы отдѣляютъ площадь; едятъ мѣста, которыя отдаются за умеренную плату, но въ нихъ безпокойно отъ солнца, и они сдѣланы для простаго народа; подобно театральному партеру мѣста сіи расположены въ низу, куда можеть даже устремиться быкъ и испугашъ любопытныхъ зрителей. Выгодныя мѣста гораздо дороже; за ложи платяють отъ шрехъ до семи пѣспровъ.

---

*Севильскаго Наблюдателя* видно, что въ сорока шрехъ городахъ Испаніи, при употребленіи на ежедневныя представленія отъ 10 до 16 живошныхъ, испреблено Торeadорами въ 1816 году 8944 быка.

Проиграють шruby — и площадь, наполненная народомъ, дѣлается пуста. Пять или шесть кавалеристовъ въ бархатныхъ золотомъ вышитыхъ мантіяхъ, на прекрасныхъ лошадяхъ объѣзжаютъ нѣсколько разъ окружность площади, пока вторично раздадутся шruby; тогда они удаляются и въѣзжаютъ при *Пикадора*. Въ слѣдъ за симъ опворяется смѣжная дверь, изъ кошорой выбѣгаетъ быкъ и съ яростію бросается на перваго, который ему попадается. Каждый Пикадоръ наживаетъ его съ твердостію и по приближеніи поражаетъ въ выю. Ударъ бываетъ столь силенъ, что копье ломается или вонзается столь глубоко, что Пикадоръ не можетъ его изшоргнуть. Быкъ производитъ дикой ревъ, мечется и кружится, приходя отъ раны болѣе и болѣе въ бѣшенство. Когда одинъ Пикадоръ подвергается опасности, тогда другіе два съ гошовыми эпанчами дѣлають щещными всѣ усилія яростнаго живошного. Въ сіе время надобно имѣть чрезвычайное присущствіе духа, и эпанча въ рукахъ хладнокровнаго есть средство

самое лучшее; брошенная на голову быка и запусываясь на его рогахъ, она приводитъ его въ бездѣйствіе и даетъ Тореадору время оправиться и приготовиться къ оборонѣ.

Когда быкъ опъ раны и опъ усиленныхъ науряженій упоминтся, то входящъ *Бандерилладоры* съ рогачинами, которыхъ желѣзные концы оканчиваются крючкомъ или стрѣлою; дерево же во всю длину обвито бумажною бахрамою. Не дожидая приближенія быка, они сами на него устремляются и вонзающъ въ него одну или двѣ изъ сихъ рогачинъ (*banderillos*) и поспѣшно опступаютъ. Испощенный въ силахъ несчастный съ новою яростію преслѣдуетъ своихъ мучителей, которые съ необыкновенною легкостію перепрыгиваютъ перилы и, находясь въ безопасномъ положеніи, продолжаютъ умножать его бѣшенство. Пикадоры въ продолженіе сей впорой сцѣны не всегда удаляются съ площади и вспомоществуютъ *Бандерилладорамъ* при удобномъ случаѣ.

Звукъ трубы въ прешій разъ есть сигналъ смерти. Являются *Матадоры*,

спараясь сколь можно увеличить ожесточеніе упомянутого живошного. Они машутъ своими красными эпанчами и нѣсколько времени забавляютъ зрителей удивительными движеніями мужества и ловкости; не смотря на раны, полученныя отъ Пикадоровъ и Бандерилладоровъ, не смотря на усталость и изнеможеніе отъ текущей крови, быкъ собираетъ послѣднюю крѣпость силъ и съ удвоеннымъ ожесточеніемъ, какъ лютый звѣрь, кидается на предстоящихъ непріятелей; но отважнѣйшій изъ Мападоровъ пользуется его раздраженіемъ и въ одно мгновеніе поражаетъ несчастную жертву. Для славы Мападора пребываетъ, чтобы быкъ умерщвленъ былъ съ одного удара. Ежели Мападоръ не достигнетъ сей цѣли, его осмѣютъ и исключатъ изъ сего званія; въ случаѣ же успѣха, общія рукоплесканія раздаются въ Амфитеатръ и служатъ одобреніемъ и наградою побѣдишелю.

Едва подвигъ совершился, отворяютъ рогатки и при мула подпрягаются и вытаскиваютъ живошное. Площадь не

долго оспаешся пустою; выпускають вновь быка, съ которымъ шѣже самые бойцы сражаются одинаково, какъ и съ первымъ. — Между шѣмъ музыка играетъ пѣсни, сочиненныя въ честь Торeadоровъ, наиболѣе опличившихся въ сихъ подвигахъ.

Не одни мушцины, но и женщины появляются иногда на семъ кровопролитномъ поприщѣ. Въ Кордуѣ въ 1781 году одна Фиглярка (Guittana) имѣла мужественную дерзость войти на площадь и сражашься. — Она была опрокинута и разпопшана ногами животного среди общаго рукоплесканія. Нѣсколько сошъ Піастровъ обезпечили участь изувѣченной Торeadорки (\*).

Лѣкаря и Священники по необходимости присутствуютъ въ Амфиитеатрѣ, дабы раненымъ бойцамъ подать помощь, а умирающихъ приугошовать къ Христианской смерти.

Въ празднество Коронаціи Государя, или рожденія Инфанша, въ Мадридѣ на главной площади (Plaza-Major) даюшся

(\*) Notice Historique sur les Toreadors. p. S. Maréchal. Часть 1. стр. 66.

представленія сіи въ самомъ блистательномъ видѣ. Бѣдные дворяне пользуются сими радостными случаями и засшупающъ званіе Тореадоровъ въ надеждѣ приобрѣсти отъ Короля почешное мѣсто въ военной службѣ. Королевская Фамилія, Вельможи, придворные и иностранные министры присушшвуютъ на семъ народномъ зрѣлищѣ.

Иностранцы должны удивляться легкости и живоспи, замѣчаемой въ семъ случаѣ въ Испанцахъ, которыхъ вообще почищаютъ медленными, лѣнивыми и неповорошливыми. — Заключимъ, что надобно имѣть мужество, проворство и хладнокровіе Испанца, чтобы не сдѣлался жертвою сей лютой спрасци — и надобно имѣть равную имъ свирѣпость, чтобы чувствовашъ удовольствіе, взирая на сіи кровавыя зрѣлища.

*Яковъ Лыкошинъ.*



---

# ЛИТЕРАТУРА.

---

А.

ПРОЗА.

ГЛЕНФИНЛАСЪ.

НАДГРОБНАЯ ПѢСНЬ ЛОРДУ РОНАЛЬДУ (1).

( Изъ Вальтера Скотта ).

---

(Сія баллада основана на слѣдующемъ преданіи:

Два охопника горь Шотландскихъ проводили ночь въ шалашѣ и, радуясь счастливой ловлѣ, пили полными спаканами. Одинъ изъ нихъ, возбужденный виномъ, сказалъ другому, что желалъ бы видѣшь въ шалашѣ двухъ веселыхъ дѣвушекъ. Вдругъ явились двѣ, одѣшья въ зе-

---

(1) По Шотландски называютъ Согонасн надгробную пѣснь воину: ее поють старики.

ленное платье; пѣли; плясали — и наконецъ одна убѣдила иппи съ собою того, который желалъ видѣть ихъ. Другой, не вѣря имъ, осмался и разпѣвая молишвы съ сопровожденіемъ гитары, на разсвѣтѣ избавился отъ своей прелестницы. Послѣ въ лѣсу онъ нашель только кости своего друга, съѣденнаго злымъ духомъ. Долина сія названа долиною двѣхъ зеленыхъ.

Лѣсъ Гленфинласа находишся въ Перчирѣ и принадлежишь нынѣ Графу Морю. Къ западу отъ Гленфинласа лежишь озеро Локъ-Капринъ. Бендели, Бенморъ и Бенверличъ суть горы тойже обласи ).



## I.

Оплачемъ храбраго! Пала слава дѣшей Альбина; гордое дерево Гленартни повержено на землю; мы не увидимъ болѣе Лорда Рональда.

Ты не зналъ прѣпета предъ непріателемъ, благородный сынъ великаго Макъ-Джилланора! Чей мечъ мѣрлся съ швоимъ? Кшо избѣгалъ швоей стрѣлы пернашой?

Часть XVIII Кн. II. 19

## II.

Вдовы Саксонскія скажутъ, какъ смѣлѣйшіе воины долинъ (1) пробуждали эхо береговъ Тейша паденіемъ, когда устремлялся пы на нихъ съ высотъ Ленни!

Кто забудетъ пиршества, на коихъ блиспали по долинѣ огни радости Лорда Рональда? При свѣтѣ пылающаго дуба, юныя Шотландки въ живыхъ пляскахъ смѣшивались съ любезными своими.

## III.

Возбужденные лирою Рональда, самые старцы забывали свои власы сѣдые. Увы, нынѣ тѣ старцы поютъ ему пѣснь надгробную! Мы не увидимъ болѣе Лорда Рональда!

## IV.

Владѣлецъ отдаленнаго острова гоститъ у Рональда; раздѣляетъ его забавы; вмѣстѣ правитъ дикихъ звѣрей, обитающихъ на утесистыхъ берегахъ Альбина.

---

(1) Саксонцы называются жителями долинъ ошъ своихъ сосѣдей, горныхъ обитателей.

То пѣвецъ Мои, согрѣшый священнымъ огнемъ пѣснопѣній, извлекающій сладкіе звуки изъ арфы и одаренный духомъ предвѣденія.

## V.

Онъ наученъ словамъ таинственнымъ, которыхъ прорещушь блуждающія привидѣнія. Часто арфа его повторяетъ пѣсни, чуждыя уху смертныхъ; ибо пророки совѣщаютъ съ усоншими, и въ будущемъ видѣтъ плачевную кончину живущихъ.

## VI.

Далеко отъ замка, оба съ Рональдомъ, преслѣдуютъ быстрыхъ сернь въ дремучихъ лѣсахъ Гленфинласа. Никпо изъ подданныхъ не сопровождаетъ рыцарей на охотѣ, не бережетъ въ опасности, не гошовишь трапезы. На нихъ простое платье горныхъ обитателей; вѣрные мечи одна ихъ защита.

## VII.

Три дни мѣлкія слрѣлы опустошаютъ лѣса и долины. Обильная шолько роса вечера приводилъ рыцарей съ охотны въ шалашъ, поставленный въ глуби-

въ лѣсѣ, подлѣ мрачнаго ручья Монеиры,  
журчащаго между сполѣпными дубами.

## VIII.

Ночь спокойна; небосклонъ при дни  
дышетъ тишиною; благошворная роса  
напаяетъ свѣжестью мягкій дернъ и  
желтый мохъ утесовъ.

Свѣтъ мѣсяца, полузакрышаго среб-  
ристыми облаками, препенетъ на озе-  
рѣ Катрина и дремлетъ на вершинѣ го-  
ры Бендели.

## IX.

Въ смиренной хижинѣ два друга из-  
готовляють сами охотничью трапезу;  
веселость оживляетъ очи Рональда; онъ  
пѣетъ и предлагаетъ здравныя чаши  
Мои.

„Не полна, говоритъ, радость наша;  
нѣтъ отвѣта бѣнїю сердца; недостаешь  
поцѣлуя возлюбленной, ея дѣвственней  
спыдливости и нѣжнаго взгляда.

## X.

„Двѣ красавицы горъ нашихъ, доче-  
ри гордаго Гленжиля, вышли сегодня изъ  
замка на охоту.

„Долго старался я пронуть сердце Маріи; она видѣла слезы, слышала мои вздохи; но всѣ хитросплетенія любовныя были отражены прозорливою сестрою.

## XI.

„Любезной Мои, внуши суровой, что не должно сперечь чужія сердца, когда трудно сохранить свое!

„Пока я, бѣгая по лѣсамъ съ Маріей, буду говорить о любви, извлеки голосъ изъ живыхъ струнъ швоей арфы; тогда любезная Флора Гленжилъ забудетъ сестру и Рональда; восхищенная, останешся при тебѣ, съ слезами на глазахъ и сладостною на устахъ улыбкой.

## XII.

„И если она согласишся подъ швѣтлюю древесъ выслушать пѣснь любви, скажи, суровый охотникъ, уже ли не найдешь любовь мѣсла въ швоемъ холодномъ сердцѣ?“

— „Съ самой битвы Энрика, со смерти Морны, ошвѣчаетъ Мои, сердце мое ошказалось нѣжности, сладкихъ поцѣлуевъ и улыбки красавиць.

## XIII.

„Воспѣвая на арфѣ горестъ попери въ лѣсу, гдѣ погибла оживлявшая меня любовью и славой, я вдохновенъ былъ пагубнымъ даромъ пророчествъ.

„Послѣдній ударъ, посланный небомъ во гнѣвъ, былъ предвѣденіе грядущаго; надежды умерли въ сердцѣ отъ будущиxъ несчастій, опдаленныхъ скорбей.

## XIV.

„Помнишь ли судно, весело плывшее изъ залива Обана? . . . Я предвидѣлъ его крушеніе на оспрыхъ скалахъ Колонсая.

„Ты видѣлъ Фергуса . . . сына сесп-ры швоей, въ шоржесшѣ на вершинахъ горъ Бенмора, окруженнаго вассалами, копорыхъ вооружилъ онъ противу владѣтеля Доуна?

## XV.

„Тебѣ еще видны были шаршаны ихъ (1), развѣваемыя вѣтромъ; еще слышалъ ты удары въ звонкіе щипцы подъ ладъ

---

(1) Шаршаны кльшчатые епанчи Шотландцевъ.

веселыхъ волынокъ (1): а я внимала уже спенаніямъ, видѣла текущія слезы и Фергуса, смертельно пораженнаго, когда бросился онъ на копья Саксонскія, впереди беспырашныхъ своихъ воиновъ.

### XVI.

„И о швоей участи сердце мое шрепещеть: зовешь меня, любезный Рональдъ, къ радости, хочешь дѣлать удовольствія, внушишь желаніе любви; но я слышу вопли духа погибели, вижу чело швое, орошенное хладнымъ пошомъ смерти, шрупъ непогребенный... шолько... болѣе не дано видѣть пророку.“ —

### XVII.

„Предвѣстникъ несчастія! Оспавъ для себя гробовыя мечшанія, ошвѣчаешь Рональдъ. Должно ли закрывать глаза при блескѣ радости онъ шого, что завтра загремишь буря.

„Праведны или ложны предвѣщанія швои, равно не внушаешь рѣбости владѣльцу Джилліанора; сердце мое будетъ

---

(1) Въ войскахъ Шопландскихъ до сихъ поръ еще употребляютъ волынки.

бишься для дюбви, хопябы копые Саксонское грозило ему поражениемъ.

## XVIII.

„Слышишься мнѣ шорохъ легкихъ шаговъ Маріи по орошенному дерну ... она зовель меня.“

Не прощается съ другомъ, кличетъ собакъ и весело бѣжитъ Рональдъ изъ шалаша на голось.

Черезъ часъ прибѣжали собаки; вѣрные поварищи охотника наполняютъ воздухъ жалобнымъ воемъ и ложатся у ногъ Мои.

## XIX.

Наступила полночь. Нѣтъ Рональда. Тревожишься Мои мрачнымъ предчувствиемъ, и склоняясь въ думахъ къ огню, раздувается угасающій пламень.

Мгновенно псы поднимаютъ уши; перестаютъ выть; жмутся къ Мои; выражаютъ боязнь шепеломъ и глухимъ ворчаньемъ.

## XX.

Тихо отворилась дверь: звучать струны на арфѣ и повторяютъ каждый шагъ. При свѣтѣ огня дѣвецъ видишь

дѣву красоты несравненной, въ зеленой охотничей одеждѣ, копорая, смочена росю, тѣсно обнимаетъ прелестныя округлости пѣла.

## XXI.

Она дрожитъ отъ холода; наклонясь къ шрепещущему огню и выжимая мокрые волосы, открываетъ взорамъ Мои грудь, бѣлѣйшую слоновой кости.

Краснѣетъ отъ стыдливости и говоритъ съ кротостію: „любезный пѣвецъ, не встрѣчалъ ли ты въ роцѣ Гленфинласа юной звѣрловицы въ зеленой одеждѣ?“

## XXII.

„Вмѣстѣ съ нею былъ мужескивенный воинъ горь нашихъ. За плечами его колчанъ полный стрѣлъ, на поясѣ Шотландская бляха, шарпанъ разрываясь въпрямь?“ —

„Кто ты? Кого ищешь... прерываешь Мои, усурема на нее смущенные взоры; за чѣмъ блуждаешь при свѣтѣ лунномъ по лѣсамъ Гленфинласа?“

## XXIII.

„Тѣни замка нашего проспирающа

по глубокому озеру Каприна, котораго лазурныя воды омываютъ многіе острова. Мы дочери гордаго Гленжиля, вышли упрямъ на охоту за сернами въ лѣса Гленфинласа, и случай соединилъ насъ съ сыномъ великаго Монъ Джилліанора.

## XXIV.

„Помоги мнѣ сыскажь сеспру и Рональда; они вѣрно въ лѣсу заблудились. Не смѣю ипши одна; говорящъ, шамъ обипающъ злые духи.“ —

„Такъ, ошвѣчаешъ пѣвецъ, надобно бояться злыхъ духовъ; для шого хочу исполнить обѣщъ мой и кончить вечернюю молишву, которую клядся чипашъ ночью, во время сна другихъ человекъ.“ —

## XXV.

„Во имя милосердія, проводи заблужденную звѣрловицу! Мнѣ надобно пройти лѣсъ и прежде дня увидѣшь замокъ опеческій.“

„Изволь: сошвори же молишву; положи на себя знаменіе креста — и шогда опправимся въ пушь безопасно.“ —

## XXVI.

„Какъ не спѣдно рыцарю! Покройся

лучше клубукомъ монашескимъ, погда мо-  
лишвы приспанушь шебъ.

„Нѣкогда, въ замкѣ Дунлашмона, сер-  
це швое не было шакъ холодно для люб-  
ви и счастья; погда на арфѣ согласной,  
воспѣваль ты обольстительную красошу  
Морны; погда все бы сдѣлать для ея у-  
лыбки прелесипной.“ —

### XXVII.

Загараешя огонь во взорахъ Мои;  
гнѣвъ и ужась изображаюшя въ нихъ  
поперемѣнно; черные волосы спановяшя  
дыбомъ; щеки измѣняюшъ краску.

„А ты, говоришь онъ, гдѣ была въ  
шо время, когда я воспѣваль Морну и лю-  
бовь у пылающаго дуба Дунлашмонова?  
Плавала ли въ черномъ дымѣ шрубномъ,  
или носилась на крылахъ бури?“

### XXVIII.

„Нѣшь, ты не человѣческаго рода,  
не дочь Гленжиля. Твоя машь обипала  
въ водоворотахъ, опець былъ духъ рудо-  
копей.“ —

Мои повторяеть три раза: *Да раз-  
тогатся врази твои*, при раза крестипш-  
ся — и обращаешя къ югу.

## XXIX.

Наклонясь къ арфѣ, извлекаешь звуки волшебные; изумленное эхо повспоряетъ шайнспвенную гармонію, кошорая сливается съ шумомъ вѣтра.

Призракъ перемѣняешь образъ; стань его расшелъ, расширяется; потомъ, смѣшиваясь съ дождемъ начинающейся бури, исчезаешь, испуская жалобныя завыванія.

## XXX.

Разсѣлись облака; градъ и вихрь колеблють хижину, сокрущаюуть и покрываюуть поле ея обломками. Но у пѣвца ни одинъ волосъ не подымается отъ вѣтра, ни одна капля дождя не падетъ на него. Дикой хохотъ, мѣшаясь съ ревомъ бури; раздается надъ головою Мои, но вскорѣ упихаетъ, удаляясь къ сѣверу.

## XXXI.

Раскаты грома попрясаюуть лѣсъ съ умаленіемъ сихъ сверхъестпвенныхъ звуковъ, и кровавый дождь задушаетъ полуугасшія головни.

Падаешь рука, держащая мечъ; потомъ отсѣченная голова; изъ ней еще сыруится теплая кровь.

## XXXII.

Вершина Бенмора часто видѣла главу сію, увѣчанную въ бишвахъ; руки поражали спрашными ударами, и кровію Саксонцевъ багрили воды Тейша.

Осирошѣли мрачные испочники Монейры; опушѣли лѣса Гленфинласа: никогда сынъ Альбина не придетъ шуда опушпошашъ колчана!

## XXXIII.

Утомленный пушникъ обойдешъ шѣни лѣса въ знойной полдень, спрашасъ злыхъ духовъ Гленфинласа.

И мы не укроемся болѣе за щипомъ владѣльца Джилланора; не пойдемъ за нимъ въ бишву; будемъ только пѣшь ему пѣснь надгробную!

## XXXIV.

Оплачемъ храбраго! Пала слава дѣшей Альбина; гордое дерево Гленаршни повержено на землю; мы не увидимъ болѣе Лорда Рональда! . . .

*Никол. Бестужевъ.*



О С Б У К Ъ .

Есть на свѣлѣ болѣзнь, весьма мучительная, коюрая часъ оиъ часу болѣе разпроспраняется между людьми, и я вижу, что большая часть моихъ знакомыхъ ей подвержена. Это заспавляетъ меня боясья за самага себя, пошому что болѣзнь сія прилипчива; она такъ же скоро приспаетъ, какъ чума, и надобно бранъ прошивъ нея большія предоспорожности. Къ счаспію, признаки ея спакъ вѣрны, что ее пошчасъ можно узнать: она опкрываеця сначала зѣвошю, потомъ дремошю и сномъ. Чишатели конечно догадывающя, что я говорю о Скукѣ. Не чувспвуете ли вы уже спраха? Болѣзнь сія можетъ къ вамъ при-

спать даже ошъ писаной бумаги, и легко спанелся, что мнѣ бы должно было порядочно вымочить въ уксусъ пеперенее мое писанье, до ошсылки его къ вамъ. Однакожъ мнѣ бы очень досадно было сообщить вамъ такіе несносные недуги, каковы зѣвоша, дремота, усыпленіе и пр.; по чему на всякой случай прошу въ шомъ напередъ прощенія, ибо дурнаго намѣренія съ моей спороны не было; къ шомужь и заразительнаго вещества здѣсь будешь самой слабой приѣмъ. Чешыре спраницы не могушь бышь смерпельны, и я надѣюсь, что онѣ никого не доведущь до гроба. Какъ бы шо ни было, меня крайне удивляешь шо, что корень сей болѣзни до сихъ поръ не истребленъ въ подлунномъ нашемъ мірѣ, и что сей міръ не излѣченъ ошъ оной, не смотря на безчисленное множештво врачей, копорые брались и берушся его вылѣчить. Число ихъ въ здѣшней столицѣ можно смѣло положить по одному на десяшь человекъ жишелей; всѣ сіи врачи увѣряюшь, что они шо выгоняюшь изъ насъ болѣзнь, и каждой имѣешь свою особенную мешоду

лѣченія. Одни предписываютъ своимъ больнымъ огромныя приемы легкихъ стихотвореній, въ копорыя подмѣшанъ запахъ розъ, лилей или ясиновъ; другіе заспаиваютъ насъ глотая пилюли изъ большихъ поэмъ, прибавляя къ онимъ замѣчанія, кои и того еще больше. Третьи подучаютъ насъ переводами длинныхъ историческихъ романовъ, то есть, негодными микстурами, въ копорыя положена одна доля правды на десять или болѣе долей самой несносной лжи, приправленныхъ чеснокомъ, водкою, зеленью, скалами, водопадами и добавленныхъ нѣсколькими унціями чувствительности и меланхолии, съ пропорціей ума и разсужденій на подъемъ споловаго ножа, что все смѣшано съ сильнымъ приемомъ любви и нѣжности. Наконецъ, нѣкоторые изъ врачей (а сихъ то число самое большое) прикладываетъ намъ къ запылку широкіе пластыри изъ переводовъ въ стихахъ, совершенно новыхъ, къ копорымъ нѣрѣдко они прибавляютъ почти равное количество стиховъ, бывшихъ уже въ употребленіи . . .

Богъ знаетъ, всѣ ли сіи лѣкарства и множество другихъ, копорыхъ я не хочу называть, полезны и цѣлительны! Не дѣло ихъ *разлагать* на сославныя ихъ часши; но мнѣ кажется, что они только усугубляютъ болѣзнь. Во первыхъ, легкія спихотворенія, въ такомъ видѣ, какъ ихъ теперь почши всегда пригошвляютъ, мѣшаютъ пищеваренію и сверхъ того имѣютъ какой-то непріятной вкусъ, возбуждающій пошноту. Романпическая проза и того еще припорѣе: это сущее *бабье лѣкарство*; а вамъ извѣстно, что все сословіе врачей запрещаетъ лѣкарства сего рода. Недавно, одинъ изъ моихъ пріятелей, спрадая заспарѣлою скукою, проглотилъ цѣлой переводъ новаго романа, копорой ему присовѣтовали, какъ самое *непреложное средство* отъ его болѣзни. Бѣдной мой пріятель не только не вылѣчился, но чуть было не откусилъ себѣ языка, и вѣрно бы умеръ, еслибъ я не поснѣшилъ дать ему прошивудіе, копорое случилось тогда подъ рукою: оно соспоало изъ Душеньки Богдановича, сказокъ Дмипріева и басень его же и Кры-

дова. Что же касается до переводовъ въ стихахъ, а особливо большихъ поэмъ, я ихъ никакъ не считаю хорошими лѣкарствами; а напротивъ почитаю ихъ смертоносными, пошому что они очень худо сварены, и лучше быть не могутъ. Причина тому, что вмѣсто вкуса древнихъ, который очень полезенъ, имѣютъ они какой-то новый вкусъ, коего мы не чаяли въ нихъ найши и который въ семь случаевъ производитъ дѣйствіе стараго, окиснувшаго вина, смѣшаннаго съ молодымъ. Не смотря на то, лѣкарство изъ стихотворныхъ переводовъ съ нѣкошораго времени вошло въ великую моду. Наши *врачи-переводники* дѣлаютъ все, что могутъ, дабы *воскресить мертвыхъ*; но мертвые никакъ не воскресаютъ, а живые все еще очень больны.

Оставимъ иносказанія и начнемъ говорить языкомъ обыкновеннымъ. Въ самомъ дѣлѣ, кажется, будто бы Скука разпространяется болѣе и болѣе, по мѣрѣ того, чѣмъ спарательнѣе берутъ противъ нея предосторожности: доказательствомъ шому служишь, что нигдѣ шоль-

ко нѣтъ людей скучающихъ, какъ въ столицахъ. Здѣсь, гдѣ все направлено къ удовольствію, гдѣ самое зашвыливое досужество прудился день и ночь надъ изобрѣпеніемъ всякаго рода забавъ — здѣсь, говорю, мы видимъ несчастныхъ, для копорыхъ день тянется шакъ долго, и копорые ушромъ находяица въ смерпелльномъ безпокойствѣ о шомъ, какимъ образомъ проведши вечеръ. Если не объявлено въ афишѣ о какомъ нибудь новомъ увеселеніи, копорое могло бы сократить ихъ вечеръ, по они почти приходяица въ ошчаянне, даже иногда рѣшаются ошпаться въ кругу своего семейства, посвятивши ошпашокъ дня своей жѣнѣ . . . это ужасно! Временемъ, когда супружеская дружба спановица уже несносною, пробѣгаютъ они глазами новое сочиненьице; но сочиненьице часшо бываетъ еще несноснѣе: шогда ничего не ошпается дѣлать, какъ только лечь поскорѣ въ постелю. Правда, они ложаица одни; но можно ли спокойно уснуть; проведши день шакимъ скучнымъ и жалкимъ образомъ? Ночь имъ кажется еще

длиннѣе дня: сонъ бѣжипъ опъ глазъ; и  
 шакъ имъ оспаешся только желашъ смер-  
 ши! . . . По счастью завпра даюшь но-  
 вую комедію, играешъ новой актёръ, или  
 актриса; это привязываешъ ихъ снова  
 къ жизни, хопя на короткое время: еспъ  
 надежда уловипъ нѣсколько счастливыхъ  
 минутъ. Наконецъ, нашимъ бѣднякамъ  
 удалось провести свой вечеръ; они воз-  
 вращаюпся домой въ полномъ удоволь-  
 ствіи, говоря, что *новой актёръ* несно-  
 сень, говорипъ невпопадъ, кричипъ  
 какъ бѣшеной и молошипъ руками, какъ  
 цѣпомъ; что *новая актриса* поешъ тамъ,  
 гдѣ должно говорипъ и смѣшипъ зрипе-  
 лей тамъ, гдѣ должно извлечь у нихъ  
 слезы; что *новая пьеса* длинна, несносна,  
 безтолкова, и что нѣтъ способа дослу-  
 шать ее до конца.

Если вы хопите видѣпъ скуку оли-  
 цешворенную; то посмоприше на бога-  
 шаго провинціала, въ первой разъ пріѣ-  
 хавшаго провести зиму въ столицѣ и  
 не имѣющаго въ ней никакихъ знакомствъ.  
 Единственныя его убѣжища рестораціи,  
 кондиторскія лавки и спектакли. Никшо

о немъ не думаетъ и даже его не примѣчаетъ, а ему кажется, что всѣ глаза на него обращены: опъ этого видѣ его неловокъ, заспѣнчивъ и спыдливъ, что всего хуже, а особливо въ большомъ городѣ, гдѣ сполько насмѣшниковъ, и гдѣ ничѣмъ шакъ не возьмешь, какъ видомъ самонадежливомъ и даже опчаспи нахальнымъ. Нашему провинціалу совѣшуютъ посмошрѣшь новую драмму или мелодрамму, съ прологомъ, пѣніемъ, шанцами, сраженіями, ужиномъ и большимъ спектаклемъ, увѣряя, что здѣсь - шо онъ на-смошпришся всякихъ чудесъ, насмѣется и наплачется до сыша. Онъ идетъ, смолпришъ, слушаетъ — принимаетъ декламацию прагическихъ лицъ за пѣніе — удивляется первые полчаса, попомъ привыкаетъ смолшрѣшь и слушать, находитъ, что все дѣйствіе какъ - шо не похоже на правду — попомъ начинаешь скучать, попомъ зѣвать — и наконецъ дремать, а дремать удобнѣе у себя на кварширѣ въ покойной постелѣ, нежели въ театрѣ на креслахъ, подъ шумъ дюжины акшеровъ и акшрисъ. Между шѣмъ

онъ слышитъ вокругъ себя частыя ружондесканія и громкія похвалы молодой актрисѣ, которая проговорила такое-по мѣсто съ глубокимъ чувствомъ — удивляется, что сіе нимало его не пронуло, хотя весь партнеръ ахалъ и гошовъ былъ заплакавъ навзрыдъ, удивляется и жадуется на природу, которая создала его съ каменнымъ сердцемъ и одарила грубымъ вкусомъ, не умѣющимъ оплечипить заунывной декламациі ошъ пѣнія. Прѣзжаешь на кварширу съ досадою и съ пустою въ душѣ и въ головѣ; радъ бѣднѣяца, что можетъ по собственнѣйшей волѣ обратиться изъ сего средопочія ушѣхъ въ деревню, подъ свой опеческой кровъ, гдѣ для разогнанія скуки, ему довольно услышать пѣніе домашняго пѣтуха и увидѣть зрѣлище сельской природы. Правда, что декорациі сего зрѣлища очень незавидны и просты: онѣ состоятъ только изъ пверди небесной, украшенной нѣсколькими свѣшилами, изъ нѣсколькихъ рощицъ, нѣсколькихъ луговъ, нѣсколькихъ ручейковъ. Все сіе конечно не можетъ произвести шакаго впечатлѣнія, какъ раз-

малеванное красками полошно и чудесный міръ, освѣщенный кенкешами; но надобно пользоваться природою, какъ умѣешь и пѣшишь ею глаза свои за недоспашкомъ лучшаго: не лзя же повсюду наспроишь каменныхъ театровъ.

Скука закрадывается иногда шакже и въ деревню; но шамъ припадки ея не споль сильны и не споль опасны. Добрай деревенской помѣщикъ, не умѣющій ничѣмъ заняпсья, часшо бываетъ скученъ для себя и для другихъ; но онъ имѣеть превосходное предохранительное средство въ здоровомъ своемъ желудкѣ и часпомъ позывѣ къ пищѣ. Завпракъ, обѣдъ, полдникъ и ужинъ дѣлять его день на чешыре часши, и въ сіе время скука не смѣетъ къ нему приспупишь. Она проглядывается только временемъ между сими *гетьрьмя гашьями дня*; но и пущъ кофе и опдыхъ послѣ обѣда, пошомъ чай и пуншь до ужина, часомъ боспонъ по копѣйкѣ и споръ съ сосѣдами служащъ къ отвращенію пароксизмовъ. Сельскія сплешни, новоспи цѣлаго околошка, любовыпство о шомъ, что *одъ сосѣдней*

*горшкѣ варится*, помогающъ также убивать время; это самыя простыя и естественныя занятія, которыми никогда не наскучишь, и кои не споль обыкновенны въ большихъ городахъ только по той причинѣ, что не спало бы цѣлой жизни для того, чтобы говорить худо о всякомъ человѣкѣ. Злословіе и пересуды, также какъ и мщеніе, суть удовольствія мифологическихъ боговъ; и можно сказать, что деревенскіе жители, а особливо жителяницы, имѣютъ въ семъ отношеніи нѣчто мифологическое.

Оканчиваю пѣмъ, что вездѣ, гдѣ удовольствія сопряжены съ принужденіемъ, гдѣ веселятся, такъ сказать, по заказу — тамъ гораздо больше скуки, нежели въ другихъ мѣстахъ; и что удовольствіе похоже на пѣхъ спранныхъ и своенравныхъ кокетшъ, которыя отворачиваются и убѣгаютъ отъ людей, спрашивающихся имъ угождать, а занимающя и ищутъ нравиться пѣмъ, кои вовсе о нихъ не думаютъ.

*Съ иностр. Орестѣ Соловѣ.*





Б.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

П И Р Ъ.



Что заграждаетъ предо мною  
Просторный путь широкихъ спогнь?  
Откуда поздною порою  
Въ глаза мнѣ блещетъ яркій огонь?  
За чѣмъ здѣсь шумные возницы  
Въ ряды сдвигаютъ колесницы?

Не храмъ ли вижу божества,  
Гдѣ совершаются моленья  
Во дни свяшаго торжества  
Среди полунощнаго бдѣнья,  
И вѣрой движимый народъ  
Со всѣхъ сторонъ къ нему печетъ?

Но я внимаю съ изумленьемъ  
Музыки сладоспращной звонъ,

И всѣхъ неисповымъ круженьемъ  
 По храминѣ колеблешъ онъ:  
 Лишь пѣни сонмовъ оживленныхъ  
 Мелькающъ въ окнахъ освѣщенныхъ.

Смигчи, мудрецъ, суровый взглядъ!  
 Приди на срочное веселье!  
 Здѣсь шрудъ заботный средь опрады  
 Легчишь невинное бездѣлье:  
 Оно разсѣшъ мрачность думъ  
 И оживишь холодный умъ.

За чѣмъ помишься одиноко  
 Въ углу угрюмой пишины?  
 Намъ блага мудростью высокой  
 Для наслажденія даны:  
 Веселья мигъ уловимъ крапкой!  
 Пошѣшимъ жизнь забавой сладкой!

Я въ сонмѣ радостныхъ госней,  
 Все упоаешъ въ наслажденьи:  
 Сіяешъ роскошь средь огней;  
 Еще въ шомпильномъ круженьи  
 По знакамъ бдишельной чреды  
 Живые движущся ряды.

Безпечно лучная лишь дремлешъ.  
 На пурпурномъ диванѣ лѣнь:  
 Ее хранишельно объемлешъ.

Спущенныхъ занавѣсовъ шѣнь;  
 Да шопотъ изрѣдка скрывая,  
 Вдали сидишь чепа младая.

Прощажиѣ музыки звукъ;  
 Нѣжиѣ спросанные напѣвы,  
 И расступился шумный кругъ:  
 И гибкій станъ прелестной дѣвы  
 Обвивши юпоща рукой  
 Какъ Фавнъ повлекъ ее съ собой.

Давно приличіе сорвало  
 Съ ея плѣнительной груди  
 Защиту дѣвства — покрывало:  
 Глазамъ преграды нѣтъ. Гляди,  
 Какъ дерзкій взоръ его сверкаетъ!  
 Въ немъ спросишь виновная пылаешь.

Прикосновеніе жаркихъ рукъ,  
 Давно впревоженные чувства,  
 Весельемъ упоенный кругъ,  
 Очарованіе искусствва  
 И для объятій вольный мигъ —  
 Все разжигаетъ спроси въ нихъ.

Въ ея глазахъ любви примѣлы  
 Спросишь безпокойная прочла,  
 И сокровенные ошѣты  
 Рука нескромная дада,

И робкій спыдъ въ лицѣ прекрасной  
Смѣненъ улыбкой сладоспраспной.

Нѣшь, нѣшь! Да будетъ проклятъ шопъ,  
Какъ врагъ семейспвеннаго счастья,  
Кшо вздумалъ первый опъ заботъ  
Покоишь нѣгой сладоспраспья;  
Кшо скромный съ дѣвства снялъ покровъ,  
И разлучилъ съ спыдомъ любовь.

За чѣмъ развратъ мѣшашъ въ забавы,  
Покой невинности губишь?  
За чѣмъ порочные усавы  
Съ упорной набожностью чпишь,  
И языкомъ правдивой чеспи  
Не объявилъ безспыдспву меспи?

Пора спраспей придетъ сама:  
Пускай же скромность вяжешъ спраспи!  
Довольно жершвъ на счешъ ума  
Мы принесли порока власпи:  
Уже ли въ слабости своей  
Всѣ посвяшимъ ушѣхи ей?

Смотри: ужъ полдни насшупающъ,  
А соблазнительные сны  
Людмилу спраспную ласкающъ  
Еще на ложѣ пишины;

Ей на успа кладеть видѣнье  
Горячихъ успъ напечахлѣнье.

Но вопль разрушена мечта  
Приходомъ мамери заботной:  
На голось ласки красота  
Даетъ отвѣсы неохотно,  
И, одръ покинувши, она  
Хранишь на сердць образъ сна.

Ей мраченъ перемъ одинокой,  
Уединенный трудъ сяжелъ,  
И въ шипинѣ ея глубокой  
Тоска — желанія посоль:  
Она помился ожиданьемъ  
И грусть дѣлишь съ однимъ мечпаньемъ.

Оправлены молодые дни:  
Упѣхи съ юностию проспились;  
Мученья пайныя одни  
Подъ кровлей мирной водворились,  
И слышимы въ ночной тиши  
Лишь вздохи — жалобы души.

А ты, безпечная Мальвина,  
Играй въ кругу своихъ подругъ!  
Тебѣ невѣдома кручина  
И боль сокрытыхъ въ сердць мукъ.

Живи для счастья въ тихой долѣ  
И разцвѣтай, какъ роза въ полѣ!

Тебя посредственностъ даритъ  
Въ родномъ дому утѣхой скромной;  
Она красу твою хранитъ  
Опъ дерзкихъ глазъ и спроси помной:  
Тебѣ любовь не дастъ вѣнца  
Безъ нѣжной радости отца.

Родства и дружбы кругъ смиренной,  
Пріюти некупленныхъ утѣхъ!  
Какъ я люблю твой пиръ священной,  
Твой скромный шумъ, твой скромный смѣхъ!  
Въ тебѣ мое отдохновеніе:  
Ты для души — единеніе!

*Плетневъ:*





О юный спутникъ мой, не надо лишнихъ  
слъвъ!

Мнѣ въяшень глазъ твоихъ отвѣтъ красно-  
рѣчивой:

Такъ и тебя постигъ ударъ судьбы спроп-  
шивой,

И твой съ младенчества веселый, пылкій  
духъ

Подъ хладною рукой гоненія попухъ,

И ты вкусилъ уже опъ чаши испытанья

Земнаго бышя урочныя спраданья!

Спѣши же, юноша, меня къ груди прижашь:

Имѣние души оправдно раздѣляшь! —

И голосъ жалобный, и пошупленны взоры,

И хладныя уста съ улыбкою укоры,

И блѣдность томная твоихъ ланишь, пѣ-  
вещь,

Печаль чувствительныхъ и пламенныхъ сер-  
дещь —

Все мнѣ ручается пріязню своею,

Что на твоей груди я хладъ души согрѣю

И обрѣту опяшь утраченный покой. —

Пусть солнце счастья не меркнетъ надъ по-  
бой,

Но я молю тебя Пермскимъ чиспымъ жа-  
ромъ,

Въ часъ бури яростной приди ко мнѣ съ по-  
ской:

Я дружбы и любви не принимаю даромъ! —

Вопь хижина моя! Здѣсь, въ мирной тишинѣ,  
 Слепають радости незванья ко мнѣ,  
 Компорыхъ прежде я въ черпогъ блестящей  
 славы

Не могъ зазвать къ себѣ на пышныя забавы.  
 Приди, и здѣсь сомной опъ бѣдствій опдохни!  
 Забудь печальные и пасмурные дни,  
 Компорыми шебя судьба сопровождаетъ!  
 Хоть сердце юное снѣдается шоской,  
 Когда на небеса наляжеть мракъ густой;  
 Но солнце послѣ бурь опраднѣе сіяеть:  
 Кшо слезъ не проливаль, шопъ радости не  
 знаетъ.

*П. Теряевъ.*



Э Л Е Г И И.

I.

Вошце, обманушый любовью,  
Сказавъ печальное *прости*  
Наждамъ, счастию, я ошдалъ хладнокровью  
Часы безпечные мои!  
Вошце!... Въ душѣ моей пшайлся пламень  
спраспи;  
Онъ силы новыя подъ пепломъ собираль...  
И вскорѣ, гибельный, въ своей увѣрять влашти,  
Какъ огонь подъ жершвою закланной воспы-  
лаль.  
Эрминія, швой взоръ, и робкій и всесильный,  
Непосшижимый всѣмъ, о счастии мнѣ въщаль;  
Онъ вновь прищвалъ меня въ мѣръ, радосшью  
обильный,  
Въ обипель прищраковъ — надежды и любви.  
Рѣшилъ жребій мой: спокойшвіе изчезло

И чувство прежнее въ пылающей груди!  
 Съ безмѣрной силою воскресло.  
 Вселенная моею украсилась мечшею;  
 Минувшаго какъ будто не бывало,  
 Какъ будто бышя начало  
 Судьба мнѣ поднесла вновь ангела рукой.  
 О сила тайная прекраснаго надъ нами!  
 Улыбка, взоръ, молчанье говорящъ,  
 Посредники сердець, имъ данны небесами.  
 Духъ, одиночества опвергнувъ тяжкій хладъ,  
 Какъ будто вновь знакомился съ шво-  
 реньемъ;  
 Все, хладное дошоль, согрѣло наслажденьемъ...  
 И я опъ чаши сей вкусилъ!  
 Не знаю, что на днѣ оставлено судьбою:  
 Блаженство ль, горести ль... но, ангель мой  
 съ тобою  
 Безъ страха бѣ весь фяль тайншвенный  
 испилъ:  
 Бышь можешь, въ немъ для насъ и радости  
 шаяшя!  
 Спрашусь сорвать съ грядущаго покровъ;  
 Но смунныя въ душѣ желаня полпяшя  
 И шягосшны шаги лѣнныы часовъ...

И.

Куда сокрышяся опъ желаній?...  
 Они повсюду мнѣ сопушшвуютъ, какъ шѣнь;

Среди бесплодныхъ ожиданій

Бесплодно погибаетъ день

И ночи не даюшь мнѣ сна привычной да-  
ни!....

Вошще, съ собой самимъ борьбою упомленъ,  
Ищу спокойствія на одинокомъ ложѣ:

Его обходящъ сны, иль въ нихъ я вижу поже —

Одну и шужъ мечпу, одинъ и шопъ же сонъ.

Прелестный призракъ швой и шамъ всегда  
со мною;

Твой робкій гласъ въ мой спраспный  
льется слухъ;

Любовь, надежда, сшрахъ волнующъ слабый  
духъ

И борюшся въ груди, пылающей шобую...

\*

То, въ глубинѣ лѣсовъ разлнани по плечамъ

Власовъ кашпановыя волны,

Кавъ Нимфа, шы бѣжишь — и по швоимъ  
слѣдамъ

Твой другъ, надежды спраспной полный,

Стремился милую волшебницу догнашь...

Усталые шаги прекрасной измѣняютъ;

Вошще спѣшишь Діану призывашъ!

Бесплодные мольбы въ проспранствѣ исче-  
заюшь.

Уже рука моя касаетъ одеждъ...

Дыханья пламянемъ власы швой обяшы...

Уже усна мои шприкрашы,

Въ восторгъ сладостныхъ надеждъ,  
 Касаюся своимъ... Уже рука съ рукою...  
 Но испина кладенъ мечпаніямъ предѣль:  
 Прелестный призракъ улешѣлъ  
 И я опять одинъ съ любовью и поскою!...

\*

То, въ шумныхъ общесвахъ блиспапельнаго  
 свѣша,

Я, вихремъ вальса увлечень,  
 Лечу съ шобой по зеркалу паркета;  
 Твой легкой спанъ моей рукою окружень;  
 Твои шаги сливаюся съ моими;  
 Твое дыханіе съ моимъ;  
 Нескромный взоръ скользишь надъ персями  
 молодыми;

Успа свои почти касаюся моимъ...  
 И я, въ объятіяхъ прекрасной, забываю  
 Людей и свѣтъ, и жить мечшаю  
 Лишь наслажденіемъ однимъ!...

\*

То, мнишся, я брожу съ шобою  
 Въ блиспающихъ весной Аркадіи поляхъ;  
 Гдѣ воды свѣплыя въ дуписныхъ берегахъ  
 Безпечно спелюися прозрачною волною;  
 Гдѣ нѣга носишся прохлады на крылахъ  
 И звуки сладкіе, какъ голосъ Филомелы,  
 Встаюшь опъ рѣзвыхъ водъ и съ эхомъ го-  
 воряшъ,

И пѣснями любви веселой

Глубокіе лѣса и пажити шумятъ...  
 Тамъ я, забывшъ вселенной,  
 И самъ ее забывъ,  
 Тебѣ вѣщаль дерзая, другъ безцѣнной,  
 Съ мольбой колѣна преклонивъ:  
 „Уединенія и счастья богиня!  
 „Продъ имъ раздѣломъ упрю лѣшъ:  
 „Мнѣ безъ тебя весь свѣтъ пус-  
 тыня;  
 „Съ побой въ пустынь цѣлой  
 свѣтъ!“...

Пустьъ годы, въ вѣчность исчеза,  
 Скрываются, покорные судьбѣ:  
 Число вѣковъ собою умножая,  
 Они умножатъ спрасишь мою къ тебѣ!...



### III.

Эрминія, на мигъ судьба насъ породила!  
 Разорванъ кругъ, въ коллоромъ ивѣ цвѣла.  
 Весна онышъ цвѣты красою озлашила;  
 Но буря зимняя цвѣтъ лучшій унесла.  
 Надежды свѣтлыя померкли,  
 Которымъ я дерзнулъ повѣришь на землѣ;  
 И розы счастья поблекли,  
 Проживши крапкѣй мигъ на радостномъ че-  
 лѣ.

Давно ли, на тебя съ улыбкою взирая,  
 Я вѣрилъ въ сладоспныхъ мечтахъ,  
 Что счастье — жребій мой?... А счастье,  
 улепая,  
 Въ коварныхъ скрылося мипувшаго часахъ!  
 Давно ль, когда въ безмолвномъ упоеньи  
 Молилась ты предъ олшаремъ,  
 Забытый другъ въ моленіи швоемъ  
 Мнилъ видѣть ангела — и въ сладоспномъ  
 забвеніи  
 Хошѣлъ спросить тебя о шайнствахъ небесь?..  
 Ахъ, счастье было сонъ прекрасный;  
 Но онъ едва блеснулъ и молніей исчезъ;  
 Свершилсѣ жребій мой ужасный:  
 Ревнивымъ судіей межъ нами свѣтъ возшаль;  
 Другой спалъ швой супругъ... и поздно я  
 узналъ,  
 Что послѣ сладкихъ сновъ ужасно пробуж-  
 денье.  
 И шщепны жалобы! Что опняло мгновенье,  
 Того вѣкамъ не возвращишь.  
 Другой шобой владѣешь,  
 И прежній другъ не смѣешь  
 Тебя прекрасно, какъ прежде, находишь!...  
 Увы, другой тебя научишь  
 Лобзаньямъ пламяннымъ любви,  
 И вздохи первые швой  
 Другой получишь...  
 А я одну печаль въ награду получилъ!...

Пусть счастьемъ оны своимъ любовь свою  
умножишь;

Пусть ею будешь жить... но все, мой другъ,  
не можешь

Тебя любить, какъ я любилъ!

Почто я не сорвалъ съ прелестныхъ устъ  
лобзанья?

Бышь можешь, тайный огонь въ шебѣ бы вос-  
пылалъ;

Въ грудь, хладную дополь, вѣснимись бы  
желанья

И вздоху моему вздохъ спрашанный отвѣчалъ;

Почто?... Но, милый другъ, судьба не захопѣла,

Чтобъ смертный полное блаженство ощу-  
пилъ!...

Какъ! Ты сама безжалостно велѣла,

Чтобъ я шебл, любовь и счастье позабылъ?...

Исполню приговоръ. Но пусть въ грядущей  
жизни

Жестокой горести опмщаютъ за меня!...

Ахъ, вѣтъ: будь счастлива! Умолкли укоризны,

И прежняя любовь вспулилась за шебя.

П. с. р. вѣ.



---

# К Р И Т И К А.

---

## ДРАММАТИЧЕСКОЕ ИСКУСТВО

Г-жи СЕМЕНОВОЙ.

---

Драмматическое искусство у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ наравнѣ уважалось съ другими изящными искусствами. Великіе паланшы акшѣровъ доставляли имъ такую же славу, какую приобрьшала стихотворцы, живописцы, скульпторы и музыканты. И не удивительно. Чтобы достигнуть истиннаго совершенства въ произведеніи, каждое изящное искусство пребуешь паланша и вкуса, копорые ознаменовывающся своею творческою силою.

Между шѣмъ, надобно согласиться,

Чтѣ въ драматическомъ искусствѣ, на  
 споронѣ художника, меньше суццествен-  
 ныхъ выгодъ, нежели въ другомъ иску-  
 сствѣ. — Чтѣ составляетъ истинную  
 награду художниковъ, единственную цѣль  
 прудовъ ихъ? Утѣшительная надежда-пе-  
 редашь всю душу свою попомснву и пос-  
 лѣ смерти жить своимъ твореніемъ. Мы  
 здѣсь говоримъ о шаланпахъ истинныхъ,  
 или великихъ: слѣдственнѣ не принима-  
 емъ въ расчетъ шумныхъ при жизни ру-  
 коплесканій, а еще меньше того выгодъ  
 прибыли. Кто читалъ жизнеописанія  
 славнѣйшихъ художниковъ; пошь знаете,  
 чтѣ они часто, умирая съ голода, или,  
 преслѣдуемые посмвннємъ завистниковъ,  
 единственнѣ думали о своемъ искусствѣ.  
 Скульпторъ или поэтъ, музыкантъ, или  
 живописецъ — каждый передаетъ по-  
 помснву памятникъ своего генія, кото-  
 рый за него будетъ говорить и ожив-  
 ляшь славу его. Сверхъ того, при жизни,  
 онъ не имѣеть нужды подвергать соб-  
 снвенное лице свое суду современниковъ.  
 Онъ можетъ, сокрытый неизвѣснностью,  
 вмѣщашься въ шолпу людей, разсмапри-

вающихъ его произведеніе, согрѣвашъ душу похвалами, если заслуживаешь ихъ — и не предавашъ лично себя оскорбленіямъ, если бы ими спали нечаянно преслѣдовашъ труды его.

Но труды актёра чрезвычайно тяжелы и вмѣстѣ благодарны. Его искусство начинается подчиненностію вкусу, а часто и прихоти драматическаго поэта. Часто бываетъ, что сила собственнаго его генія побѣждается ошибкою ума, приготавливающаго для него театральное лице. Не случается ли видѣшь, что актёръ долженъ смотрѣть на убійственное хладнокровіе публики къ своей игрѣ, между тѣмъ, какъ неудача его есть только слѣдствіе нерасчетливости автора? Актёръ себя лично отдаетъ на судъ зрителей, какъ произведеніе своего искусства. Спроситъ судья, не щадя его произведенія, въ глаза оскорбляющъ его самого, забывая, что, по мѣрѣ ихъ неудовольствія, выражаемаго даже безмолвіемъ, произведеніе художника должно спаловишья хуже и хуже, какъ гаснеть лампада, задуваемая вѣтромъ. Наконецъ

самый превосходный актёръ, ежедневно оглушаемый громкими рукоплесканіями, ничего не оставяя послѣ себя, кромѣ имени. Даже при жизни, съ окончаніемъ представленія, плодъ его усилія, сообщенія и рѣшимости мгновенно разрушается. Онъ сообщитъ на нѣсколько дней пріятныя душѣ ощущенія, копорыхъ однакоже она не въ силахъ чувственно передавать постороннимъ, не бывшимъ свидѣтелями его поржества.

Изъ эпаго можно вывести слѣдствіе очень важное для драматическаго искусства. Кто побѣждаетъ всѣ затрудненія, соединенныя съ его занятіемъ; кто, изъ любви къ нему, забываетъ, что онъ вполне не будетъ награжденъ за свои величайшія усилія; кто можетъ удовольствоваться однимъ наслажденіемъ, что онъ достигнулъ совершенства въ своемъ искусствѣ: тотъ рѣшительно можетъ претребовать названія истиннаго художника и славы его. Во всѣхъ изящныхъ искусствахъ посредственное и дурное значатъ одно и тоже; но въ драматическомъ искусствѣ это еще вѣрнѣе. Здѣсь

наблюдателю всего легче опредѣлить: истинный ли палантъ онъ разсмащри-ваешь, или поддѣльный. А чѣмъ меньше затрудненія разборчивости судіи; шѣмъ вѣрнѣе выигрышь правой стороны. Однимъ словомъ: едва ли былъ примѣръ, что бы ложный палантъ между актіерами предпочтенъ былъ истинному, даже на короткое время, что впрочемъ, какъ извѣстно изъ исторіи литературы, случилось между поэтами.

Но что показываетъ величіе палантъа въ драматическомъ искусствѣ? Правильное и непрерывное созиданіе всѣхъ представлений, которыя актёръ на себя принимаетъ, удовлетворительный отчетъ во всѣхъ видоизмѣненіяхъ своего искусства и наконецъ полное въ себѣ вмѣщеніе всей души представляемаго лица. Создать представление значитъ сообщить представляемому лицу силою ума своего рѣшительную и вмѣстѣ истинно-прекрасную форму, на которой бы не было слѣдовъ рабской переимчивости, или дѣтскаго подражанія. Эта форма, какъ неподдѣльное лице, не должна измѣняться-

ея въ продолженіе всего предспавленія. Она должна говорить за акпёра, какія средства избралъ онъ для достиженія своей цѣли и счастливъ ли онъ въ своемъ изобрѣшеніи. Дать опчетъ въ своемъ искусствѣ можно только тогда, когда весь ходъ предспавленія есть слѣдствіе соображенія строгаго и вѣрнаго. На немъ акпёръ долженъ основать не только свои успѣхи, но даже ошибки (если онъ въ произведеніяхъ человѣческихъ не избѣженъ), а зритель долженъ изъ него вывести всѣ получаемыя имъ впечатлѣнія; потому что у славныхъ художниковъ ничто не бываетъ дѣломъ случая, а все послѣдствіемъ главной рѣшимости. Въ изящномъ искусствѣ справедливѣе простить умышленную ошибку, принятую художникомъ за совершенство, нежели удивляться случайной красотѣ. Первую легко опгадать и изяснить, по сравненію съ цѣлымъ произведеніемъ, а послѣдняя сама будетъ говорить противъ художника. Что бы акпёру вмѣстить въ себя душу предспавляемаго лица, для сего ему надобно совѣмъ на вре-

ля опречья самаго себя, и пакъ очаро-  
 вать зришелей, что бы они забыли его  
 настоящее лице, а видѣли бы въ немъ  
 того, кого онъ представляешь. Душа у-  
 правляетъ нашими движеніями, наводитъ  
 перемѣны на лице; она единственная при-  
 чина всѣхъ нашихъ разговоровъ и самаго  
 даже молчанія — и потому безпрестан-  
 но въ насъ изъясняется. Какой подвигъ  
 для художника, въ продолженіе нѣсколь-  
 кихъ часовъ, въ бореніи сильной спраски  
 принятой имъ души съ его собственною  
 душою, часно увлекаемою совсѣмъ про-  
 шивнымъ чувствомъ, не измѣнитъ пре-  
 бованіямъ искусства, не опуститъ ошъ  
 своей роли ни однимъ движеніемъ, ни од-  
 нимъ словомъ! Но ему надобно все побѣ-  
 дить. Въ прошивномъ случаѣ онъ мо-  
 жетъ все потерять однимъ неумѣст-  
 нымъ наклоненіемъ головы, однимъ ос-  
 слабленнымъ или усиленнымъ звукомъ  
 своего голоса; пошому что тысячи глазъ  
 не сходятъ съ него съ появленія его на  
 сцену и до послѣдняго шага.

Условія трудныя. Однакожь они воз-  
 можны для исполненія. Одушевленіе или

вдохновеніе всегда производитъ необыкновенное. Актеръ съ истиннымъ талантомъ, во время представленія, сколько же чуждъ бываетъ самаго себя, сколько поэтъ въ своемъ воспоргѣ. И по, что хладнокровный зритель приписываетъ удивительному усилю актёра, есть только обыкновенное послѣдствіе того состоянія, въ какомъ находится душа его, обнявшая прекраснѣйшій предметъ свой. По крайней мѣрѣ мы не умѣли иначе объяснить игры Г-жи Семеновой (\*), которая подала намъ случай бросить здѣсь нѣсколько мыслей о драматическомъ искусствѣ. Между тѣмъ онѣ могутъ оправдывать насъ, если нѣкоторые читатели не захотятъ согласиться съ нами въ сужденіи на счетъ драматическаго искусства сей превосходной актрисы.

Мы полагаемъ, что Г-жа Семенова первая на нашемъ театрѣ изъ актрисъ достигнула возможнаго совершенства въ своемъ искусствѣ. Не говоря о Дмишрев-

---

(\*) 10 Апрѣля, въ трагедіи: *Ифигенія съ Авлиды*, и 14 того жъ мѣсяца, въ трагедіи: *Медея*.

скомъ, Померанцовъ и Крупицкомъ, прежде были актёры и актрисы съ счастливыми дарованіями, съ навыкомъ, чрезвычайно удачнымъ, даже съ успѣхами, по обыкновенному понятію, блистательными: но въ нихъ не доспавало изученія своего занятія — а оно только и можетъ непрерывно вести художника къ дальнѣйшимъ открытіямъ и познаніямъ всѣхъ тайнъ искусства. Таланты безъ сего руководителя легко успокоиваются на первыхъ удачахъ, которыя удовлетворяють невзыскашелянымъ требованіямъ благодарной публики. Мы приведемъ можемъ въ примѣръ на эпопѣ случай одного *Яковлева*; потому что память его живѣе прочихъ сохраняется въ наше время.

Въ представленіяхъ Г-жи Семеновой съ каждымъ разомъ примѣчающія новыя покушенія, новыя усилія къ дальнѣйшему усовершенствованію ея ролей. Болѣе десяти лѣтъ назадъ тому она была уже лучшая наша трагическая актриса. Но какіе съ тѣхъ поръ она сдѣлала новыя успѣхи! Льстивыя похвалы не усыпили ея: вѣрное доказательство истиннаго

паланпа. Въ *Клитемнестрѣ* и *Медеи* всѣ увидѣли вновь созданныя ею лица.

Мы не хотимъ слѣдовать за ходомъ ея декламации, что бы указывать, какіе стихи она лучше другихъ произносила; мы шѣмъ обязались бы доказывать, что она прочіе стихи произнесла или слабо, или дурно: но въ такомъ случаѣ она бы не заслуживала опъ крипики больше обыкновенныхъ опзывовъ, что играла во многихъ мѣстахъ очень удачно. Между шѣмъ ея представленія подающъ предметъ для разбора гораздо занимательнѣйшій: потому что она обняла свое искусство полною душою.

Расинъ въ *Ифигеніи* лицомъ Клитемнестры хотѣлъ нарисовать, въ какихъ видахъ можешъ изображашься нѣжность матери. Но для эпаго онъ избралъ лице, въ копоромъ, какъ извѣстно, спрасши были необыкновенныя. Другая мать, какъ слабая женщина, одними воплями не могла бы приводить въ сильное движеніе сердце зрищелей. Клитемнестра шо вооружается благородною гордосшію противъ измѣны любви и дружбы, шо му-

чится опъ недовѣрчивости къ супругу и осыпаетъ его укоризнами въ ненасыщенномъ честолюбіи, то произноситъ опчаянныя хулы на мстительныхъ боговъ. Опъ важности, приличной ея сану, она переходитъ вдругъ къ самымъ униженнымъ просьбамъ: однимъ словомъ — вездѣ царица и мать, вездѣ Клипемнестра, лишаящаяся дочеря, единственнаго своего утѣшенія.

Г-жа Семенова нигдѣ не измѣнила лицу Клипемнестры. Мало сказать, что она совершенно поняла свою ролю; она вмѣстила въ своемъ тѣлѣ всю душу несчастной царицы и дѣйствовала за нее такъ, какъ должна бы дѣйствовать предъ нами сама Клипемнестра. Ей легче всего было впасть въ ложную плаксивость. Тогда бы характеръ Клипемнестры былъ поперянь. Она бы унилась до обыкновенной женщины. Верхъ искусства Г-жи Семеновой былъ именно въ томъ, что въ самой сильной горести она сохранила лице этой пылкой и гордой женщины. Она оправдала всѣ преданія исторіи и чувства Расина. Но это особенно было вы-

\*

полнено ею въ первомъ представленіи мынѣшняго года (\*).

Лице Медеи ничего не имѣетъ общаго съ лицомъ Клипемнеспры. Это женщина, въ которой любовь, мщение, чувствительность и жестокосердіе — всѣхъ страсти выше человѣческихъ. Ей за такія пожертвованія, какихъ дороже не возможно представить, плачутъ измѣною, самую гнусною неблагоугодною и пошлымъ униженіемъ. Она готовитъ мести, достойную своего оскорбленія. Ей легко наказатъ измѣнника смертію своей соперницы: но это слишкомъ малое вознагражденіе за тѣ муки, которыя она чувствовала. Она рѣшается усиленъ свое спраданіе, лишь бы довершилъ спраданія гнуснаго измѣнника: она приноситъ въ жертву мщению своихъ дѣшей.

До сихъ поръ, какъ у насъ на Французской сценѣ, такъ и въ Парижѣ, актрисы спарались въ роли Медеи только о томъ, что бы въ полной мѣрѣ показатъ въ ней зрителиамъ Фу-

---

(\*) 16 Января.

рію (\*). Но Г-жа Семенова первая образовала изъ нея совершенно трагическое лице. Бѣшенство и злоба, безъ другихъ благородныхъ движеній сердца, не могутъ никогда быть предметомъ трагедіи; потому, что онѣ возбуждаютъ одинъ холодный ужасъ, не приводя въ умиленіе зрителей, что совсѣмъ прошивно цѣли трагедіи. Г-жа Семенова, постигнувъ свое искусство, рѣшилась совсѣмъ преобразовать лице Медеи. Это не произвольный поступокъ; онъ основанъ на глубокомъ познаніи человеческого сердца. Чѣмъ сильнѣе въ комъ характеръ; тѣмъ живѣе дѣйствуютъ и всѣ спрашки. Она сообщила Медеи чувствительность, равную ей мести. Мысль — погубишь дѣшей — перзаешь ее, какъ самую нѣжнѣйшую мать. Въ ней уже не было ничего общаго съ Фуріями: зрители были свидѣтелями прогашельнаго явленія. Медея была жалкимъ существомъ: на нее смотря,

---

(\*) Къ усиленію сего ошибочнаго въ нихъ мнѣнія преимущественно способствовала Французская актриса Рокуръ, которая въ роли Медеи почиталась единственною.

почти все плакали въ продолженіе цѣлаго четвертаго дѣйствія. Вопль въ чемъ Г-жа Семенова превзошла всѣхъ извѣстнѣйшихъ актрисъ въ семь родѣ. Представленіе Медеи было торжественно ея спланна и показало, что она умѣетъ создавать для себя роли и понимаетъ, въ чемъ состоитъ обладаніе своимъ искусствомъ. Такъ умѣла Расинъ изъ пресупонной Федры сдѣлать самое занимательное, самое проработательное лице.

Мы до сихъ поръ говорили о внутреннемъ совершенствѣ драматическаго искусства Г-жи Семеновой; слѣдовательно о самомъ важнѣйшемъ. Но для полнаго его обзоренія нельзя не упомянуть о голосѣ и движеніяхъ ея, какъ наружной части драматическаго искусства.

Не все спроси имѣютъ одинаковой голосъ. Глубокое опчаяніе говоритъ едва слышимо и прерывисто. Сердечная жалость вопиетъ. Негодование изливается пощочкомъ словъ. Въ искусствѣ надобно слѣдить природу. Г-жа Семенова постигнула это различіе голоса въ спрашеняхъ. Она такъ владеетъ своимъ органомъ зву-

ка, что нельзя безъ удивленія слушать, какъ быспро и свободно переходитъ она отъ дѣйствія одной спрашки къ другой. Она въ почности измѣряетъ молчаніемъ точку переломъ, который обыкновенно происходитъ въ сердцѣ при рожденіи новаго чувства. Прежде начала рѣчей ея зрители могутъ угадывать, что въ душѣ ея начинается приливъ новыхъ ощущеній.

Голосъ спрашекъ сопровождается движеніями рукъ. Сіи движенія можно назвать дополнителнымъ языкомъ сердца. Мы, какъ бы не доверяя дѣйствительности звуковъ, стараемся ими чувственнѣе представить условной способъ выраженія мыслей, т. е., слова. Часто движенія рукъ становятся для зрителей непріятными и утомительными, когда они однообразны. Это происходитъ отъ того, что актёры учатся имъ наглядкою, а не соображеніемъ съ природою, почто такъ, какъ и звуки голоса всѣхъ спрашекъ у многихъ изъ нихъ бывающіе большею частію одинаково сильны. Г-жа Семенова и въ семъ случаѣ показала, что

она проникнула во всѣ шайны своего искусства. Она дѣйствовала своими руками, какъ въ ней дѣйствовали спраши, а не двигала шолько ихъ по ограниченымъ правиламъ мимики. Въ истинномъ одушевленіи она была вездѣ свободна.

Впрочемъ эта часть искусства не доведена ею до послѣдней степени совершенства, и мы желали бы увидѣть новые, дальнѣйшіе успѣхи въ ея жестахъ.

Кришика, опонавливаясь на разсужденіи совершенствъ произведенія художника, съ любопытствомъ иногда предаешя размышленію: „какими средствами дошелъ художникъ до сей степени совершенства?“ Въ отношеніи къ Г-жѣ Семеновой, просвѣщенный наблюдатель раздробилъ сей вопросъ на слѣдующіе: „Какими способами она совершенно вышла изъ ряду театральныхъ артистовъ нашего времени? Отъ чего ея членіе, игра, самая мимика не имѣютъ ничего общаго съ другими нашими актерами, какъ прежними, такъ и нынѣшними?“

Тѣ, у которыхъ на каждый вопросъ всегда готовъ отвѣтъ, обыкновенно говорятъ, что Г-жа Семенова подражаетъ актрисѣ Жоржъ. Но отвѣтъ сей не удовлетворитъ мыслящаго человека. Жоржъ болѣе десяти лѣтъ уже мы не видимъ, а искусство Г-жи Семеновой именно въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ возвысилось до блистательныхъ своихъ успѣховъ. Напримѣръ, мы уже замѣтили выше, что роль Медеи создана собственно ею. И какія глубокія прагматическія соображенія въ ней открывающіяся, соображенія, основанныя на совершенномъ пониманіи характера, спросите и, если можно такъ сказать, фізіономіи лица, ею представляемаго! Вся теорія со всѣми тайнствами искусства, кажется, раскрыта для Г-жи Семеновой. Но кѣже ввелъ ее въ святилище сихъ тайнствъ, куда, обыкновенно, вводятъ и самыхъ гениевъ высокая образованность и обширныя познанія? Какъ могло усовершенствоваться дарованіе паче, гдѣ при воспитаніи нѣтъ такихъ наставниковъ, которые бы захотѣли приписать это себѣ, гдѣ не

было образецъ при началѣ поприща, гдѣ нѣтъ ни изданныхъ теорій сего искусства, ни крикикъ, его наставляющихъ? Всѣ сіи вопросы должны бы оспахъся безъ опвѣща, и успѣхи Г-жи Семеновой конечно были бы загадкою для просвѣщеннаго наблюдашеля, если бѣ неизвѣстно уже было, что она почти съ начала пуши своего руководима шакимъ липерашоромъ, въ драматическомъ искусствѣ кошораго никто бы не усумнился, если бы мы, не оскорбивъ скромности, могли произнести его имя. Эпощъ примѣръ лучнимъ можно поставишь доказашельствомъ, что пока мы въ своихъ акшѣрахъ и акприсахъ не будемъ видѣть людей самыхъ образованныхъ и вспутившихъ въ союзъ съ просвѣщеннѣйшими людьми, до шѣхъ поръ у насъ драматическое искусство не возвысится до шой степени совершенства, на которой оно стоишь въ просвѣщеннѣйшихъ государствахъ Европы.

*Плетневъ.*



# С М Ъ С Ь.

## ИЗВѢСТІЕ О КНИГѢ.

### ЖИЗНЬ АЛИ, ПАШИ ЯННИНСКАГО,

со времени его дѣтства до 1821 года, содержащая подробное и вѣрное описаніе чрезвычайныхъ его злодѣяній и ужаснаго надъ поработченными народами Греціи тиранства. Сочин. Г. Пукевиля, жившаго въ Греціи съ 1806 года по настоящее время. Два тома. Съ Французскаго. М. У Селивановскаго. 1822 г.

Греція, нѣкогда опчизна Героевъ, воспитательница наукъ и искусствъ, мать многихъ мужей бессмертныхъ — попомъ оплошь Христіанства, училище благочестія, имперія вѣрныхъ — наконецъ раба нѣскольکو вѣковъ жесточайшихъ варваровъ — нынѣ низвергающая иго неволи и опважно силающаяся опшвердить свою независимость, Греція, обратившая къ себѣ случившимися, въ наше время, въ ея предѣлахъ событіями вниманіе всѣхъ и каждаго, Греція, земля классическая — есть по поприще, на которомъ дѣйствовалъ коварнѣйшій изъ людей, жесточайшій изъ всѣхъ извѣстныхъ злодѣевъ, Али,

Папа Янинской. Г. Пукевиль, ученѣйшій мужъ, другъ людей, философъ, находившись въ сей сиранѣ, въ званіи Генеральнаго Французскаго Консула, 14 лѣтъ, наблюдалъ, замѣчалъ все, доспойное бытъ описаннымъ; живописалъ оное мастерскою кистію съ напурь; выражалъ — искусно и шочно; наконецъ возвышалъ свои каршины цвѣтами ума и чувспва. Между многими чертами, изображающими сію землю, въ наспоящемъ ея положеніи, равномерно злодѣйсва и качества деспота Эпирскаго, видно нѣсколько шакихъ, кои предспавляющъ намъ неизвѣспныя причины собышій, удивлявшихъ недавно умы наблюдателей, мужей государспвенныхъ. Ипакъ главныя сей книги доспоинспва новоспъ, занимательность, досповѣрность, превосходный слогъ. — Вошъ содержаніе нѣкоторыхъ оной книги главъ: Нравы и обычаи *Турковъ* — общественные, чаешные; ихъ діэтика, суевѣріе и общеспвенное соспоянніе. — Нравы, понятія, религія и суевѣріе *Грековъ*; ихъ гостепріимспво, домашніе обычаи, дома, пища, частный характеръ, пѣсни и обыкновешія; ихъ церковь, іерархія, монастыри, храмы и доходы оныхъ. — Благодушіе Грековъ Янинскихъ. — Неправосудіе власпшесла ихъ — состояніе Греціи въ началъ прошедшаго вѣка. — Жизнь Али: отецъ его, бѣднѣйшій изъ Бевъ, разбойничаетъ; попомъ губишъ сво-

ихъ двухъ братьевъ; послѣ сего дѣлается первымъ Агою своей опчизны; женился; опъ ссоръ съ сосѣдями разоряется; умираетъ, оставивъ пятерыхъ дѣтей, въ числѣ коихъ были: Али и его сестра. — Дѣшшво Али, его свойства, и ненависть къ братьямъ, внушенная ему его матерью; характеръ сей женщины: она набираетъ всѣми средствами шайку развратныхъ людей, беспокоитъ сосѣдей и, поавшись въ плѣнъ съ дочерью и сыномъ, изъ онаго выкупаются однимъ изъ Грековъ. — Воспитаніе Али, привила, копорья матерью его были ему внушены. — Вспуивъ на 14 годъ, Али уже воруенъ, попомъ разбойничаетъ; послѣ одной неудачи плыветъ въ Негропоншъ, служитъ памошнему Сапрапу; бросивъ службу, опять разбойничаетъ и, разбогатѣвъ, является въ опчизну; попомъ еще разбойничаетъ и впадаетъ опять въ плѣнъ. — Освободившись, Али служитъ сосѣдямъ, знакомится съ знатными, беретъ за себя Дельвинскаго Паши дочь. — Сей Паша бунтуетъ пропивъ Султана; Али ободряетъ шешя, и тогда жъ доноситъ о всѣхъ его видахъ Дивану: Паша гибнетъ, его мѣсто занимаетъ Бей Аргиро-Кастронской; Али льститъ ему; отдаетъ ему свою сестру родную; Паша на ней женился. — Тутъ Али, дыша властолюбіемъ, соединивъ въ себѣ всѣ хитросности ада, покоряетъ владычеству своему городъ

Тебеленъ, въ кошоромъ рождены; умерщвляешъ зяшя, своей родной сѣспры мужа; занявшаго его мѣспю, благошворипеля своего, обносишь Дивану и, по повелѣнїю онаго, убивъ и его, дѣлаешя, въ награду за мнимую вѣрносшь, главнымъ надъ большими дорогами надзирашелемъ. — Въ семъ званїи Али, съ полчищемъ Албанцовъ, грабишь чеспныхъ людей и разбойниковъ, убиваешъ безъ счета и вскорѣ находишя въ сосшоянїи купишь у Дивана Санжакъ Яннинской съ шипломъ Паши надъ онымъ. — Новый Паша Яннинской грабишь Беевъ, ласкаешъ Албанцовъ, льспишь Грекамъ, покорспвуешъ наружно Султану, даришь щедро его Миниспровъ, берешъ на себя всѣ виды и, усмиривъ сильныхъ, обманувъ народъ, злодѣйсшвуешъ ужаснѣйшимъ образомъ. — Онъ похищаешъ округъ Коницкїй, часшь Премїнїйскаго, долину Карамушадецъ, городъ Либово и, коварнѣйшимъ образомъ отпрашивъ свойспвенника своего и умершвивъ двухъ своихъ племянниковъ, знашнѣйшихъ изъ Беевъ, — часшь Эпира; измѣняешъ Султану; уличенъ, но находишь адской способъ оправдашь себя и снова въ довѣренности; порабощаешъ Боссиградъ, овладѣваешъ Георчей, Охридой, Аршой; дружишя съ Французами; (1797) по ихъ дозволенїю, вооруживъ флошпїлю тайно, входишь внезапно въ Луковскую Бужпу, и кровь Хрисшїанская шечешъ въ Акрокеравнѣ

ручьями, и весь оной берегъ покорень имъ до Панормской приспани. Попомъ, измѣнивъ Французамъ, проходитъ Оеспрошію, беретъ Бупротъ, Превезу, Воницы; хладнокровно истребляетъ людей, ему покорившихся, и Порша чинитъ его достоинствомъ Визиря, Нельсонъ ласкаетъ, зоветь героемъ! — Тупъ Али гремитъ Сульѣповъ: какія черпы, съ его стороны коварства и люспоспи, со стороны Сульѣшовъ чудеснаго мужества! — Великодушнымъ проситъ пощады Эмина, Алиева супруга, которую злодѣй за по умершвилъ. Наконецъ и сіи великіе духомъ, малые числомъ — покорены варваромъ и, почши всѣ, замучены ужаснѣйшимъ образомъ. За сей подвигъ люспоспи Порша наградила Али щилломъ и властію Ромили-Валиси, (1802) повелѣвъ истребить разбойничьи шайки, существовавшія въ Македоніи. Онъ идетъ со вѣренной ему арміей; грабитъ города и селы, и уже передъ Филиппополемъ! Тупъ сія армія буншуенъ — по плану Дивана: новыя черпы неимовѣрнаго коварства! Избавясь, при помощи онаго, отъ явной опасности и начавъ грабить города и области смѣлѣе, Али царствуетъ въ Яннинѣ, какъ деспотъ; овладѣваетъ Акарнаніей, Эполіей, Садонемъ, Фокидой: шупъ новыя черпы ужаснѣйшей люспоспи! — Усилясь, злодѣй ссоритъ начальниковъ сосѣдственныхъ областей; вмѣшивающ-

ся въ посредство, беретъ заложниковъ и городъ Берашъ и округъ его; укрощаетъ непогодующую за то Порту дарами — изъ имѣнія, похищеннаго у оныхъ сосѣдей; его зовутъ въ Шумлу; притворяется больнымъ; плѣнникъ — коварнѣйшимъ образомъ — шепля двухъ сыновъ своихъ, пакаго жъ, какъ самъ онъ, Пашу, и овладѣваетъ управляемою имъ Музахіею. Порта, наконецъ, обременяетъ злодѣя гражданскимъ проклятіемъ; онъ бѣжитъ въ Аргаро-Кастронъ; (1813) гроза ушихаетъ; онъ оканчиваетъ покореніе себя Османамъ, поработивъ Маргарини; вскорѣ Англичане сдаютъ ему всегда независимую Христіанскую колонію, несчастную Паргу, и Али — дѣлается владыкой всего Элира, а наконецъ — опаснымъ и явнымъ врагомъ Султану.

Г. Пукевиль, описавъ всѣ сіи подробности прекрасно, также описалъ домашнюю жизнь сего жестокаго деспота.

Вся книга содержитъ 376 страницъ въ большую осьмушку; напечатана хорошими и крупными буквами на лучшей бумагѣ. Къ оной приложенъ вѣрный портретъ Сашира, вырѣзанный весьма искусно (\*).

*И. Омега.*

---

(\*) Продается въ Москвѣ въ книжныхъ лавкахъ Осипа Леонтьева Свѣшниковъ, въ бум. по 8 р., а въ С. Петербургѣ у книгопродавца Леонтія Леонтьева Свѣшниковъ.

Н А У К И.

---

О С Л У Ш А Н І И,

сочиненіе Плутарха.

---

Г Л А В А I.

Я послалъ тебѣ, Никандръ, свое сочиненіе о слушаніи, дабы научишь тебя хорошо слушать наславниковъ, такъ какъ ты вышелъ уже изъ-подъ власти надзирашелей и облекся въ одежду мужей. Ибо безначаліе, по невѣденію нѣкопорыми юношами мочипаемое свободою, пославляешь надъ ними властипшелей, не-сноснѣйшихъ, нежели училиши и пѣсшунны, въ дѣшсшѣ ихъ руководившіе; сіи властипшели сущъ, какъ бы разпоргнувшія цѣпи, вождельніа. По словамъ Иродоша, женщины, снимая съ себя одежду,

купно съ тѣмъ перяють и спыдъ: такъ и нѣкошорые юноши, оспавляя опроческое платье, переспають спыдисья и бояться, и, снявъ съ себя украшавшую ихъ одежду, вдругъ дѣлаются необузданными. Ты же, многократно слышавъ, что повиновашься разуму ешь поже, что послѣдовашь Богу, введеніе изъ опроковъ въ число мужей почиай, согласно съ здравомыслящими, не отверженіемъ начальства, но перемѣненіемъ начальника; они вмѣсто наемнаго и серебромъ покупаемаго получаютъ превосходнаго жизневодителя — разумъ, коему послѣдующіе доспойны бышь одни почиаемы свободными. Ибо они одни, научась, чего должно хопѣть, живушь, какъ хопяшь; въ невѣжеслвенныхъ же и несообразныхъ съ разумомъ спремленіяхъ и дѣяніяхъ участвуешь свобода воли не благородная и низкая, сопряженная со многимъ раскаяніемъ. Однакожь, какъ изъ записывающихся въ гражданство, иноземцы и вовсе чуждые пришельцы много порицають и съ тягостію переносятъ случающееся съ ними, а природные

жишели, будучи воспитаны и приучены къ законамъ, неспрудно и безъ ропшанія принимающъ на нихъ возлагаемое: такъ и многое время въ философіи воспитываемому и съ малолѣтства навыкшему понимать всякое ученіе и опроческое насшавленіе, смѣшанное съ философскимъ размышленіемъ, надлежитъ съ кропосшю, и какъ бы домой приходитъ въ училище философіи, которая, обогащая разумъ, одна поисшинѣ досшавляетъ юношамъ мужесшвенное и совершенное украшеніе.

## Г Л А В А 2.

Не неприяшно, думаю, шебъ послушашъ при семь о чувствѣ слушанія, которое Теофрастъ почитаетъ всѣхъ чувствъ способнѣйшимъ къ возбужденію страстей. Ибо ничшо ни видимое, ни вкушваемое, ни осязаемое не причиняетъ шакowychъ изсшущленій, смущеній и оцепенѣній, каковыя объемлютъ душу, когда удары, шрескъ и звуки слухъ поражаютъ. Однако чувство сіе болѣе содѣйствуетъ разуму, нежели спрасшямъ. Пороку мно-

гія спороны и часпи шѣла представляюшь собою входъ къ душѣ; но добродѣтели единственныиъ приемныиъ мѣстомъ служаиъ уши молодыхъ людей, если они чистиы и неиспорченны ласкашельствомъ, и съ самага начала охранены отъ развратныхъ словъ. Пошому и Ксенокрапъ велѣлъ привязываиъ наушники не сполько бойцамъ, какъ опрокамъ, поелику шѣхъ уши ударами, а сихъ нравы словами повреждаюиъся, одобряя не глухому и неслышаніе, но склоняя остерегаиъся отъ развратныхъ словъ, прежде нежели добрыя, какъ бы спражи, воспишанные философіею, займушь привычкою наиболье возбуждаемую и удобоубѣждаемую спорону опрока. По сей причинѣ и Віасъ, древній мудрецъ, Амазису, приказавшему прислать ему самую лучшую и вмѣстѣ самую худшую часпъ жерпвеннаго мяса, послалъ языкъ, какъ способный говоришь и самое вредное и самое полезное. Многіе, цѣлуя маленькихъ дѣшей, берушь ихъ за уши и веляиъ дѣлаиъ шже и имъ, намѣкая шупкою, что должно любишь наипаче шѣхъ, кои приносяиъ намъ поль-

зу посредствомъ ушей. Извѣстно, что юноша, лишаемый всякаго слушанія и не пользующійся никакими наставленіями, не только вовсе безплоденъ и неспособенъ быть добродѣтельнымъ, но обращается къ пороку, произрастая (изъ души) много дикаго, подобно невоздѣланному запущенному полю. Ибо, если кто стремленіе къ роскоши и презрѣніе прудовъ, не извнѣ и не чрезъ слова вкрадывающіяся, но какъ бы шугемные истопники тысячи сраданій и болѣзней — оставивъ въ природной ихъ необузданности, не воздѣляетъ благими наставленіями и не преобразуетъ природы: то нѣтъ звѣря, который бы не былъ крошчайшимъ такового человѣка.

### Г Л А В А 3.

Поелику же слушаніе приноситъ юношамъ великую пользу и не меньшую шого причиняетъ опасность; то не бесполезнымъ почитаю всегда, какъ съ самимъ собою, такъ и съ другими разсуждать о способѣ слушанія. Ибо мы видимъ многихъ и сіе употребляющихъ во

зло, кои упражняются въ словѣ прежде, нежели привыкнутьъ слушать, и рѣчь почитаютъ пребующею знанія и размысленія, а о слушаніи думаютъ, будто можно пользоваться имъ какъ вибудь. Игра въ мячъ пребуешь знанія какъ въ киданіи, такъ и въ приниманіи онаго; но въ употребленіи слова должно прежде хорошо приниматьъ, нежели выпускашь оное, такъ какъ младенецъ прежде зачинается и находится въ утробѣ, а потомъ рождается. Сказываютъ, что когда у птицъ лица бывають пусты и птицы несутъ ихъ съ болью: то зародыши бывають несовершенные и мертвые; у юношей же, не умѣющихъ слушать и не навѣвшихъ пользоваться слушаніемъ, исходящее слово, поистинѣ пустое, *одъ безславіи и невѣденіи исгвааетъ подъ облаками* (\*). Сосуды для приѣма наливаемого наклоняють и вдругъ оборачиваютъ вверхъ, дабы подлинно совершилось вліаніе, а не изліаніе; но—приспособлять себя къ говорящему и сопрягать со слушаніемъ вниманіе, дабы

(\*) *Ἀκλειῆς, αἰὲθλος ὑπαὶ νεφέρῃσι σκεδάθη.*

ничто не поперялось изъ говоримаго на пользу, не спараюся. Но (что всего смѣшнѣе), если кого услышатъ разсказывающаго о вечеринкѣ, о поржеспвѣ, сновидѣнїи или ссорѣ, случившейся у него съ кѣмъ либо: то слушающъ его съ глубокимъ вниманїемъ; если же кто, пригласивъ ихъ къ себѣ, спанетъ учить ихъ чему нибудь полезному, или склоняетъ къ исполненїю обязанностей, или увѣщеваетъ въ пропускахъ, или внушаетъ кропоспъ, когда они ожеспочапся: то сего не терпятъ, а ежели могутъ, съ высокоумїемъ почиая себя высшими, вооружаюся противъ рѣчи, или же прибѣгаютъ къ другимъ рѣчамъ и припомъ пущымъ, подобно дурнымъ и гнилымъ сосудамъ, наполняя уши всѣмъ, кромѣ нужнаго. Хорошо воспитывающїе лошадей приучаютъ ихъ повиноваться уздѣ, предспавляя имъ, что дѣла должны привыкать къ наспавленїю, учась много слушатъ, а говорятъ мало. Спинеаръ, похваля Эпаминонда, сказалъ, что онъ никого не знаетъ, кто бы свѣдущъ былъ больше его, а говорилъ меньше; да и природа каждо-

му изъ насъ даровала два уха, а языкъ одинъ, какъ говоряшь, для шого, дабы мы меньше говорили, нежели слушали.

#### Г Л А В А 4.

И такъ молчаніе вездѣ служить молодому человѣку надежнымъ украшеніемъ, а особливо, когда, слушая другаго, не приходишь онъ въ замѣшательство и не кричишь при каждомъ случаѣ, но, хотя бы рѣчь была и не весьма пріятна, удерживаешься и ожидаешь ея окончанія, послѣ чего не вдругъ прошиворѣчишь, но (какъ говоришь Эхинъ) пропускаешь время, не захочешь ли говорившій прибавишь что, или перемѣнишь, или убавишь изъ сказаннаго имъ. Оспражающіе вдругъ, не слушая и не слушаемы, но говоря прошивъ говорящихъ, поступаютъ безстыдно. Привыкшій слушать терпѣливо и со стыдомъ полезную рѣчь приемлешь и удерживаешь, бесполезную же или ложную болѣе разсмаприваешь и различаешь, являя себя испинолюбивымъ, а не любоспорнымъ, дерзкимъ и сварливымъ. По сему нехудо нѣкоторые гово-

рашь, что желающіе внушитьъ юношамъ  
 что либо полезное должны изгоняшъ изъ  
 нихъ духъ высокоумія и гордосши бо-  
 лѣе, нежели изъ мѣховъ воздухъ; иначе,  
 исполнясь напыщенія и надменности,  
 они дѣлаются неприсупными. И такъ  
 зависть со злословіемъ и недоброхот-  
 ствомъ, ни въ какомъ дѣлѣ не принося  
 пользы, но во всѣхъ добрыхъ препяш-  
 ствуя, весьма худая слушающему сосѣд-  
 ка и совѣтница, дѣлая полезное неснос-  
 нымъ, и неприятнымъ, потому что за-  
 висшники скорѣе находяшъ удовольствіе  
 во всякой другой вещи, нежели въ  
 томъ, что хорошо говоритсѧ. Да и тотъ,  
 кого снѣдаютъ богатство, слава и кра-  
 сопа чуждая, естъ только зависливъ  
 (поелику спенаеть, видя другихъ счасп-  
 ливыми); негодующій же на рѣчь, хорошо  
 сказываемую, досадуешь на собственное  
 свое благо. Ибо, какъ свѣшь естъ благо ви-  
 дящихъ, такъ и слово слушающихъ, еже-  
 ли возжелають принять оное. Зависть къ  
 другимъ предметамъ производитъ дру-  
 гія нѣкоторыя невѣжественныя и худыя  
 разположенія; зависть же къ говорящимъ,

опть безвременнаго любославія и несправедливаго любочеспія произходящая, одержимому ею не позволяешъ даже вниманіе сказываемому, но смущаешъ и развлекаешъ мысль, которая обозрѣваетъ вмѣстѣ какъ собственную свою способность, не побѣждается ли способностію говорящаго, такъ и взираешъ на другихъ, занимающихся ли рѣчью и удивляются ли оной, поражаетъ похвалами, и ожесточаетъ на присуществующихъ, если сіи похваляютъ говорящаго; изъ словъ же сказанныхъ оставляетъ и проходитъ, пощому что воспоминаніе оныхъ печаливаетъ его, а опть словъ послѣдующихъ смущается и содрогается, дабы не были лучшими сказанныхъ прежде, и заботишся, чтобы какъ можно скорѣе переспали говоришъ, когда говоряшъ прекрасно; по окончаніи же слушанія не оставиваетъ ни на чемъ изъ сказаннаго, но взвѣшиваетъ голоса и расположенія присутствующихъ; и хвалящихъ какъ бы бѣшеная убѣгаетъ и опть нихъ опскакиваетъ, а прибѣгаетъ и соединяется съ оуждающими и опровергающими сказанное; если же никакъ

оного не опровергаешь, но приводишь на память кого либо изъ младшихъ, какъ бы лучше и сильнѣе сказавшихъ о томъ же предметѣ, доколѣ не сдѣлаешь слушаніе вовсе бесполезнымъ для себя, опорочивъ и обративъ оное въ посмѣяніе. И шакъ примирившему охоту къ слушанію съ любославіемъ должно благосклонно и съ кротостію слушанъ говорящаго такъ, какъ бы онъ приглашенъ былъ на священный пиръ и къ начашкамъ жершвеннымъ, похваляя то, въ чемъ находишь силу, и благоволя къ самой готовносши всѣмъ опкрывающаго знаемое имъ и убѣждающаго другихъ тѣмъ, чѣмъ самъ былъ убѣжденъ.

#### Г Л А В А 5.

Изъ сего слѣдуетъ заключить, что хорошо говорящіе достигаютъ сего не случайно и безопасно, но прилѣжаніемъ, шрудомъ и ученіемъ, чему должно и подрашанъ, удивляясь и соревнуя имъ: опгрѣшающихъ же надобно разсуждашъ, по какимъ причинамъ и опкуда произошло усшраненіе къ заблужденію. Ибо какъ, по словамъ Ксенофонша, домоправители получаютъ выгоды и опъ друзей и опъ не-

пріятелей: равнымъ образомъ бодрствую-  
 ющимъ и внимающимъ приносятъ поль-  
 зу не только хорошо, но и худо говоря-  
 щіе. Скюдосъ мысли, пустоша слова,  
 дерзкое кривлянье, наглое спремленіе къ  
 пріобрѣтенію похвалы, и тому подобное,  
 болѣе примѣшно слушающимъ, нежели  
 самимъ говорящимъ. Посему, надобно опъ  
 говорящаго переносишь примѣчаніе на  
 самихъ себя и разсуждаешь, не сдѣлали ли  
 бы и мы подобныхъ погрѣшностей. Все-  
 го легче порицаешь ближняго; таковыя  
 поступки тщешны и бесполезны, ежели  
 не клоняся къ исправленію и предосте-  
 реженію опъ погрѣшностей. При видѣ  
 погрѣшающихъ никогда не надобно прене-  
 брегашь спрашивашь у самихъ себя, по  
 примѣру Платона: не шаковъ ли и я? Ибо  
 какъ въ очахъ другихъ видимъ опсвѣтъ  
 своихъ очей; шакъ и въ рѣчахъ своихъ на-  
 добно смопрѣпсья, какъ бы въ изобра-  
 женіи, въ рѣчахъ чужихъ, дабы дерзко не  
 презираешь другихъ, и прилѣжиѣе вни-  
 машь самимъ себя, когда говоримъ. Полез-  
 но къ сему ишо сравненіе, когда мы, воз-  
 вращаясь опъ слушанія домой, и привя-  
 завшись къ чему нибудь, по мнѣнію наше-

му, нехорошо и недоспапочно сказанному, принимаемъ за то сами и выспавляемъ себя, стараясь иное какъ бы дополнишь, другое исправить, иное выразишь иначе, другое снова передѣлать, такъ какъ Платонъ поступилъ съ рѣчью Лисія. Сказанному слову прошиворѣчишь не шрудно, напрошивъ весьма легко; но—предсхавишь вмѣсто онаго лучшее, подлинно зашруднишельно. По сейто причинѣ извѣстный Лакедемонянинъ, услышавъ, что Филиппъ раззорилъ Олинѣ, сказалъ: но выпроишь шакаго города онъ не могъ бы. И такъ, когда мы окажемся немного опшличающимися опъ говорившихъ объ одномъ съ нами предметѣ; но презрѣнїе наше къ нимъ гораздо убавишя и самолюбивая дерзоспъ весьма скоро уменьшишя, обличаемая шаковыми прошивоположенїями. Удивленїе, прошивно будучи презрѣнїю, благомысленнѣе и кропчайшаго свойспва, нежели сіе послѣднее; однако и оное шребуешъ не малой оспорожности, и еще, можешъ бышъ, большей, потому что презорчивые и дерзкіе менѣе пользующшя опъ говорящихъ, а склонные къ удивленїю и чуждые зло-

бы больше терпящъ вреда. Ираклипа не укоряющъ въ сказанномъ имъ: „подлый челоуѣкъ любилъ поражаться всякимъ словомъ.“ Надобно чиспосердечно приписывашъ похвалу говорящимъ, но словамъ довѣрять съ оспорожноспію; выраженія и произношенія любипелей слова бытъ благосклоннымъ и проснымъ зрипелемъ, а надобноспи и испины сказываемаго бытъ почнымъ и спрогимъ изыскапелемъ, дабы слушающіе не ненавидѣли, а говорящіе не вредили; поелику благоволеніемъ и довѣріемъ къ говорящимъ много получаемъ ложныхъ и худыхъ мнѣній. Для сего-шо начальники Лакедемонянъ, испыпавъ мнѣніе какаго либо не хорошо жившаго мужа, приказывали пересказать оное другому, извѣспному доброю жизнью и нравами, весьма основательно и вѣжливо пріучая народъ руководспвовашъ больше нравами, нежели словами совѣпующихъ. Произносимыя же рѣчи въ философіи надобно изслѣдовашъ опдѣльно отъ славы говорящаго оныя; ибо какъ на войнѣ, пакъ и въ слушаніи, много бываетъ пущаго. Сѣдина говоря-

цаго, швлодвиженія, брови, высшавленіе себя, особливо крики, смяпенія и попанія присушспвующихъ совокупно поражаютъ новаго и неопышнаго слушащеля, какъ бы спремленіемъ рѣки увлекаемаго. И слово имѣеть нѣчто обольщающее, когда оно пріяпно, обильно и съ нѣкоторою важностію и нарядомъ примѣняется къ предметамъ. Ибо какъ многіе недоспапки поющихъ подъ свирѣль укрываются ошъ слушащелей: шакъ и изобильное и величешвенное слово, ослѣпляя слушащеля своимъ блескомъ, дѣлаеть его неспособнымъ видѣть означаемое онымъ. Меланѳій, какъ говорящъ, спрошенъ будучи о шрагедіи Діогеновой, опозвался не видѣвшимъ ея, пошому что она помрачена была словами. Разсужденія и сочиненія многихъ софистовъ не только употребляютъ имена какъ бы паруса мыслей, но и, подслащая, шакъ сказащъ, голось какими-шо приманками, нѣжностями и напѣвами, приводящъ въ восхищеніе и увлекають слушающихъ, досшавляя имъ пустое удовольствіе, и пріобрѣщая за шо славу, еще того пустѣй-

шую. Съ ними бываешъ по, что сказа-  
во Діонисіемъ. Онъ, какъ говоряшъ, объ-  
щаль одному пѣвцу — гуслисту, съ по-  
хвалою принятому на позорищѣ, какіе-то  
большіе подарки, но послѣ не далъ ниче-  
го, какъ бы уже возблагодаривъ ему, ибо  
сколько времени, сказавъ, шы забавлялъ  
пѣніемъ, столько времени чувствовалъ  
удовольствіе отъ надежды. Точно тако-  
вую награду доставляютъ говорящимъ  
слушанія. Удивляются долѣ, пока до-  
спавляютъ удовольствіе; попомъ, коль  
скоро пройдетъ удовольствіе слушанія, и  
слава ихъ оставяешъ, и щещно тѣ  
время, а сіи жизнь попрашили.

## Г Л А В А 6.

По сему надобно, оставивъ обиліе и  
пустошу рѣчи, искашь самага плода; под-  
ражая не сплетательницамъ вѣнковъ, но  
пчеламъ. Первыя, заботясь о цвѣтвыхъ  
и благовонныхъ листьяхъ, собирають и  
сплетаютъ хотя пріятную, но однодне-  
вную и безплодную работу; послѣднія же,  
часто летая по лугамъ, исполненнымъ  
фіалокъ, розъ и гіацинтовъ, стремящя

къ колкому и кислому шимьяну, садящя на немъ, заботясь о желпомъ медѣ и, доспавъ что либо полезное, улепашють къ домашней работѣ. Такъ и любознапельный и благоразумный слушатель цвѣтныя и роскошныя слова, равно и дѣйствія приличныя шеашру и шоржеспвеннымъ собраніямъ, долженъ оставляшь, починая оныя пищею пустословныхъ шмелей, а, углубляясь въ смыслъ рѣчи и намѣреніе говорящаго, извлекашь изъ нея полезное и нужное, помня, что не въ шеашрѣ или одеумѣ, но въ школу, въ училище пришелъ, для полученія изъ рѣчи наставленія. Судись о слушаніи надобно по себѣ и еобспвенному своему разпбложенію, размышляя, укрощена ли имъ какая изъ спраспей, облегчено ли какое запрудненіе, возбуждена ли смѣлость, швердосшь души, или къ чеспности и добру необыкновенное спремленіе. Не прилично изъ бришовни вышедшему спановишься передъ зеркало и хватать за голову, чтобъ осмошрѣшь, какъ обрѣзаны волосы и судись о разноспи сприжки: равнымъ образомъ и вышедшему изъ

школы не вдругъ должно сморѣль на себя, но удостовѣришься въ душѣ, оставила ли она смущенія и излишнія помышленія и учинилась ли легчайшею и спокойнѣйшею. Ариспонъ говоришь, что имѣшь пользы ни въ банѣ, ни въ словѣ не очищающемъ. И пакъ юноша долженъ радоваться, получая изъ рѣчей пользу; не надобно имѣшь цѣлю пріятности слушанія, и думать, что изъ училища философа надлежишь выходить съ пѣниемъ и веселымъ духомъ, или неумощенному и неопрысканному духами просить объ умощеніи; но благодарить, если кто строго рѣчью, какъ дымомъ улей, очистишь мысль, исполненную мрака и невѣжества. Ибо, хопя говорящимъ прилично невовсе пренебрегать рѣчью пріятною и убѣдительною; однако не должно заботиться о томъ юношѣ, а особливо сначала; но послѣ. Какъ пьющіе разсмапривають рѣзбу кубковъ и обращивають ихъ по уполеніи жажды: пакъ и исполненному наспавленій, надобно дашь время, чшобы онъ могъ судить, еспь ли что въ рѣчи изящное и осо-

бенное. Кто же сначала не углубляется въ предметы, но ищетъ апшической и тонкой рѣчи; пошь подобень не хотящему пить лѣкарства, если сосудъ не изъ Коладской земли, или надѣвать зимою теплую одежду, если она не изъ шерсти овецъ Апшическихъ; но какъ бы въ тонкой и мягкой епанчѣ Лизійскаго слова сидитъ безъ дѣйствія и движенія. Сии болѣзни причиною великой пусшопы ума и здравомыслія, многихъ шонкихъ насмѣшекъ и болшливосши; каковыя въ школахъ замѣчаемъ у молодыхъ людей, не уважающихъ ни жизни, ни дѣяній, ни мѣста, занимаемаго въ обществѣ мужемъ любомудрымъ, но почитающихъ достойными похвалы только слова и рѣчи и хорошее произношеніе, полезно ли произносимое; или бесполезно, нужно ли, или излишне, не понимающихъ, и не желающихъ по изслѣдовашь.

## Г Л А В А 7.

За симъ слѣдуетъ наставленіе о дѣланіи приличныхъ вопросовъ. — Приходящій на ужинъ долженъ довольствовашь.

\*

ся предлагаемымъ, и ничего другаго не требовашь и предложеннаго не оуждашъ; такъ и приходящій на пирь словесный, если къ тому приглашенъ, да слушаетъ говорящаго безмолвно. Ибо отвлекающіе къ другому предмету, предлагающіе вопросы или сомнѣнія, будучи непріятны и неудобопреклонны къ слушанію, никакой пользы ошъ шого не получаютъ, а между шѣмъ и говорящаго и самую рѣчь приводяшъ въ замѣшательство. Когда же говорящій велишъ слушающимъ о чемъ предложитъ и спроситъ, шо всегда надобно предлагашъ полезное и нужное. Улиссъ осмѣиваенся женихами:

*Просящій куска хлѣба, а не легкой или жаровенъ (\*).*

Великодушія знакомъ почитаемо было давашъ чшо либо великое, равно и проситъ шаковое. Тѣмъ болѣе достоинъ осмѣянія шакой слушатель, который бы побудилъ разговаривающаго къ мѣлкимъ и маловажнымъ предложеніямъ; какъ, напримеръ, вѣкошорые изъ молодыхъ шулуновъ, выславляя себя діалектиками и

(\*) *Αιτίζων ἀκόλουσ, οὐκ αὐρασ, οὐδ' ἄλσ-βήτασ.*

математиками, обыкновенно предлагаюшь вопросы о сѣченіи безконечныхъ и о томъ, какое движеніе бываетъ по боку и по діаметру. Имъ можно бы отвѣчать по, что Филопимомъ сказано было гніющему и чахотному человѣку. Когда сей попросилъ у него лѣкарства отъ заусеницы, то Филопимъ, узнавъ о соспояніи болѣзни изъ цвѣта и дыханія больного, сказалъ ему: не о заусеницѣ, другой мой, говоришь тебѣ слѣдовало бы. Равнымъ образомъ и тебѣ, о юноша, не время разсуждать о таковыхъ предметахъ; но слѣдовало бы заботиться о томъ, какъ бы, освободясь отъ напыщенія и щеславія, волокитства и вѣтренности, приучить себя къ жизни непышной и здоровой. Надобно предлагашъ вопросы, примѣняясь къ свѣденіямъ и естественной силѣ говорящаго, въ чемъ онъ превосходитъ, и того, кто весьма хорошо разсуждаетъ о нравственныхъ предметахъ, не приводишь въ затрудненіе физическими и математическими сомнѣніями; а того, кто опличается физическими познаніями, не вовлекаешь въ разсужденія о сое-

диненныхъ и рѣшенія неизъяснимыхъ. Кто ключемъ хочеть колошь дрова, а шпоромъ отворяшь дверь; тошь не орудія сіи обижаешь, но самъ себя обманываешь въ упошребленіи оныхъ по ихъ силѣ: пакъ и шѣ, кои ошь говорящаго шребуюшь того, къ чему онъ не рожденъ, или въ чемъ не упражнялся, а чшо онъ имѣешь и даешь, шого ошь него не приємлюшь, не шокмо ошь шого получаюшь вредъ, но и подвергаюшься злонравію и недоброхотству. Надобно шакже осшерегаться о многомъ и часшо спрашивать; ибо и сіе доказываетъ какое-шо хвасшество. Слушашъ ошоно другаго чшо либо предлагающаго ешь знакъ любознательнаго и вѣжливаго, развѣ шолько, когда смущаешь и побуждаешь собшвенная спрашь, шребующая укрощенія, или болѣзнь—врачеванія. Даже незнаше скрывать не прилично, какъ говоришь Ираклишь, но надобно обнаруживать его и врачевать. Если же возмущаешь помышленіе гнѣвъ какой, или наглосшь суевѣрія, или сильная вражда съ домашними, или нешшовое вождельніе

любви, движущее струны сердца, прежде бывшія неподвижными (\*); по не надобно убѣгать къ другимъ рѣчамъ, понося обличеніе, но слушать о нихъ сосязанія, и послѣ сосязаній ходишь къ философамъ частно вновь и болѣе разсуждаешь, а не напрошивъ, какъ многіе радуясь и удивляясь, когда философы разговариваютъ о другихъ; если же, оставя другихъ, философъ спанетъ съ ними самими особо разсуждаешь о томъ, что до нихъ касается, и увѣщеваешь ихъ: по онъ дѣлается для нихъ пропивнымъ и безпокойнымъ. Они думаютъ, что философовъ должно слушать въ училищахъ такъ, какъ прагиковъ въ театрахъ; въ спороннихъ же дѣлахъ почишаютъ себя ни чѣмъ ошъ нихъ неразличными. Въ отношеніи къ софиспамъ, они по справедливости такъ поспуають; ибо сіи, вспавши съ сѣдалица и опложивъ книги и наспавленія въ важныхъ случаяхъ жизни, кажутся въ народѣ мѣлочными и подручными другимъ; но объ испинныхъ философахъ не знаютъ они,

(\*) *Κινούσα χορδάς, τὰς ἀκινήτους φρενῶν.*

Сшихъ неизвѣстнаго Поэта.

что и важность, и шушки, и мановеніе, и улыбка, и суровой взглядъ ихъ, наипаче же особо обращенное къ кому либо слово, приносящъ нѣкоторую пользу шѣмъ, которые навыкли перцѣнью и вниманію.

### Г Л А В А 8.

И долгъ похвалы пребуешь нѣкоторой оспорожности и умѣренности, пошому что ни недоспашокъ ни излишесило въ ней не должны бытъ произвольны. Тягоспепень и несноеень слушашель нечувспвипительный и спрогій ко всему шому, что говорится, исполненный сокровенной надменности и внушреннаго самолюбія, колпорый, какъ бы имѣя сказашъ нѣчто лучшее шого, что говорився, не деигаетъ по приличію бровями и не произноситъ голоса, свидѣшельшвующаго о благосклонномъ слушаніи, но молчаніемъ и пришворною важностію спарается снискашъ славу поспояннаго и глубокомысленнаго мужа, думая, что у него ошнимающъ какъ бы сполько денегъ, сколько онъ другому воздаешъ похвалъ. Многие худо и въ другомъ смыслѣ понимающъ слова Платона. Онъ сказашъ,

что философією приобрѣлъ навѣкъ ниче-  
 му не удивляшься; а сіи, поставляя, что  
 никого не хвалишь и не почитаешь зна-  
 чить презирать, преслѣдуютъ презрѣні-  
 емъ и достойное уваженія. Разумъ фило-  
 софскій познаніемъ и изложеніемъ при-  
 чины произшествій или дѣйствій изъем-  
 леть удивленіе и изумленіе, производи-  
 мое сомнѣніемъ и невѣжествомъ; но бла-  
 госклонности, великодушія и человеко-  
 любія не испребрѣаетъ. Прекрасная честь  
 для дѣйствительно и поистинѣ добрыхъ  
 воздавать честь достойнымъ оной, и бла-  
 голѣпнѣйшее украшеніе — украшать дру-  
 гихъ, что дѣлаютъ при изобиліи собствен-  
 ной славы и беззависно; бережливые же  
 на похвалы другимъ кажутся еще бѣд-  
 ными и алчущими похвалъ самимъ себѣ.  
 Но и симъ прошивной, ничего неразсуж-  
 дающій, а при каждомъ словѣ, при каж-  
 домъ складѣ вспающій и кричащій, лег-  
 комысленный и въпренный человекъ ча-  
 сто не нравится даже и соспязующимъ-  
 ся, и всегда досаждаешь слушателямъ,  
 возбуждая, прошивъ желанія, и какъ бы  
 насильно со спыда увлекающая бышь своимъ

откликомъ, безъ всякой впрочемъ для себя пользы; ибо, какъ слушаніе возмущаемо было имъ похвалами, то онъ оказывается наконецъ однимъ изъ шрехъ: насмѣшникомъ, льстецомъ или негодьяемъ. Разбирающаго ссору надобно слушать, не имѣя въ виду ни вражды какой, ни милости, но одну искреннюю справедливоспъ; въ слушаніяхъ же любословныхъ не возбраняешь намъ ни законъ, ни клятва съ благосклонноспію внимаешь разсуждающему. Древніе поспавили Эрмія близъ Харипъ для того, что слову весьма свойственна пріятноспъ и ласковоспъ. Нельзя думаешь, чтобы вовсе могъ быть ошрпнуть говорящій и былъ бы шакъ разсшроень, чтобы не могъ произнести ни одной мысли, похвалы достпойной, ни напоминанія о другихъ, ниже самаго содержанія и выбора слова, ни даже одного слова или разположенія того, что говоришся.

*Подобно какъ между терніемъ и волтуцали иногда растутъ нѣжніе левкои (\*)*

- (\*) Ὡς ἀν' ἐχίνου ποδάσ και ἀνὰ τρηχῆϊαν  
 οὐωνιν (1),  
 Ἴνα φύονται μαλακῶν ἀνθεα λευκοίων.  
 (1) Οὐωνίς нынѣ на Руской языкѣ бошави-

Если нѣкопорые, выхваляя рвѣну, лихорадку, и даже горшки, не лишаются одобренія: по не ужели рѣчь, сочиненная нѣкопорымъ образомъ кажущимся или называющимся философомъ, вовсе не предспавишь благосклоннымъ и челоуѣколюбивымъ слушапелямъ опдохновенія и случая къ похвалѣ? Всѣ находящїеся въ цѣвшущемъ возрастѣ, какъ говорипть Платонъ, нѣкопорымъ образомъ грызущь влюбчиваго; и бѣлыхъ называешть онъ божьими сынами, черныхъ мужеспвенными, имѣющаго носъ покляпой царскимъ, курносаго милымъ, а блѣднаго, называя медоцвѣшнымъ, цѣлуешть и любипть. Любовь, подобно плюцу, ко всему прицепляешся. Тѣмъ паче любящїй слушашть и учипсья всегда можешть найпи причину, по кошорой не безприличнымъ покажешсь похвалишь каждаго изъ говорящихъ. Такъ Платонъ, не похваляя Лизїева слова въ изобрѣшенїи и обвиняя въ безпорядкѣ, хвалишь однакожь его, и шо, что въ немъ каждое рѣченїе ясно и кругло

---

ками переводипсья *Стальникѣ*.

выпечено. Пускай оуждають содержаніе въ Архилохѣ, стихосложеніе въ Парменидѣ, мѣлкоспѣ въ Фокилдѣ, говорливость въ Эврипидѣ, неровность въ Софоклѣ. Такимъ образомъ и между ораторами иной въ рѣчи своей не имѣетъ нравовъ (*ἦθος*), другой неспособенъ возбуждать спраспей (*παῖθος*), шрепій скуденъ въ пріятностяхъ; однакожь каждый похваляется по какой нибудь ему одному свойственной силѣ, копорю онъ обыкновенно движеть и дѣйствуетъ, такъ что и слушающіе имѣютъ обильные способы бытъ снисходительными къ говорящимъ. Для иныхъ, если не хотимъ голосомъ засвидѣтельствовать одобренія, доспапочно показать кропкой взглядъ, свѣпное лице, и благосклонное и веселое разположеніе. При всякомъ же слушаніи вообще, даже хопя бы кто и несчастливъ былъ въ рѣчахъ, должно сидѣть не въ надменномъ положеніи, не склонясь, не въ прямомъ видѣ, смопрѣвъ на самага говорящаго, казаться прильжно внимающимъ; лице имѣть ясное, не изъявляющее не полько высокомѣрія или

утрюмоси, но и другихъ заняшій и развлеченія. Ибо во всякомъ дѣлѣ хорошее, какъ бы изъ многихъ частей въ одно цѣлое спекающихся, совершается какимъ-то согласіемъ и соразмѣрностію, а худое вдругъ поражается опъ недоспашка одного чего либо маловажнаго, или опъ присущствія чего ни ешь неприличнаго. По сему, во время слушанія, не только нахмуренныя брови, непріятное лице, бродящія взоры, сгибаніе плѣла, непристойное перемѣненіе бедръ, но и миганіе, шопопъ съ другимъ, усмѣшки, сонливыя званія, пошупленное лице, и все подобное сему, доспойны порицанія и должны быть избѣгаемы. Нѣкоторые заботяшся о говорящемъ, а о слушающемъ нимало; опъ перваго шребуютъ, чтобы онъ приходилъ пригошоваясь и понадумавшисъ, сами же безъ разбору, какъ ни попало, садяшся въ собраніяхъ, приходя совершенно шакъ, какъ бы на ужинъ, оставляя другимъ для ихъ удовольствія шрудисъся. Но и гости вѣжливые не безъ обязанности, шѣмъ паче слушатель. Въ словѣ участвуешь и шопрудникъ говоряща-

го, и не долженъ недоспапки его изслѣ-  
 довать строго, пр износя судъ на рѣчи и  
 дѣла, а самъ, будучи свободенъ ошъ суда,  
 безчинствовать и дурачиться во время  
 слушанія. Какъ въ игрѣ въ мячъ долженъ  
 бросающій его сообразовать свое движе-  
 ніе съ принимающимъ оной, такъ и въ  
 рѣчахъ есть нѣкоторая стройность ме-  
 жду говорящимъ и слушающимъ, если  
 каждой изъ нихъ соблюдетъ ему прилич-  
 ное. И языкъ похвалы не должно упо-  
 треблять безъ разбору. Ибо не пріятенъ  
 и Эпикуръ въ письмахъ друзей, говоря,  
 что они производятъ шумъ рукоплеска-  
 нія. Кто вводитъ въ собранія неупо-  
 требительныя слова, боговдохновенно и  
 для другихъ неудобосравнимо восклицая,  
 какъ бы уже шѣ знаки похвалъ, кошо-  
 рые употребляли Платонъ, Сократъ и  
 Иперидъ, недоспапочно были по красо-  
 тѣ, мудрости и истинѣ, шомъ слиш-  
 комъ неприсшойно поступаешь и кле-  
 вецешь на говорящихъ, яко бы они пре-  
 буютъ высокоумныхъ и излишнихъ по-  
 хвалъ. Несносны и шѣ, копорые, какъ бы  
 на судилищѣ, съ кляпвою приводятъ сви-

дѣшельства; не меньше ихъ и тѣ, ко-  
 рые нарушающъ приличіе, когда филосо-  
 фу кричашъ: *сильно*, старику: *замысло-*  
*вато*, *цвѣтно*, перенося къ философамъ  
 слова играющихъ и ласкающихъ въ школь-  
 ныхъ рѣчахъ, и къ рѣчи презвой примѣ-  
 няя похвалу любовную, какъ бы на ра-  
 шоборца надѣвая не лавровой или мас-  
 личной вѣнокъ, но розовой или изъ лилій  
 сплешенной. Спихопворецъ Эврипидъ, у-  
 видѣвъ кого-шо смѣяшагося въ шо вре-  
 мя, какъ онъ дикшовавъ хору спихи,  
 подъ гармонію сдѣланные, сказалъ: если  
 бы ты не былъ безчувственъ и без-  
 спрашенъ, то не спалъ бы смѣяться на-  
 до мною въ шо время, какъ я пою уныв-  
 но. Но философъ и полишикъ, думаю,  
 укрошилъ бы приходъ вышедшаго изъ  
 границъ слушателя, сказавъ: ты миѣ ка-  
 жешься безумнымъ и необузданнымъ. И-  
 наче не спалъ бы ты припѣвать или  
 привскакивать, когда я поучаю, увѣще-  
 ваю, рассуждаю о богахъ, о государствѣ  
 или о власти. Поиспинѣ предспавъ се-  
 бѣ, какво для бесѣдующаго философа,  
 когда внѣ находящіеся слушатели по той

причинѣ. что находящіеся внутри мѣста собранія кричатъ и шумяшь, недоумѣваюшь, кто шакой похваляенся, въ трубу ли играющій, или бряцающій на гусяхъ, или пляшущій.

## Г Л А В А 9.

Впрочемъ увѣщанія и выговоры должно слушашь ни безпечально, ни съ робостію. Кто равнодушно и небрежно переносишь, когда и философы укоряюшь его, шакъ что, уличаемъ будучи, смѣенся и хвалишь уличающихъ, подобно какъ чужехлѣбь кормящихъ ихъ, когда сіи ругаюшь ихъ; толь нехорошее и неистинное представляешь доказательство мужества, — безстыдство, хотя бы онъ былъ совершенно дерзокъ и свирѣпъ. Безобидную насмѣшку, въ шутку сказанную, переносить безъ оскорбленія и съ веселостію не неблагородно, но значить благовоспитаніе и великодушіе; когда же наставленіе и увѣщаніе къ исправленію нравовъ употребляетъ обличающее слово, какъ ѣдкое лѣкарство, и кто либо слушаешь оное не съ покорностію, не съ со-

Ирясеніемъ и горящимъ опъ спыда ду-  
хомъ, но неподвижно, и съ насмѣшливымъ  
видомъ; шо это знакъ весьма неблагород-  
наго и къ спыду непреклоннаго юноши  
по привычкѣ и безпреспанному пребы-  
ванію въ грѣхахъ, какъ въ затвердѣломъ  
и мозолистомъ шѣлѣ, шакъ въ ду-  
шѣ, рубца не принимающаго. Юноши, и-  
мѣющіе прошивное расположеніе духа, ес-  
ли единожды когда либо худо слушали,  
бѣгутъ изъ училища философіи, не обра-  
чиваясь назадъ и іперяютъ спыдливоспъ,  
опъ природы дарованную, сіе благое на-  
чало ко спасенію, не терпя обличеній и  
не приемля великодушно исправленій, но  
обращая уши къ нѣжнымъ и приманчи-  
вымъ бесѣдамъ какихъ либо льспецовъ  
и софистовъ, напѣвающихъ бесполезныя,  
но пріяшныя слова. Какъ убѣгающій опъ  
лѣкаря послѣ разрѣза и не допускающій  
перевязки, причиняющее боль принялъ, а  
полезнаго въ излѣченіи не перенесъ: шакъ  
и не допускающій уязвляющему слову  
обвязашъ и изцѣлишъ невѣжество ушелъ  
изъ школы философіи съ бодью и уязвле-

ніемъ безъ всякой для себя пользы. Ибо не только рана Телефа

*Вратцется опилками копя, его поразившаго (\*),*

но и нанесенную благонравнымъ юношамъ философією рану по самое слово изцѣляемъ, которое оную причинило. По сему, обличаемый долженъ нѣсколько снрадашь и шерпѣшь угрызенія, но не сокрушаешься и не унывашъ духомъ, но, какъ бы въ таинственномъ посвященіи въ философію, по перенесеніи первыхъ очищеній и ужасовъ, надѣяшься чего-то сладостнаго и свѣтлаго отъ присущей досады и смущенія. Хотя бы выговоръ и несправедливымъ казался, хорошо однакожь шерпѣшь и дожидашься говорящаго до конца его рѣчи, когда же онъ перестанеть говорить, обратишься къ нему съ оправданіемъ себя, прося, чпобы онъ сію смѣлосшь и жарь, съ каковымъ нынѣ онъ прошивъ него говорилъ, сберегъ на шопъ разь, когда онъ дѣйствительно будешь въ чемъ виновашъ.

---

(\*) *Πρῖνοισι λόγῃης θέλυσται δίνηλασι*

## Г Л А В А 10.

Сверхъ того какъ въ изученіи буквѣ, игры на лирѣ и борьбы, самыя начала ученія много имѣющъ заботъ, труда и неясности; кошомъ мало по малу большая привычка и знакомство, подобно сводимому нами съ людьми, все дѣлаетъ сручнымъ и удобнымъ въ сказываніи и производствѣ на дѣлѣ: равнымъ образомъ и въ философіи, поелику она имѣетъ что-то весьма сухое и необычайное въ первыхъ словахъ и вещахъ, не надобно, испугавшись началъ, боясь какъ бы всякаго шороха, и съ трусостию оставляя ея, но, испытуя каждый предметъ, наступая и проникая въ даль, ожидаешь навыка, дѣлающаго все хорошее пріятнымъ. Онъ не замедлитъ принести наукѣ свѣтъ великій, и вложитъ сильную любовь къ добродѣтели, безъ коея несчастливо и боязненно провождаешь будешь ошашокъ жизни, кто по безопасности лишится философіи. Можетъ быть, и самыя вещи въ началѣ имѣющъ нѣчто неудобопонятное для неопытныхъ и молодыхъ людей;

но въ величайшую неясность и незнаніе  
 впадаютъ они сами собою, заблуждаясь  
 въ шомъ же по прошивнымъ своимъ склон-  
 носнямъ. Ибо одни изъ какаго-то спы-  
 да и желанія щадить говорящаго, мѣш-  
 кая вопрошашъ и утверждашъ настав-  
 леніе, какъ бы содержа оное въ памяти,  
 съ нимъ соглашающся; другіе изъ безвре-  
 мяннаго щеславія и пущаго съ други-  
 ми спора, доказывая оспрошу и силу у-  
 добнаго изученія, признавая себя, прежде  
 полученія, имѣющими, не получающъ о-  
 наго. — Со спыдливыми и молчаливыми  
 обыкновенно бываетъ шо, что они, ушед-  
 ши, печалятся и недоумѣвають, наконецъ,  
 побужденные опять необходимостію, съ  
 большимъ спыдомъ беспокояшъ говорив-  
 шихъ, паки ихъ разпрашивая и за ними  
 бѣгая; любочеспивые же и дерзкіе всегда  
 скрываютъ въ себѣ поселившееся въ нихъ  
 невѣжество. Ипакъ, опринувъ все шако-  
 вое безуміе и высокомѣріе, перенесемъ  
 великодушно смѣхъ почишающихъ себя  
 оспрыми и спанемъ прилѣжашъ къ изу-  
 ченію и перениманію полезныхъ наспа-  
 вленій. Клеанѣъ и Ксенократъ, казавші-

еся шупѣйшими своихъ поварищей, не бѣгали ученія, но сами надъ собою смѣялись, называя себя подобными узкогорлымъ сосудамъ и мѣднымъ доскамъ, шакъ какъ они съ прудноспію перенимали ученіе, но удерживали его швердо и поспоянно. Ибо не полько, какъ Фокильдъ говоришь, *желающему быть добрымъ должно обманываться* (\*), но часшо и осмѣяну бышь и неспи безславіе, и принимаая насмѣнки и шушовспво, всею душею оппалкивашъ и поражаешъ невѣжеспво. Не надобно пренебрегаешъ и прошивнаго сему порока, въ кошорой впадають дѣлающіеся по шупоспи скучными и несносными. Они, возврашясь домой, не хошяшъ занимаешъ сами, но безпокояшъ говорящаго, безпреспанно спрашивая объ одномъ и шомъ же, подобно неоперившимся пшенцамъ, всегда раззѣвая ротъ къ усшамъ другаго, и желая опшъ другихъ получаешъ все уже вырабошпанное и готовое. Другіе, ища славы

---

(\*) Πολλ' ἀπατηθῆναι διζήμενον ἔμμεναι ἐσθλόν.

были внимательными и острыми шамъ, гдѣ не надобно, забрасываютъ говорящихъ болтливостію и любопытствомъ, всегда чтонибудь ненужное приводя въ сомнѣніе и ища доказательствъ въ такихъ случаяхъ, гдѣ оныя не пребудутся. Такимъ образомъ пусть корошкій спановишя долгимъ, какъ говоритъ Софокль, не только для нихъ, но и для другихъ. Ибо зачастую, занимая учащаго пустыми и излишними вопросами, какъ бы на обществе пупи, мѣшаютъ связи ученія, прерывая оное и останавливая. Они, по словамъ Иеронима, подобны боязливымъ и несмѣлымъ собакамъ, кои дома грызутъ кожи и рвутъ шерсть, но самихъ звѣрей не прогаютъ. Таковыми лѣнивцамъ совѣтовали бы мы, дабы они, когда поймутъ въ ученіи главное, прочее сами дополняли и памятію какъ бы руководились въ изобрѣшеніи, и чужое слово, взявъ за начало и сѣмя, воспитывали оное и и возвращали. Умъ, не какъ сосудъ пребываетъ наполненія, но поджиганія только, подобно веществу какому, производящаго изобрѣшительное стремленіе и вожде-

лѣніе испины. Какъ если бы кто, прося у сосѣда огня, и нашедъ его шамъ яснымъ и обильнымъ, при немъ всегда оспался грѣшья; шакъ если бы кто, пришедши заимствовашъ ученіе у другаго, не заботился для себя особо зажечь свѣшильникъ собсшвеннаго ума, но, довольствуясь слушаніемъ, сидѣлъ бы безопасно: шопъ какъ бы краску и блескъ прибрѣтаешъ, ш. е. нѣкоторыя свѣденія въ ученіи, но внушренней ржавчины и мрака душевнаго не испребляешъ, и не изгоняешъ философіею.

## Г Л А В А II.

И шакъ, если другое какое потребно увѣщаніе, къ слушанію, шо должно помнишь и нынѣ сказанное, ш. е. вмѣспѣ съ ученіемъ упражняшь и изобрѣшеніе, дабы прибрѣстъ не софистическій и испорическій, но въ душѣ запечатлѣнный и философскій навѣкъ, почитая началомъ хорошей жизни хорошее слушаніе.

---

---

## О ЯЗЫКѢ ДАВНИХЪ ПРУСАКОВЪ (\*).



Разборъ сочиненія о языкѣ давнихъ Прусаковъ Г. Фатера, писанъ Г. Линде Докторомъ Философіи, Совѣтникомъ Комиссіи (въ Царствѣ Польскомъ) въроисповѣданій (духовныхъ дѣлъ) и Народнаго Просвѣщенія, Предсѣдателемъ Общества для учебныхъ книгъ, членомъ многихъ Академій, Ректоромъ Варшавскаго Лицея, главнымъ Директоромъ публичной Библіотеки и Кабинетовъ, Кавалеромъ ордена св. Станислава; прогитанъ въ публич. собраніи Царскаго Общества Любителей Наукъ  $\frac{14}{26}$  Ноябр. 1821, напечат. на Польск. яз. въ Варшавѣ 1822.



Иоан. Северинъ Фашеръ, членъ Царскаго Варшавскаго Общества Любителей

---

(\*) „Сія статья предшавлена Обществу при слѣд. отношеніи: „Почетный членъ нашъ Г. Линде доставилъ ко мнѣ на сихъ дняхъ, при письмѣ своемъ изъ Варшавы  $\frac{8}{20}$  сего

наукъ, сперва въ Кенигсбергѣ, а нынѣ  
впориочно въ Галлѣ Профессоръ Богосло-  
віи, прислалъ ко мнѣ, для поднесенія въ  
даръ оному Обществу, одинъ опшискъ

Апрѣля, пощчасъ по оппечашаніи, для под-  
несенія въ даръ Обществу нашему, пред-  
спавляемую при семь книжку на Поль-  
скомъ языкѣ: *O języku dawnych Prusaków*  
... (О языкѣ давнихъ Прусакѣ), Разборъ  
сочиненія Профессора Фалпера ( Vater )  
писанный Г-мъ Линде и проч. чипан-  
ный въ публичномъ собраніи Царскаго  
Варшавскаго Общества любителей На-  
укъ  $\frac{14}{28}$  Нояб. 1821 г. и напечатанный въ  
Варшавѣ 1822 г. спр 116 въ 8). Это еще  
одно изъ полезнѣйшихъ для Славенскаго  
ученаго свѣша произведеніе сего знаме-  
нитлаго въ немъ гражданина, который,  
при многихъ важныхъ должносняхъ сво-  
ихъ по службѣ опечешвенной, продол-  
жаешъ неуспшно и всегда со славою  
подвизашься на поприщѣ всеславенскаго  
любословія. Г. І. Северинъ Фалперъ, из-  
вѣспный своими учеными изслѣдованіа-  
ми о языкѣ человѣческомъ вообще и по-  
рознь объ опрасляхъ онаго, а особливо  
о Славенскихъ, въ шомъ числѣ и о Подъ-

въ семь же (1821) году напечатаннаго сочиненія своего на Нѣмецкомъ языкѣ: *Die Sprache der Alten Preussen. Einleitung, Ueberreste, Sprachlehre, Woerterbuch, aufgestellt*

---

ской, въ 1821 году посвятивъ Г-ну Линде свои *отрывки* (Analekten) о языкахъ, помѣстилъ имя его въ ряду знаменитѣйшихъ филологовъ: *Аделунга, Беттмгера, Иос. Добровскаго, Доктора дю Помсо* (въ Филадельфiи), *Копитара, Доктора Монтуои, Моррисона* Миссiонера въ Кантонѣ; онъ въ томъ же году прислалъ ему, для поднесенiя Варшавскому Обществу Любителей Наукъ, первый плодъ ученыхъ своихъ занятiй по возвращенiи своемъ въпорочно Профессоромъ въ Гальской университетъ, сочиненiе на Нѣм. яз. подъ названiемъ *Die Sprache der alten Preussen. . .* (языкъ давнихъ Прусаковъ . . .) Оно по побудило Г-на Линде, важностiю своего предмета, сдѣлать обстоятельный разборъ, и посвятивъ оный Г. Фаперу, какъ другу своему, объяснившись съ нимъ въ письмѣ, вмѣсто предисловія припечатанномъ (изъ Варшавы 22 Марша 1822 г.) что будучи также и другомъ истины — *Amicus Plato — Amica Veritas* — надѣвшея,

von Joh. Sev. Vater, Professor zu Halle, Mitglied der Akad. d. Wissenschaften u. gel. Gesellschaft zu Berlin, München, Philadelphia, Warschau, u. a. Braunschweig in der Schul-

даже не соглашаясь съ его имѣніемъ о Прусскомъ языкѣ, оказавъ ему пріятную взаимность своимъ чиспосердечіемъ, а чинашелямъ услугу своими сомнѣніями. Это относится къ тому, что Г. Фаперъ, въ упомянутомъ сочиненіи своемъ, *Литеровъ катихизисъ*, переведенный въ 1563 Паспоромъ Авелемъ Виллемъ (Abel Vill) на Пруской языкъ, призналъ единственнѣйшимъ испочникомъ сего языка. Но Г. Линде, сравнивая оный переводъ съ древними катихизисами, хотя лишь отрицательно доказываетъ, что языкъ сего перевода не должно счашать языкомъ времени Прускихъ Крестоносцовъ, однакожь чрезъ шо самое, дѣлая мнѣніе Г. Фапера сомнительнымъ, указываетъ вѣрнѣйшій путь къ опысканію истины въ означенныхъ имъ испочникахъ, а именно въ архивахъ Кенигсбергскихъ.

Г. Линде чрезъ меня же доставилъ по экземпляру сего своего сочиненія для И. Россійской Академіи и ея Предсѣдателя,

buchh. 1821, 8—o Maj. ш. в. Языкѣ давнихъ Прусаковъ: введеніе, памяшники (оспашики), граммашика, словарь, собранные Іоан. Севериномъ Фашеромъ, Профессоромъ въ Галлѣ, членомъ учёныхъ обществъ: Берлинскаго, Минхенскаго, Филадельфійскаго, Варшавскаго и пр. въ Брауншвейгѣ въ училищн. книжн. лавкѣ. 1821 въ бол. 8 — ку.

Его Прев. А. С. *Шишкова*, и для Г. Академика здѣшней И. Академіи Наукъ Ф. П. *Аделунга*, надѣясь, что оно заслужишь и ихъ вниманіе; въ особенності же ожидаешь сега ошъ нашего Сословія. Въ послѣднемъ будучи и я съ нимъ увѣренъ, долгомъ починаю предварить Господь сочленовъ моихъ, что я уже приступилъ къ переводу сей книжки на нашъ языкъ, по крайней мѣрѣ перечнемъ занимательнѣйшихъ мѣсцъ. Предспавляя нынѣ начало на ваше, милостивые государи, благоусмотрѣніе, не замедлю предспавить и окончаніе для напечатанія въ изданія нашихъ шрудовъ, если угодно вамъ будешь изъявить мнѣ свое соизволеніе.

В. У. Вольнаго Общесхва Л: Р. С. Д. Членъ

*Анастасевичъ.*

Важность сего сочиненія, кошорое шѣмъ болѣе должно заняшь насъ, чѣмъ болѣе предметъ онаго касается Испоріи и языка (нашего) Польскаго народа, можеть еще лучше опкрышься въ самомъ разборѣ. Въ немъ я слѣдовашь буду порядку сочинителя, присовокупляя нѣкошорыя мои наблюденія, замѣчанія и дополненія шамъ, гдѣ покажущся мнѣ нужными, а въ заключеніи предложу общее мое сужденіе, помня Лашинской стихъ:

Diversum sentire duos de rebus iisdem  
Incolumi licuit semper amicitia.

ш. е. разное мнѣніе объ одномъ предметѣ не поршишь дружбы.

Въ крашкомъ (на 3 страницахъ) предисловіи Г. Фаперъ пишеть, что, издавая *Митридата* (Mitrydates), оспавшееся по смерти Аделунга сочиненіе, онъ помѣспилъ во я часши всю спашью о Славенско-Германской опрасли человѣческаго языка почши безъ всякой перемѣны, какъ она обрабопана была сочленомъ нашимъ пок. Геннингомъ (Henning) Директоромъ Гайной Кенигсбергской Мешрики.

Но, отдавая ему надлежащую честь за распространение свѣденій нашихъ по сей части гораздо далѣе предшественниковъ его *Гарткнока*, *Лиліентала* и *Преторія*, считаешь оныя и послѣ того еще споль неполными, что языкъ давнихъ Прусакъ доселѣ былъ какъ бы неизвѣстнымъ.

Здѣсь предварительно прошу замѣтить, что еще и нынѣ, послѣ трудовъ нашихъ обоихъ сочленовъ *Геннинга* и *Фатера*, упомянутые предшественники ихъ на семь пуши, не безъ пользы могутъ быть употреблены, какъ показано будетъ въ продолженіи сего разбора. Слѣдовательно должно поблагодарить Г. Фатера и за то, что онъ часть труда *Преторія*, которая не была издана въ *Прусскихъ Актахъ*, по крайней мѣрѣ болѣе половины ея, присокупилъ къ сочиненію своему съ подлинника, хранящагося въ Корол. Берлинской Библіотекѣ. Но и къ нынѣшнему сочиненію Г. Фатера далъ поводъ и привелъ къ главному припасу онаго Г. Геннингъ. Онъ еще въ Митридатѣ обращалъ общее вниманіе на Прусскій кашихизисъ съ шолкованіемъ Мар-

тына Люптера, котораго имѣлъ онъ самъ одинъ ошпискъ, хотя и безъ конца, состоящій только изъ 52 страницъ, и для дополненія коего всѣ его нѣскольколѣпнїя спаранїя и нынѣ тщательнѣе продолжаемыя Фаперомъ доселѣ тщетны, чѣтобъ ошпыскашь гдѣ либо другой ошпискъ. Даже и оный единспвенный памятникъ языка Прусаковъ угрожаемъ былъ поперю со стороны самаго хозяина его. Г. Геннингъ, очень заболѣвъ, приготавлился въ пушь, для поправленія своего здоровья къ Пирмонскимъ водамъ, и немогши рашпашься съ любимымъ предметомъ, не взирая на всѣ предложенїя ошъ своихъ друзей, а особливо на гусильную просьбу Фапера, чѣтобъ единспвеннаго въ свѣтѣ столь драгоцѣннаго сокровища не подвергалъ пушевымъ опасностямъ, взялъ оный съ собою. Онъ желалъ оспальные часы жизни и силы свои единспвенно посвящилъ для изслѣдованїй язычныхъ, на немъ основанныхъ. Опасенїе о жизни его, къ прискорбію друзей, свершилось; онъ дохалъ только до рѣки Варшы и шамъ въ деревнѣ кончилъ нечаянно свои

дни, непрерывно посвященные сплошь полезнымъ трудамъ. Но память о заслугахъ его да сохранился въ нашемъ обществѣ! Труды его, стремясь къ распро-  
страненію наукъ вообще, касались въ о-  
собенности и нашей древней Историі,  
копороу изслѣдованіе составляетъ одинъ  
изъ главныхъ предметовъ нашего сосло-  
вія. *Геннингъ*, въ слѣдствіе дружескихъ у-  
бѣжденій, предъ выѣздомъ своимъ изъ  
Кенигсберга, оспавиль, не увѣдомивъ *Фа-*  
*тера*, въ рукахъ архиварія *Фабра*, поч-  
ный сымокъ ( facsimile ) оной дорогой  
книжки, запечатанный съ подписью,  
чшобъ въ случаѣ невозвращенія его, оп-  
дать оный какъ собственности *Фатеру*;  
а сей, получивъ сплошь важный даръ по  
смерти друга своего, не преставаель одна-  
ко спарашься, объ ошысканіи печатнаго  
подлинника; но едва по испеченіи года за-  
бошливость его увѣнчана была счаст-  
ливымъ успѣхомъ. Нынѣ сія книжка счи-  
таешся однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ со-  
кровищъ Тайной Метрики Кенигсберг-  
ской, гдѣ нашъ писатель сравниваель под-  
линникъ съ подареннымъ ему сымкомъ,

который, по изданіи въ свѣтъ разбираемаго нами сочиненія, внесъ въ Королевскую Берлинскую Библиотеку.

И такъ мы разбираемъ теперь первый плодъ ученаго пруда нашего Сочлена Г. Фашера, послѣ вшоричнаго его возвращенія въ Галлу, гдѣ онъ, какъ самъ говоритъ, нашедъ шъ болѣе удобности смотрѣлъ за печатаніемъ своихъ сочиненій, дабы исправнѣе издаванъ оныя; ибо сіе обстоятельство оипносипся къ главнымъ причинамъ, для коихъ онъ оставилъ восточную Пруссію. Когда же въ Кенигсбергѣ, въ коемъ давно — еще со времени Князя Албрехта, основанъ Университетъ, находяся довольно хорошія книжныя печатни и лавки, по оное объясненіе Фашера должно понимать развѣ въ шакомъ смыслѣ, что онъ всегда отдавалъ преимущество сдѣланнымъ давно уже связямъ съ Саксонскими типографщиками и книгопродавцами. Какъ бы по ни было, онъ, привезши съ собою въ Галлу всякіе пригошов ленные запасы, печаталъ оныя подъ своимъ смотрѣніемъ и чрезъ то удостовѣрялъ въ исправности сего пруднаго

изданія; но, къ сожалѣнію, надежда на сію исправность не сбылась, какъ доказываетъ двѣя страница опечатокъ, на концѣ приложенная, къ коимъ еще нужно прибавить нѣсколько ихъ, какъ послѣ увидимъ. Оны также рачительно собрали прикосновенные къ занятію его предметы, но весьма жалуемся, что для Самогичкаго (Жмудскаго) или Польско-Липовскаго языка, при всѣхъ своихъ стараніяхъ, не могъ достать ученаго изслѣдователя дѣяній и законовъ пок. Гр. Чацкаго *Разсужденія о Мазовскихъ чужденіяхъ* (Rozprawa o statutach Mazowieckich) изданнаго 1811 г. въ Кременцѣ. Года за два предъ симъ, когда Фаперъ относился ко мнѣ о сей книжкѣ, и у меня ее не было, но Фаперъ, имѣя сіе важное для исторіи законодательства нашего сочиненіе, и нарочно вновь разсмотрѣвъ оное, могу увѣрить ревностнаго собирателя памятникъ, относящихся къ языку давнихъ Прусаковъ, что тамъ нѣтъ никакого извлеченія изъ древнихъ Липовскихъ законовъ. Изъ сего заключаю, что помѣщенная при концѣ сей книжки выписка

изъ перевода законовъ, или спашушовъ Мазовскихъ, сдѣланная по повелѣнію Князя Болеслава въ 1450 г. и съ тѣмъ припечатанная, чѣмъ, какъ говоришь Чацкій, ученики познакомились съ давнимъ Польскимъ языкомъ, не имѣвшимъ тогда послѣдствіаго правописанія, которое и изображено во всемъ сходно съ Порыцкою (\*) рукописью, могла данъ кому-либо поводъ почесть оный старый Польскій языкъ Липовскимъ и разпространить сіе ложное мнѣніе.

Пространнѣйшее предисловія введеніе ( на 38 страницяхъ ) представляеть трудности, съ коими долженъ боролся изслѣдователь погибшихъ языковъ, а особливо не имѣя точныхъ историческихъ свѣденій, на примѣръ здѣсь о томъ, кто были давніе Прусаки, въ какихъ отношеніяхъ находились съ другими извѣснѣйшими народами, гдѣ когда обитали, спер-

(\*) Знаменитое собраніе рукописей Г. Чацкого, бывшее въ вѣщинѣ его Волын. губ. въ м. Порыцкѣ, пріобрѣшено недавно Княземъ А. А. Чарторыскимъ и находится нынѣ въ Пулавахъ. В. А.

ва, или при различныхъ по шомъ перемѣнахъ? Но чѣмъ гуще мракъ, сокрывающій историческія извѣстія, тѣмъ проспаннѣе поле для догадокъ и предположеній, основываемыхъ съ усиленіемъ, или на словахъ, мимоходомъ сказанныхъ древними писателями о родинѣ яншаря, или на этимологическихъ объясненіяхъ названія Пруссіи и на сходствѣ онаго съ другими давнѣйшими, или позднѣйшими названіями народовъ, а даже и лицъ. Важный историческій слѣдъ соснавляетъ свидѣтельство Пполомея, который упоминаетъ какъ о жившихъ близъ нынѣшней Пруссіи около начала хрисіанскаго лѣтосчисленія двухъ народахъ, въ 14 в. Нѣмецкими рыцарями найденныхъ между давними Прусскими народцами, ш. е. *Галиндахъ* и *Суденахъ*. Тацитъ, говоря о яншарѣ, упоминаетъ о Эспахъ (*Aesti*). Имя сіе хотя сходствуетъ съ названіемъ Эспонцовъ, но не можетъ здѣсь означать сего народа, совершенно Финскаго; ибо Тацитово описаніе *Эстовъ* изображаетъ Германскій народъ, или по крайней мѣрѣ весьма близкій съ Германцами: такъ

же имя Эсповъ ошъ слова Osten (воспокъ) болѣе кажешся общимъ, Германскимъ для означенія всѣхъ народцовъ, далѣе на воспокъ жившихъ. Объ Эспахъ упоминаешъ въ 9. вѣкѣ и Эгингардъ въ житіи Карла V, означая пребываніе ихъ въ нѣхъ снранахъ. Вскорѣ по немъ *Адамъ Бременскій* (de Situ Daniae in Lindenbrog Scriptt. rer. German. Septentr. с. 227) говоритъ о Сембахъ или Прусакахъ, какъ о жителяхъ Самланда или Самбіи, а имянно сими доспойными замѣчанія словами: шрепшій оспровъ шопъ, который обыкновенно зовушъ *Семландъ*, сопредѣльный Рущамъ (Ruzzis) и Полякамъ. На немъ обитали Сембіи, или Прущци (Prutzci)... Сходство имянъ Пруссіи и Руси показываешъ по крайней мѣрѣ сосѣдство между ними; шакъ шочно и предшавляюшъ ихъ сосѣдами *Адамъ Бременскій*, *Дитмаръ Мерсебургскій* и *Геллолдъ*. Куронскій заливъ въ мирномъ договорѣ между Польскимъ Королемъ Владиславомъ и Великимъ Магиспромъ Павломъ де Русдорфомъ названъ *Рущкимъ моремъ*; при шомъ одинъ рукавъ рѣки Нѣмна донынѣ называешся

Русью—наконцѣ Липовцы, имѣющіе безъ сомнѣнія родство съ Самбійцами и Прусаками въ великомъ Княжествѣ употребляли Руской языкъ. *Гарткнохъ* ясно говоритъ (ad Duisburgii Chronis. стр. 69 прим: d) приговоры въ судилищахъ и прочія дѣла (публичные акты) пишущая по Руски. На семь-шю мѣсяцъ приличесшвовало упомянуть о Липовскихъ спашупахъ, о коихъ, какъ и о сочиненіи моемъ о Липовскомъ спашушѣ на Русскомъ языкѣ (въ Вильнѣ 1508 у Мамоничей) напечатанномъ: O Statucie Litewskim ruskim iezykiem i drukiem wydanym Wiadomosć; w Warszawie 1816 и 4-о стр 220) можешъ бытъ, и безъ дальней нужды упоминаешъ Авторъ уже на страницѣ 50.

Фашеръ порицаешъ и очень справедливо мнѣніе Прешорія, какъ сбивчивое; ибо онъ, считая Липовскій, Рускій и давній Прускій языкъ за одинъ, разпространяешъ его на Пруссію, часть Мазовіи, всю Курляндію, Семигаллію, Лифляндію, всю Липву съ зависящими ошъ нею областями, на часть *Москвы* (вел. Россіи), Померанію, Мекленбургъ, Бранденбургъ и

Линенбургъ, какъ будто бы хотѣлъ сказать о всемъ Славянскомъ языкѣ вообще. Большаго вниманія достоинъ Дкр. Иоан. Арнольдъ *Паули* (Pauli), кошорый въ *Прусскихъ Актахъ* (Acta Borussica т. 3. стр. 583. и сл.) раздѣляетъ жипелей давней Пруссіи на 3. народа и на 3. языка: всѣ произхожденія Скиѣскаго, какъ-шо: 1.) *Генетовъ* - *Гетовъ*, коихъ давно - Сарматской языкъ ближе къ Польскому, Рускому, Богемскому (Чешскому) и Кашубскому. — 2.) *Герцловъ*, коихъ языкъ упохреблялся въ Курляндіи и на оспр. Рюгенѣ; 3.) на *Алановъ*; коихъ языкъ сохранился въ Великомъ Княжесствѣ Липовскомъ. По его мнѣнію изъ сихъ языковъ 1-й господствовалъ въ Пруссіи при вреспоносцахъ ошъ Олецка или Марграбовой до Дзялдова; 2-й въ Эрмеландѣ (Варміи), 3-й въ Инспербургскомъ округѣ. Фашеръ почитаетъ такое разграниченіе языковъ неосновательнымъ, и самъ далѣе такъ говоритъ: Прусжи, коихъ Нѣмецкіе рыцари заспали между Вислою, Преглемъ и Нѣмнемъ, раздѣлены были тогда на 11 народовъ, жившихъ между собою въ со-

юзѣ, довольно непрочно и только на всякой случай заключенномъ (ибо что первый Дюйсбургъ, а послѣдую ему споль многие писали о *Кривѣ* ихъ и *Ромовѣ*, что не выдерживъ разбора исторической критики). Они оставались безъ всякихъ естественныхъ отношеній какъ съ жителями Лифляндіи такъ и съ южною Липвою, уже соединенною подъ своимъ удѣльнымъ Княземъ, хотя и въ близкомъ были родствѣ съ сими двумя народами, какъ по крайней мѣрѣ что показываетъ ихъ языкъ: но еще менѣ имѣли они связи съ Польскою Мазовіею. Исслѣдовавши языка давнихъ Прусаковъ, нашедъ споль мало пособія въ Истории, обратились къ сравненію давнихъ словъ и образцовъ рѣчей Прусскихъ съ другими языками. Въ сіе сравненіе входилъ не только ближайшій языкъ т. е. Прусской Липвы, но и Греческій и Латинскій и Польскій. Здѣсь должно замѣнить, въ какихъ отношеніяхъ Прусаки могли находиться съ довольно отдаленными народами, чтобы могли заимствовать отъ нихъ слова для означенія первыхъ понятій, на пр. *wirs, wirsd,*

съ Лапинскаго *vir* (вирь) мужь. Что же касается до Греческаго языка, то Гарпкнохъ говоритъ (*Difs. V* стр. 101): Прусакки не многія слова приняли отъ Грековъ, и только чрезъ Русовъ. (Россіянъ). „Окончанія времянь глаголовъ на *ми* и другія измѣненія въ нихъ, также великое число первообразныхъ словъ, сполько сходствуютъ съ Греческими, что вліяніе Греческаго языка, по причинѣ или народнаго произхожденія, или мѣснаго соудства, не можешь бытъ споль легко опровергнуто. Сходство съ Лапинскимъ языкомъ икоторыя желали объяснишь произведеніемъ Прусакковъ изъ Римскихъ колоній въ Валахіи, основанныхъ Греческимъ Императоромъ для защиты отъ нападений Славенскихъ, и что оныя, успуая въ позднѣйшее время превосходству Славянъ и ославляя сіи мѣста, обратились къ имъ, которыя Славяне, распространившись въ Польшу и Помераніи, оставили послѣ себя праздыми и пущыми. Весьма ясно то, что давній Прускій языкъ, какъ и давній Липовскій, имвещъ премного словъ сходныхъ

съ Славенскими. Невѣроятно, чшобъ они могли перейти только по соединеніи южной Липвы съ Польшею. Связи между сими народами оказывающагося гораздо древнѣе. Здѣсь важно по общагошельство, что давній Прусскій языкъ гораздо ближе къ Рускому, нежели къ Польскому, что въ немъ вовсе нѣтъ шепешливыхъ буквъ, на прим. с', s'; z' (цъ, съ, зъ), кои находящагося въ Липовскомъ; въ Лашышскомъ ихъ мѣньше и онъ въ семъ отношеніи, вмѣстѣ съ давнимъ Прусскимъ, сходственнѣе съ сѣверовспочнымъ сосѣдомъ. Сей же Лашышской языкъ доселѣ меньше сравниваемъ былъ съ Прусскимъ, нежели Липовскій. Покойн. *Геннингъ* принадлежишь первенство и въ семъ родѣ труда. Изъ сихъ сравненій получено по слѣдствіе, что языкъ давнихъ Прусаковъ наиболѣе приближается къ Липовскому и Лашышскому, — что сходство его съ Греческимъ и Латинскимъ не споль явлено, и что къ нему наиболѣе примѣшалось Славенскихъ и Германскихъ словъ. Но ближайшія соотношенія, между оными родственными языками произходя-

ція, перебують еще обспояшельнѣишаго  
 объясненія по древне-Прускимъ памяш-  
 никамъ въ разсужденіи какъ граммашики,  
 такъ и словаря. — Здѣсь приводяшся въ  
 пособіе свидѣшельства мужей, жившихъ  
 въ то время, когда еще говорено было  
 давнимъ Прускимъ языкомъ, о соопно-  
 шеніяхъ онаго къ Пруско-Липовскому.  
 Въ окресіиноспяхъ, обитаемыхъ нѣкогда  
 Над-Равянами и Шалавянами, отъ Мем-  
 ля до Гумбина, и до нынѣ въ употребле-  
 ніи языкъ Липовскій; шамъ еспь печат-  
 ныя библіи, граммашики, словаря; а въ  
 великомъ Княжествѣ Липовскомъ, про-  
 должаешъ нашъ писатель, языкъ назы-  
 ваешся Самогицкимъ (Жмудскимъ), но  
 онъ доселѣ не имѣетъ ни граммашики,  
 ни словаря; ибо въ Римскокашоліическомъ  
 исповѣданіи меньше употреблялся оше-  
 чешвенный языкъ. Однакожь послѣднее  
 мнѣніе Фашера не согласно съ исторіею  
 Липовскихъ библій О. Резы (Rhesy), изъ  
 которой извлеченіе я помѣшилъ въ 13  
 томѣ лѣтописей (Roczniki) (\*) нашего

---

(\*) Сіи лѣтописи (Roczniki — Рочники) Цар.  
 Варшавскаго Общества любителей на-

Общества (спр. 120 — 131). Тамъ онъ, изъяснивъ препоны, для коихъ въ Прусской Липшѣ переводъ книгъ св. писанія не могъ произведенъ быти въ дѣйствіе даже до второй половины 17 вѣка, продолжаетъ свое разсужденіе такимъ образомъ:

„ Но чего въ Прусской Липшѣ, при поли-  
 „ кихъ приготовленіяхъ, не могли сдѣ-  
 „ лать, то съ гораздо меньшею трудно-  
 „ стію исполнено въ великомъ княжесп-  
 „ вѣ Лицовскомъ. Самогицкія сословія  
 „ прихожанъ: Ковенское, Виленское, Кей-  
 „ данское и другіе, подъ покровительств-  
 „ вомъ Велик. Канцлера Липовскаго (кня-  
 „ зя Спанислава Радзивила), напечатали  
 „ переводъ библии въ Лондонѣ 1660 года,  
 „ сдѣланный Самуиломъ Богуславомъ Хи-  
 „ линскимъ. Но сіе изданіе въ Прусскихъ

---

укъ издающся съ 1802 г. въ 8 — ку. Ихъ вышло уже 15 частей, въ коихъ находишся разсужденій, чищенныхъ въ собраніяхъ сего знаменитаго сословія, болѣе 200, очень занимательныхъ) съ ними можно сравнить Труды Москов. Общества Россійск. Словесности. **В. А.**

„спранахъ вовсе не было извѣстно и не  
 „могло быть полезнымъ; когда сей пе-  
 „реводъ сдѣланъ на другомъ нарѣчїи, п.  
 е. Самогицкомъ или воспочнолиповскомъ,  
 очень смѣшанномъ съ Польскимъ язы-  
 комъ, — нарѣчїи, содержащемъ многія сло-  
 ва, непонятныя западнымъ Липовцамъ.  
 Въ началѣ 18 вѣка, продолжаетъ Ксензь  
*Реза*, начали думать о переводѣ общемъ  
 для всѣхъ Липовцовъ въ Пруссїи, Поль-  
 шѣ, Самогиціи, и пошому о соединенїи  
 воспочнаго и западнаго нарѣчїя, подъ ру-  
 ководствомъ Самуила Бишнера первен-  
 ствующаго (суперинтендента) надъ  
 приходами евангелическими въ великомъ  
 княжествѣ Липовскомъ. Такой переводъ,  
 (но лишь одного новаго завѣща) надъ коимъ  
 изрудились духовные всѣхъ областей Ли-  
 повскихъ, вышелъ изъ писанїя 1701 года.  
 Въ немъ Самогицкое нарѣчїе — главное:  
 хошя ясно видно, что переводившіе  
 старались, сколько можно, приближаться  
 и къ западно Липовскому, или Прусскому.  
 Для шого-шо сей *Новый Завѣтъ*, обыкво-  
 венно называемый *Кейдацкимъ*, не былъ  
 принятъ въ Пруссїи, хошя въ скобкахъ ( )

при Самогицко-Липовскихъ словахъ индѣ прибавлены Прусско-Липовскіе. Когда въ 1727 г. изданъ въ Кенигсбергѣ новый За-вѣтъ на Прусско-Липовскомъ нарѣчїи: по *Остермайерѣ* въ иснорїи о пѣсняхъ Липовскихъ сказалъ, что лучше бы было сохранишь Кейданскій переводъ, какъ относящійся къ обоимъ нарѣчїямъ. Уже въ 1735 г. издана въ Кенигсбергѣ вся Библия на Прусско-Липовскомъ нарѣчїи, а попому на Самогицкомъ нарѣчїи вся Библия была уже издана за 70 лѣтъ прежде нежели на Прусско-Липовскомъ. Касательно словарей привожу здѣсь изданный Езуицкаго общества Кс. Ширвидомъ *трехъ* язычный: *Dictionarium trium linguarum*, въ Вильнѣ 1713 года. Изъ грамматикъ же для сего нарѣчїя упоминаю напечатанную въ Вильнѣ у Езуитовъ подъ назван. *Universitas linguarum Lithuaniae in principali Ducatus eiusdem dialecto*. 1737 года. Представивъ такимъ образомъ несогласіе наше съ вышеприведеннымъ мнѣніемъ Г. Фапера, продолжаемъ разбирать его Вступленіе.

Главнымъ, говоритъ онъ, изъ числа доказывающихъ взаимныя соотношенія

между давнимъ Прусскимъ и нынѣшнимъ Прусско-Липовскимъ языкомъ, еспь Преторій, Паспоръ Нибуценскаго (Nybutzen) Евангелическаго сословія въ восточной Пруссіи, современникъ Гарпкноха, во 2 половинѣ 17 вѣка. Онъ пишетъ, что „давніи Прускій языкъ не что иное, какъ нынѣшній над-Равскій или Прусско-Липовскій, за исключеніемъ нѣкоторыхъ окрестностей, въ коихъ онъ ближе къ сосѣдственнымъ: Рускому, Польскому, или Нѣмецкому; но сіе не составляетъ особеннаго языка.“ Фаперъ замѣчаетъ, что Преторій неосновательно почитаетъ над-Равскій языкъ за одинъ съ давнимъ Прусскимъ; ибо съ онымъ различествуетъ Самбійскій; Самбія же или Самландія была собственно областію давняго Прускаго языка: даже и самъ Преторій часто упоминаетъ о Самбіи, говоря о давнихъ Прусакахъ. Для сихъ-же имянно Самбійцевъ печатались особенныя духовныя книги. Важны и разрѣшаютъ сей предметъ слова въ предувѣдомленіи ко второму исправленному писанію кашихизиса, на Прускомъ языкѣ

въ Кенигсбергѣ 1545 г. по сей причинѣ изданному: „1-й кашихизисъ, напечатанный на языкѣ употребляемомъ въ Самбii — семъ испинно Прусскомъ городѣ и уѣздѣ, допустилъ было нѣкоторую смѣсь разныхъ давнихъ Прусскихъ діалектовъ, дабы всѣмъ удовлетворить; но для сего единственно никому не понравился. По сей же причинѣ во второмъ семъ изданіи шаковая смѣсь исправлена. Ибо хопя около Велявы произношеніе и сближается къ Липовскому; хопя нарѣчіе Судавцовъ нѣсколько грубѣе: но они могутъ понимать всякое слово въ Прусскомъ кашихизисѣ; также хопя частыми и продолжительными, особенно въ Напаугii, войнами народъ многократно былъ изгоняемъ и переводимъ на другое мѣсто, опъ чего и языкъ его опчаспи измѣнялся или смѣшивался съ-иными; однакожъ не справедливо было бы желаніе, чшобъ всегда и вездѣ соображашся съ давнимъ нарѣчіемъ испиннаго Прускаго округа.“ — Изъ сего заключаемъ Фалеръ, чшо если бы предположеніе Прешорія было справедливо; еслибы Самбійскій и Липовскій

языки были однимъ, то для чего бы нужно было издавать особенныя книги, къ вѣрѣ относящіяся, для Самбійцовъ и Липовцовъ, ш. е. Надравскихъ жителей, въ одно и позже время?

Писатель нашъ (Фаперъ) гораздо болѣе оказываетъ уваженія къ свидѣтельству нашего *Длугоша* (Ioan. Dlugosii Histor. Polon. Ч. I. К. 2), который будучи и древнѣе *Преторія* и лучше соотвѣтствуя всѣмъ обстоятельствомъ, пишетъ подъ 997 годомъ такъ: „fuit pro ea tempestate „... въ то время Прусской народъ былъ „дикъ и жестокъ имѣлъ свой особенный „языкъ, однако производящій частію отъ Лапинскаго, имѣющій нѣкоторое „сходство съ Липовскимъ. Пруссы, Липовцы и Самогитяне разпознаются „тѣмъ, что, сходствуя нравами и языкомъ, они между собою соплеменны, и „хотя въ произношеніи словъ разнятся „какъ Поляки, Богемцы, Руссы, (Ruthe- „ні); однакожь во многомъ сходствуютъ.“

— Равномѣрно важно свидѣтельство ученаго Епископа *Варминскаго* (Эрмеландскаго) *Маршына Кромера* (Cromer. Кн. 5):

Часть XVIII. Кн. III.

„Лифляндцы, Самогитяне, Липовцы и  
 „Прусаки, народы хопя подчиненные раз-  
 „нымъ власнямъ и законамъ; но упо-  
 „требляють почти одинъ языкъ между  
 „собою, вовсе опмѣнный опъ Славен-  
 „скаго, смѣшенный опчасти съ испор-  
 „ченною Латынью, копорая больше по-  
 „хожа на Италіанское и Испанское на-  
 „рѣчіе. Послѣ шого Нѣмцы, покоривъ По-  
 „морье (приморскую спрану), называемое  
 „нынѣ Пруссією и Лифляндією, населили  
 „оное своими людьми; и опъ шого шамъ  
 „употребляешся больше Нѣмецкой языкъ,  
 „нежели давній природныхъ жишелей; по-  
 „добно пому, какъ и Липовцы, копо-  
 „рые, по сосѣдству, обращаюсь и смѣши-  
 „ваясь взаимно съ Русью, въ великой ча-  
 „сти употребляють Руской языкъ. ‘,  
 Сіе важное мѣсто я гораздо подробнѣе  
 привожу, нежели какъ оное привель Фа-  
 теръ, копорый ссылаешся еще на Кроме-  
 ра (кн. I. гл.5): „Constat certe . . . „Под-  
 „линно извѣстно, что въ Пруссіи нѣко-  
 „гда обишали другіе народы, а не нынѣ-  
 „шніе, копорые назывались Пруссами,  
 „или Боруссами (по Эразму Стеллѣ) и

„коихъ видны еще нѣкоторыя ошачки  
 „въ селахъ и деревняхъ по Эрмеландской  
 „и Самбійской дорогѣ, употреблявшіе  
 „языкъ не несходный съ Липовскимъ. (\*). „  
 Въ сущности согласенъ съ Кромеромъ и  
 Длугошемъ также Северинъ Гебель (Goe-  
 bel), придворный врачъ Маркграфа Албре-  
 хша. „Языкъ Судавцовъ, говоришь онъ,  
 „не совсѣмъ разнспвуетъ съ Липов-  
 „скимъ. „ Симонъ Грцновъ (Grinow), ко-  
 порога разныя замѣчанія о Прусскомъ я-  
 зыкѣ приводитъ *Гарткнохъ* въ своихъ  
 Разсужденіяхъ (Disert. V. стр. 89), гово-  
 ритъ: „Прусаки имѣютъ особенный языкъ.  
 „Полякъ ихъ вовсе не понимаетъ, а Липо-  
 „вецъ не много разумѣетъ.“ Здѣсь мимо-  
 ходомъ замѣтимъ, что Молишва Господ-

---

(\*) Здѣсь Г. Линде объясняетъ, что онъ вы-  
 ше приведенное мѣсто заимспвовалъ изъ  
 Польскаго перевода Блажовскаго, но слѣ-  
 дующее за онымъ приводитъ изъ Лапин-  
 скаго подлинника Кромера, не полагаясь  
 на вѣрность перевода Блажовскаго, ко-  
 торый болѣе заботился о соблюденіи чи-  
 стоты природнаго языка, нежели поч-  
 носши переведеннаго подлинника. В. А.

ня *Отге наидь*, данная Груновымъ Гарш-  
 кноху на Прускомъ языкѣ, весьма мало  
 сходешвуешь съ помѣщенною во всѣхъ  
 шрехъ Капихизисахъ, Гаршкнохъ же го-  
 воритъ (Difs. V. p. 81) *Sciendum est . . .*  
 „Надобно знать, что еще въ прошломъ  
 „(т. е. 16-мъ) вѣкѣ во всей почтѣ Самбіи  
 „употребляли Прускій языкъ. Извѣстно  
 „также, что проповѣди Самбійцамъ въ  
 „селеніи *Шокенѣ* (Schaken) тогда говоре-  
 „ны были на семь же языкѣ, такъ что  
 „Препоръ (войнѣ или сельской спаро-  
 „спа) того мѣсяца каждую рѣчь, ска-  
 „занную Препоромъ по Нѣмецки пере-  
 „водилъ для слушателей на Пруское на-  
 „рѣчіе. Были также въ Намангіи, Суди-  
 „ліи и Эрмеландѣ знающіе оный языкъ,  
 „для пользы коихъ б. п. Князь Албершъ I.  
 „воевода (Dux) Прускій пощился пе-  
 „ревести Капихизисъ на Прускій языкъ. „  
 А нѣсколько ниже опровергаетъ мнѣніе  
 Препорѣ слѣдующимъ образомъ: (Difs. V  
 p. 85.) ученый Магистръ Препорій, по-  
 „чтенный другъ мой, въ присланномъ ко  
 „мнѣ своемъ сочиненіи о Прускомъ язы-  
 „кѣ полагаешь, что сей языкъ былъ какъ

„ бы средній между Куронскимъ (Курлад-  
 „ скимъ) и Липовскимъ; но, хопя я не оп-  
 „ рицаю, что Прускій и Липовскій мало  
 „ разняшя между собою, по многимъ за-  
 „ мѣченнымъ словамъ; однако немало най-  
 „ дено мною и такихъ, по коимъ оба  
 „ сии языки кажутся вовсе разными, при-  
 „ шомъ же и въ самой Пруссіи, во мно-  
 „ гихъ округахъ великая замѣчена раз-  
 „ носъ въ Прускомъ языкѣ, такъ что  
 „ едва понималъ Прусакъ Прусака. „

Теперь приступимъ къ самымъ на-  
 мяшникамъ Прускаго языка. Выше упо-  
 мянуто о двухъ Капихизисахъ, повелѣні-  
 емъ Князя Албрехта напечатанныхъ въ  
 одномъ году 1545-мъ, и о происходящихъ  
 между ними отношеніяхъ. Они помѣщены  
 въ *Прускихъ Десяткахъ* Лиліеншала (Li-  
 lienthal's Preussische Zehnten. Königsberg  
 1740. 8. 3 vol. T. III. p. 51-63) и ошчас-  
 ти въ *Разсужденіяхъ Гарткноха* (Selectae  
 dissertationes de variis rebus Prussicis, op. et st.  
 Christoph. Hartknoch. a. 1769. 4 Diss. V. p. 84-  
 89.) находяся также, хопя очень рѣдко,  
 ошписки давняго изданія. Въ (Варшав-  
 ской) нашей публичной библіотекѣ есть

одинъ ошпискъ (экземпляръ) 2-го исправленнаго изданія подъ заглавiемъ на Нѣмецкомъ языкѣ: „Katechismus in preufznischer Sprach, gecorrigiret und dagegen das deudfche 1545., при концѣ же онаго также по Нѣмецки: geerukt zu Königsberg im Preußen durch Hans Weinreich MDXLV. въ мал. 4-ку. готическими буквами. Предисловіе, изъ коего главнѣйшія извѣстія уже приведены выше, также шолько на Нѣмец. языкѣ и занимаетъ оборотную сторону вырѣзаннаго на деревѣ заглавія и слѣдующую за нею. Потомъ на 6-ти неполныхъ страницахъ самый Кашихизисъ, крупной готической печати, на одной сторонѣ по Нѣмецки, а на супротивной по Прусски, содержащій въ себѣ: 10 *Заповѣдей Божиихъ*, *Символъ вѣры*, *Отче нашъ*, *Правила крещенія и Тайной вечери*. — Я согласенъ съ Фашеромъ, что оба сіи давніе кашихизиса суть книжки очень малыя, что бы съ помощію ихъ можно было узнать свойства Прускаго языка, въ отношеніи къ словамъ и единообразности формъ его; но я прибавляю къ достоинству ихъ то, что, по свидѣтельству, приведенному

въ предисловіи, они составлены нечастнымъ образомъ, испышанными переводчицами, при пособіи другихъ искусныхъ въ ономъ языкѣ, и знающихъ Нѣмецкій и Лапінскій. Если наипаче при эпимологическихъ изслѣдованіяхъ часто одна буква, переменная, прибавленная, пропущенная, переспавленная, можетъ послужить, а особливо при не доспаккѣ другой помощи, къ ушверженію, или опроверженію заключеній; то, кажется, очень важный упрекъ нашему шрудолюбивому автору можно сдѣлать въ томъ, что онъ не очень много цѣнилъ два давнѣйшія изданія. Онъ имянно считаешь ненужнымъ подробное показаніе въ примѣрахъ соотношеній ихъ между собою и думаетъ, что въ нихъ находясь шѣже самыя окончанія измѣняемыхъ часпей рѣчи, каковыя и въ позднѣйшемъ почти 20-ю годами 3-мъ Капихизисѣ; сіи же опмѣны и разноспи малозначущи. Въ такой увѣренности, кошпорой неосновательность показана будетъ въ семь разборѣ, онъ исключительнo почти неушомимый шрудъ свой посвяшилъ для изслѣдованія книги

подъ заглавiемъ: *Enchiridion, der Kleine Catechismus Dr. Martin Luthers, Teutsch und Preuffisch, gedruckt zu Koenigsberg in Preussen durch Johann Deubnere. 1561.* (Ручная книга. Малой кашихизисъ Докш. Марпына Люшера на Нѣм. и Прусскомъ, печашанъ въ Кенигсбергѣ (Кролевцѣ.) въ Пруссiи, Иоанномъ Дейбнеромъ 1561). — Оставшійся единственный ошпискъ, о коемъ сказано выше, содержитъ въ себѣ, кромѣ заглавiя и предисловія, 52 страницы въ 4-ку, но не имѣетъ конца. — Сей переводъ сдѣланъ трудами Авеля Вилла (*Abel Villa*), пастора Побепенскаго прихода въ Самбii. Фаиерь имянно считаешъ оный превосходнѣе прежнихъ, за то, что совершенъ трудомъ одного челоуѣка, а не соспавленъ изъ ошвѣшовъ, разными разнымъ людемъ предлагаемыхъ, и что нельзя сомнѣваться, дабы Князь, пекущійся о духовномъ благѣ подданныхъ своихъ, и соуѣшники его не избрали для сего труда искуснѣйшаго и добросовѣснаго мужа.

И шакъ; изъ сего главнаго испочника вычерпавъ древнiй Прускiй языкъ, знаешъ авшоръ представляешъ оный вовсе осо-

беннымъ, имѣющимъ свойственныя одному ему формы, — брапомъ, а не сыномъ Липовскаго и Лашышскаго. — Здѣсь я спрашиваю: если давній Прускій Липовскій и Лашышскій языкъ — братья межъ собою, то они имѣють общаго опца; — кшожь онъ и гдѣ его искашь? Сего вопроса авпоръ не сдѣлалъ себѣ, а попому ясно и не опевѣчаетъ на оный. Въ извлеченныхъ же съ величайшимъ спрудомъ изъ сего Капихизяса граммашикъ и словарѣ онъ показываешъ слѣдующіе *происходы* (результаты), что Прускій языкъ въ формахъ окончаній имянъ и причастій наиболѣе приближается къ Гопскому, менѣе къ Лашышскому, а еще меньше къ Липовскому; что формы склоненій ближе къ двумъ послѣднимъ языкамъ, но не очень удалены и опъ Славенскихъ; что въ первообразныхъ словахъ болѣе придерживаешся братьевъ своихъ, а имянно Липовскаго, нежели сосѣдственныхъ Славенскихъ, а еще менѣе Германскихъ; но, сколько можно шеперь судишь о произношеніи, особливо же касательно шипящихъ буквъ, больше приближался

къ Лашышскому и Рускому, нежели къ Липовскому и Польскому.

Въ Липовскомъ и Лашышскомъ сполько же падежей, какъ и въ Славенскихъ нарѣчїяхъ, хошя окончанїя ихъ и другїя. По влїанїю Славенскаго могло прежнее малое число ихъ умножишья по образцу сего языка; въ Ирускомъ число падежей равно Германскому, ш. е. 4; а попому и въ семь отношенїи онъ оспался свободнѣе ошъ влїанїя Славенства. Но нѣшъ никакого слѣда, чшобъ Эспонскїй языкъ имѣлъ здѣсь какое либо влїанїе. Въ немъ болѣе, нежели въ брашьяхъ его, можно замѣшшшть спроенїе Германскаго языка. Здѣсь, кажешя, имѣли бы мы, по сей причинѣ, хошя не ясный отвѣщъ на вышеупомянушый вопросъ, касашельно общаго ошца сїхъ шрехъ брашьевь, ш. е. чшо ихъ ошцемъ былъ Голско - Германскїй языкъ: но справедливо ли можно сїе же ошносить къ Липовскому и Лашышскому, шого я безусловно не осмѣлилсѣ бы ушверждашъ. — Здѣсь привожу, что Славный Арндшъ говершшъ въ ученой своей книгѣ: *Ueber den Ursprung u. die Verwandt-*

schaft der Europäischen Sprachen... (о происхождении и сродстве Европ. языковъ, изд. въ Франкфуртѣ на Майнѣ 1818), что Латышскій языкъ, подъ коимъ онъ разумѣешь и Прусскій, произошелъ изъ нѣкопорого смѣшенія Славенскаго и давно-Германскаго, или Готскаго (спр. 99); что Литовскій и Латышскій, въ строеніи своемъ, сближаются съ Славенскимъ, что въ нихъ большая часть словъ Славенскихъ, хотя также много и Германскихъ; припомъ много сходныхъ и съ Латышскими; и даже такихъ, кои не соотвѣтствуютъ никакимъ новымъ Европейскимъ, но разнымъ Азіатскимъ языкамъ (спр. 100). — Ученый Раскѵ въ сочиненіи своемъ: *Untersuchung ueber den Ursprung der altnordischen oder Islandischen Sprache.* (Изслѣдованіе о происхожденіи древне-сѣвернаго, или Исландскаго языка) Копенгагенъ 1818 г. считаешь Латышскій языкъ особеннымъ, а Латышей давнимъ племенемъ, прибывшимъ въ Пруссію, а не смѣшеніемъ Готловъ, Славянъ, и Финновъ въ 4 или 5 вѣкѣ, около устья р. Вислы; языкъ ихъ онъ называетъ

имѣющимъ сродство съ Славенскимъ и Германскимъ, а не производящимъ отъ котораго либо изъ сихъ обоихъ, но болѣе сближающимся къ Фракійскому. По его мнѣнію Лашыши въ древнѣйшія времена жили въ срединѣ Россіи и Польши, а потомъ впергнулись въ жилища Германскія въ Липвѣ и Пруссіи. — Г. Фатеръ, послѣ сравненія оныхъ трехъ брашьевъ (ш. е. Прускаго, Липовскаго и Лашышскаго языковъ), основаннаго единственно на разборѣ открытаго Гемингомъ Капихизиса, говоритъ съ нѣкопорымъ воспоргомъ о своемъ предметѣ: „шаконъ былъ языкъ давнихъ Прусаковъ, жившихъ при Балтійскомъ морѣ между Вислою, Нѣмнемъ, и Преглемъ, а главное жилище имѣвшихъ между Преглемъ и самымъ западнымъ устьемъ Нѣмна, впадающаго въ Руской заливъ въ Самбіи! „ По я сказалъ бы: шаконъ языкъ, употребленный Авелемъ Вилломъ (Abel Will) въ своемъ переводѣ для Самбійцовъ, и при томъ въ шаконъ степени, въ какой онъ самъ его зналъ и умѣлъ, и уже во 2-й половинѣ 17-го вѣка. Сіе мнѣніе мое посшара-

юсь я оправдать при окончаніи сего разбора.

Послѣ введенія, обильнаго споль богатыми для изслѣдовашеля испоріи человеческого слова припасами, слѣдуетъ славный оный Капихизисъ на 70 страницъ перенечашанный такимъ образомъ, что буквальный Нѣмецкій переводъ помещенъ надъ каждымъ Прусскимъ словомъ между строками.

Я намѣренъ предшавишь Обществу нашему въ извлеченіяхъ нѣ часпи, копоры содержатъ въ себѣ два давнѣйшія капихизиса, перевода все слово въ слово (въ подлинникъ на Польскомъ языкѣ) и пользуясь не прерывнымъ, сравненіемъ сихъ прехъ капихизисовъ; а касательно молишвы Господней изъ *Грунова, Лазя* и другихъ, присовокупляшь буду мои замѣчанія для объясненія Фапера. Мнѣ очень жаль, что при семъ разборѣ не могъ я употребить двухъ книгъ, извѣстныхъ мнѣ изъ испоріи о Липовскихъ библияхъ О. Резы. Воспитанникъ Липовскаго Алюмнаша въ Кенигсбергѣ *Мосвидицъ* издалъ тамъ же 1547 г. на Липовскомъ язы-

къ капихизисъ Марштына Люшера. О. Ре-  
за называется оный первою книгою, поя-  
вившеюся въ Липовскомъ народѣ, и сей  
капихизисъ весьма близокъ къ спаринно-  
Польскому изданному въ 1545 г. на Сам-  
ландскомъ нарѣчїи. *Виллентусъ* въ 1579 г.  
издалъ *ручницю книжку* (Enchiridion), со-  
держащую въ себѣ помянутое Люшера  
на Липовскомъ, и поному спуспя лишь  
18 лѣтъ послѣ Прускаго, съ копорымъ  
еслибы Фаперъ сравнилъ сряду обѣ сїи  
Липовскїя книги, но безъ сомнѣнїя по-  
лучилъ бы величайшую пользу въ своихъ  
ученыхъ изслѣдованїяхъ.

Но пора представить самый обра-  
зецъ шого языка, копорый авторъ нашъ  
присвоилъ давнимъ Прусакамъ:

Третїй капихизисъ Прускїй имѣетъ  
слѣдующее названїе на Прускомъ языкѣ.  
(Въ Польскомъ подлинникѣ Г-на Линде ка-  
ждое слово писано особо съ объясненїемъ,  
а въ Нѣмецкомъ, Фапера, какъ здѣсь, но  
съ Нѣмецкимъ между-спрочнымъ перево-  
домъ, и съ опдѣленїемъ Прускаго словаря  
особенно).

(\*) Stas likuts catechismus D. M. L. Mixkai bhe Prusiskai. Pra stans Predickerins no tautan, Stans Langiseilingins prei Powaidint, bhe stan Maldunin enstesmu prei iaukint, kai stai ismukint masi ka tenneimons enterpon ast, prei tenneison deiwutiskan. Preistesmu stas Liibi bhe Crixtisna laiskas; kaigi stas subs en stesmu kirkis teikusnan, tenti en Prusiskan tautan laikuts wirst a. MDLXI. ш. е. по буквальному переводу:

(Сей малый кашихизисъ Доктора Маршына Люшера Нѣмецкій и Прусскій, для проповѣдниковъ селькихъ, просныхъ чшобъ насшавляшь, а юношей въ шомъ же чшобъ научишь, дабы они познашь могли, чшо имъ пошребно для ихъ спасенія; при шомъ о вѣрѣ и крещеніи книжка, какъ она въ церковномъ учрежденіи шеперь въ Прусскомъ владѣніи соблюдается — 1561 года.

(Въ Польскомъ подлинникѣ Г. Линде

---

(\*) Можно бы сей шекспъ писашь и Русскими буквами, но сохранено сходшво съ печашнымъ, дабы не погрѣшишь въ правописаніи подлинника. В. А.

спр. 34—105. слѣдуетъ полкованіе каждаго слова изъ приведенныхъ для примѣра лексиконъ Десятисловія, Символа вѣры, Молишвы Господней и Ученія о св. крещеніи и причащеніи, а въ Нѣмецкомъ Фахера. Спр. 1—68. помѣщены оныя же лексиконны на Прусскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ; также разныя наставленія и молишвы съ объясненіемъ, а словарь особенно).

До сего мѣста, (продолжаешь Линде) мы прошли всѣ 5 часней, заключающіяся въ 3 Прусскихъ капихизисахъ; въ 3-мъ я пропустилъ Люшерова исволокваніе, котораго нѣтъ въ давнѣйшихъ капихизисахъ, а потому и не могло оно быть сравнено съ ними: равно какъ и продолженіе 5-го капихизиса; ибо въ немъ слѣдуютъ молишвы утреннія, вечернія, столовыя, а допомъ, такъ называемая, *домашняя таблица* Люшера, представляющая мѣста изъ св. писанія о должностяхъ каждая соспоянія. Сіюжь таблицу помѣстилъ Г. Фахеръ при самомъ концѣ своей книги изъ самыхъ давнихъ капихизисовъ Лапышскаго и Линовскаго, изъ новѣйшаго Линовскаго и изъ Са-

могицкаго Новаго Завѣта. Къ сожалѣнію по причинѣ малой величины (въ 8—ку) своей книги онъ не могъ помѣстить ихъ на одной страницѣ съ Прусскимъ, для сравненія вдругъ сихъ языковъ между собою. Третій Капихизисъ Прусскій оканчивается брачною и крестильною книжкою, послѣ чего пошчасъ слѣдуетъ, какъ извлечение изъ цѣлаго 3-го капихизиса, грамматика давняго Прускаго языка, на 32-хъ страницахъ. — Заимствовавъ многое изъ грамматики въ историческомъ вступленіи и при изъясненіи словъ порознь, долженъ я имянно при названіи грамматики изъяснивъ сожалѣніе, что Г. Фаперъ не обращалъ болѣе вниманія на давнѣйшіе капихизисы. Въ семъ отношеніи находится между ними разительная разность; на прим. въ нихъ членъ гораздо меньше употребляется, какъ мы видѣли въ 3-хъ словахъ, нами приведенныхъ. (Въ подлинникѣ здѣсь приводятся примѣры). А потому непонятно, какъ нашъ писатель, на стр. XVIII въ примѣчаніи къ своему вступленію, могъ сказать, что въ давнѣйшихъ капихизисахъ нѣтъ другихъ

окончаній словъ, кромѣ шѣхъ, какія въ переводѣ *Вилла* (Vill); что лишь иногда встрѣчающіяся *tz* вмѣсто *ts*, *sch* вмѣсто *s*, *qu* вмѣсто *k*. Еще менѣе пользовался нашъ писатель какъ въ грамматикѣ, такъ и въ словарѣ (состоящемъ только изъ 14 страницъ), оставшимися прудами послѣ *Симона Грунова* (Grunow), о коемъ скажемъ здѣсь нѣсколько словъ: онъ былъ изъ Толкемиша, въ Помереліи, недалеко отъ Элбинга; принадлежалъ къ духовному ордену проповѣдниковъ (предикантскому), а жилъ наиболѣе въ Данцигѣ. Онъ писалъ пространную Прусскую Хронику на Нѣмецкомъ языкѣ, доведенную до его времени, т. е. до 1524 и посвященную Польскому Королю Сигизмунду I. *Лука Давидъ* (Lucas David) за нѣсколько лѣтъ предъ симъ напечатанный Г. Геннинггомъ, не весьма хвалитъ Грунова, хотя и много пользовался его сочиненіемъ. Клагій же (Clagius), въ книгѣ *Linda Mariana*, утверждаетъ, что онъ первый изъ Прусковъ въ Исторіи (Pruthenorum primus in Historia), а въ другомъ мѣстѣ называетъ его Княземъ писателей о Пруссіи, (in-

ter rerum Prussicarum Scriptores facile princeps).

Ни въ одномъ изъ оставшихся списковъ сей хроники, даже и въ находящемся въ Валленродской библиотекѣ въ Кенигсбергѣ, нѣтъ послѣднихъ ея словъ; причиною тому Валленродской Библиотечарь Фолбрехтъ (Vollbrecht) въ книгѣ, подъ названіемъ: Erläutertes Preussen — Объясненная Пруссія, Т. II. стр. 384. полагаетъ то, что онъ (Грунау), извѣстенъ будучи, какъ ревностный врагъ начинавшейся въ Пруссіи переменны, вѣроятно написалъ въ оныхъ 2-хъ главахъ что либо такое, что не могло понравиться Кн. Албрехту. Но что Грунау не менѣе былъ свѣдущъ въ языкѣ Прусаковъ, какъ и въ исторіи ихъ, доказываеишь слѣдующимъ его приключеніемъ, которое описалъ Гарпкнохъ (въ XI Диссертац. стр. 176). „Въ нѣкоторой Прусской деревнѣ случилось ему войти въ одну избу; въ которой мужики, будучи еще пополамъ съ язычниками, приготоовлялись весьма шайно праздновать строго запрещенное жертвоприношеніе козла. Они бросились бы-

\*

ло, чѣмъ убить споль неожиданнаго и не кшаши пришедшаго гостя. Но когда онъ заговорилъ къ нимъ Прусскимъ ихъ языкомъ, по они весьма обрадовались, кричали: *ста нѣссенѣ Рикѣ, нѣссенѣ Рикѣ*, это нашъ господинъ, нашъ господинъ! и удовольствовались его клятвою во имя Перкуна (Перуна), чѣмъ онъ не предасть ихъ Епископу; послѣ чего онъ былъ спокойнымъ зрителемъ всего обряда, который и описалъ. Споль искуснаго въ Прусской испоріи мужа всякій памятникъ долженъ быть шѣмъ драгоцѣннѣе, чѣмъ онъ писалъ за 20 лѣтъ прежде первыхъ календаріевъ, и за 40 лѣтъ до изданія 3-го; зналъ Прусаковъ и разговаривалъ съ ними въ то время, когда еще опчати сохранялись у нихъ и языческіе обряды. При сближеніи упадка, особенно же неписаннаго языка, 40 лѣтнее время очень важно. Гаршкнохъ самъ говоритъ о немъ въ изящномъ своемъ сочиненіи *Altes und neues Preussen* (древняя и новая Пруссія): „Груновъ весьма обстоятельно зналъ давній Прусскій языкъ, попому мы всѣ должны ему вѣрить и

семь отношеніи, шѣмъ болѣе, что шеперь  
нѣтъ никого на свѣтѣ, кто бы могъ по-  
хвалиться основательнымъ знаніемъ онаго;  
ибо нынѣ (во 2-ой половинѣ 17 вѣка) онъ  
совсѣмъ испребился; едва нѣсколько про-  
сшолоудиновъ въ разныхъ мѣстахъ Сам-  
біи покамѣстъ разумѣютъ оный; нѣтъ  
уже ни одной деревни, въ которой бы  
всѣ покрайней мѣрѣ могли понимать сей  
языкъ (стр. 73 и 91). Недовольно также  
ясно говоритъ намъ Г. Фашеръ о лицѣ  
Авеля Вилла, упоминая только, что  
былъ паспоромъ въ Самбіи; что, по пре-  
дисловію его, онъ одинъ шрудился надъ  
переводомъ 3-го кашихизиса; что конечно  
Князь и совѣтники его умѣли надле-  
жащій учинить выборъ переводчика; —  
впрочемъ не имѣлъ онъ надобности при-  
водить и самое предисловіе его, поелику  
нѣтъ въ немъ ничего относящагося къ  
языку. — А по тому намъ не извѣстно,  
имѣлъ ли Вилль, и какого рода, уполномо-  
чение отъ власши? Не знаемъ, какъ при-  
нятъ и уважаемъ былъ его переводъ; ка-  
кая могла бы быть причина сей неслы-  
ханной рѣдкости ошписковъ 3-го кашихи-

хизиса, когда не споль ярудно достать описки давнѣйшихъ? Для чего Гарпкнохъ, Дилленшалъ и пр. не упоминають о Вилль и его кашихизисъ? Для чего, при споль важномъ разборѣ, довольснвующся единснвенно двумя давнѣйшими? Здѣсь не достасить намъ подобныхъ свѣденій, каковыя мы съ удовольснвиемъ находимъ въ предисловіи ко 2-му кашихизису. А пощому, въ чемъ 3-й кашихизисъ не сходенъ съ предыдущими, или, что имѣеть излишнее, въ помъ мы видимъ шолько языкъ *Вилла*, какой онъ знаетъ, кошорый починалъ въ свое время и въ своей округѣ Прусскимъ языкомъ. А пощому сей языкъ не былъ языкомъ Прусаковъ, воевавшихъ съ Мазовскимъ Княземъ *Конрадомъ*, а еще менѣе языкомъ воевавшихъ съ *Болеславомъ Храбрымъ*. Трудъ Вилла превосходитъ давнѣйшіе кашихизисы шолько тѣмъ, что съ прибавкою изложенія Люшера проснраннѣ ихъ, а пощому представляеть болѣе припасовъ, нежели оныя очень малыя книжки; но, исключивъ изъ нихъ почти безпреспанно повшоряемыя шѣже слова, не много чего

болѣе останешся. Изъ нашего же разбора всѣхъ 3-хъ капихизисовъ, оказываешся, что почти каждое слово можно произвести или отъ Славенскаго или отъ Нѣмецкаго языка, или отъ общей смѣси разсѣянной въ Европѣ и Азїи; ибо мы оставили только 4 слова безъ производства *bandyt, pinskwam, pattiniskan, smunint*, но и изъ сихъ 3-хъ первыя суть исключительною общенностию давнѣйшихъ капихизисовъ, а только 4-е общее съ ними находящяся и въ 3-мъ капихизисѣ. Симвъ разборомъ подтверждаю также мнѣніе основательнаго *Арта*, что Латышскій языкъ, подъ который онъ подводитъ и давній Прусскій, произошелъ изъ смѣси Славенскаго и Готскаго (стр: 99); Латышскій и Липовскій языки, продолжаешъ онъ, подобны въ строенїи своему Славянскому, а потому (?) и Липинскому. Большая часть ихъ словъ очевидно происходитъ изъ Славенскаго; но много также изъ Германскаго; другія болѣе приближающяся къ Липинскому, наконецъ находящяся и такія, которыя не относятся ни къ какому изъ нынѣшнихъ Евро-

пейскихъ, но къ разнымъ Азіатскимъ, копорыя, можель быль, также находились въ какомъ либо древнемъ Голѣскомъ, или Славенскомъ нарѣчїи, изъ смѣшенїя коихъ произошелъ Лапышскїй языкъ., Наконецъ (наспр. 250) онъ же Аришь заключаетъ, что давнїе Прусакї, или Порусы (Porufsi) около тысячнаго (1000) года были удѣльной народъ Лапышской, а Нѣмецкими, или Кресповыми рыцарями, (Крижаками) обращены въ Хрисціанство, сдѣланы рабами и отчасти Нѣмцами. Къ сему я присовокупляю, что ежели мнѣніе Длугоша „ Прусскїй народъ имѣетъ особенный языкъ (Pruthenogum gens habet speciale idioma)“ должно быль рѣшительнымъ, то изъ сего слѣдуешь простое заключенїе, что языкъ, о коемъ говоришь нашъ почтенный историкъ, долженствовалъ быль весьма отличнымъ отъ находящагося въ кашихизисахъ, а наипаче въ 3-мъ, и сему тѣмъ менѣе должно удивляться, когда между временемъ Длугоша и оныхъ кашихизисовъ протекло 80 лѣтъ.

Но сверхъ того сдѣлаемъ себѣ общїй вопросъ: *Книга такого рода, какъ сей Ка-*

тихизисѣ, можетъ ли быть почитаема какъ бы представительницею того языка, на которомъ она издана? Она не была сочинена первообразно (оригинально) на природномъ языкѣ сочинителя, но переведена съ иностраннаго, шѣмъ съ большимъ трудомъ, что въ ней содержатся вовсе новыя понятія для шѣхъ, для коихъ она издана; и потому оныя понятія не могли имѣть свойственныхъ имъ на семъ языкѣ названій; необходимость заставляла вводить множество словъ, переданныхъ съ чужихъ языковъ (макаронизмовъ); отъ сего допущена понуждѣнная перемѣна значеній словъ; отъ сего словосочиненіе употреблено такое, какаго еще не было въ семъ необразованномъ языкѣ; однимъ словомъ, отъ сего вліяніе иностраннаго языка, превосмогающее и затмѣвающее и то, что еще могло бытъ истиннымъ природнаго языка памяникомъ. Съ другой же стороны такая книга, какъ Калхизисъ, не только по малости своей, но шѣмъ болѣе по содержанію своему, не можетъ заключать въ себѣ сколько числа словъ, сколько

выраженій, составляющихъ истинное свойство языка, дабы она по крайней мѣрѣ въ нѣкопторой полнотѣ, могла намъ представлять оный языкъ. Прусаци, народъ сперва языческій, въ копторомъ еще и въ началѣ 16-го вѣка, какъ явствуетъ изъ приключенія Грунова, осправлялись языческіе обряды, имѣль свою мифологию; а поному имѣль многія слова, копторыя не могли бытъ упопреблены въ Кашихизисѣ. Такому же жребію подвергнулись слова военныя, торговыя, не говоря о земледѣльческихъ, хозяйственныхъ и проч. При томъ же, когда сія страна, обитаема будучи давними Прусачами, подобно другимъ испытала разныя перемѣны, сильно дѣйствующія и на измѣненіе языка, а наипаче неуспвержденнаго писаніемъ, то языкъ ихъ долженствовалъ бытъ весьма отличнымъ отъ языка времени Болеслава Храбраго, Князя Мазовскаго, Конрада и отъ бывшаго при своемъ упадкѣ въ началѣ 16-го вѣка при Князѣ Албрехтѣ; т. е. долженствовалъ испытать по крайней мѣрѣ три главныя измѣненія, не считая прежнихъ до Храбра-

го, которыя затрудняютъ Гаршкноха въ сочиненіи его: *Древняя и новая Пруссія*. Въ отношеніи къ первоначальной исторіи сего языка немалое затрудненіе происходитъ отъ того, что, какъ самъ Г. Фаверъ признается, во времена Крестовыхъ Рыцарей Прусаци между Вислою, Преглемъ и Нѣмнемъ раздѣлялись на 11-ть колѣвъ, находившихся въ наружной между собою связи и въ сношеніяхъ единственно лишь для общей защиты своей отъ непріятельскихъ нападений. Какъ же можно здѣсь представить себѣ, чѣмъ 11-ть колѣвъ, или племянъ, живущихъ отдѣльно другъ отъ друга, могли употреблять общій языкъ? Не слѣдуетъ ли болѣе заключить изъ сего, что каждое изъ нихъ употребляло смѣшанный, въ которомъ имѣлъ перевѣсъ ближайшій сосѣдственный, какъ сіе показываютъ слѣды въ 16-мъ в. и даже самой разборъ Кашихизисовъ. Въ нихъ замѣчено нами только различіи между нарѣчіемъ Прусскимъ въ Самбіи, Надравіи, Судавіи, Шалавіи, около Велявы, Наманги; о семъ также сказано и въ предисловіи къ 2-му

капихизису. Г. Фаперъ, послѣдуя мнѣнію ученаго *Лерберга* (*Lehrberg*), считаетъ пущымъ вымысломъ Дюйсбурговымъ верховнаго у Прусаковъ жреца подъ названіемъ *Крисе* и даже подвергаетъ сомнѣнію храмъ въ *Рамовѣ*. По сему спрашивается: чтоже оныя 11-ть племянь могло соединять общимъ языкомъ, или привести къ такому соединенію, а наипаче въ неграмошномъ вѣкѣ?

Еслиже сдѣланныя мною замѣчанія, извлеченныя изъ самаго разбора сочиненія Г. Фапера, не безъосновательны; то изъ сего слѣдуемъ, что сочинитель далъ оному несвойственное заглавіе: *языкъ давнихъ Прусаковъ, вступленіе, памятники, грамматика, словарь*. Самъ Г. Фаперъ почувствовалъ, что 3-й капихизисъ, а я присовокупаю, что и всѣ три немогутъ быть достапочнымъ памятникомъ, дабы извлечь изъ нихъ строеніе давняго погибшаго языка Прусаковъ. Сіе явствуетъ изъ того, что на стр. 145 и 146. онъ помѣшилъ 74 имени собщвенныхъ Зимландскихъ, конца 13-го вѣка, изъ записокъ, находящихся въ шайной Кенигсбергской

иешрикѣ, и объясняешъ оныя по съ Литовскаго, по съ Лапышскаго; но ни одного изъ нихъ не объявляешъ за особенно Прусское, разное съ сими языками. Припомъ же сочинилъ на стр. XXI своего вступленія упоминаешъ, что въ мѣжевомъ раздѣлѣ Самбіи между Кресповыми Рыцарями и Епископомъ около 1350 г. находящяся названія мѣспъ, кои безъ всякаго сомнѣнія суть давнія Прускія, но жалѣешъ, что не прибавлены Нѣмецкія названія, а попому и здѣсь сознаешъ недостатокъ извлеченія точныхъ слѣдствій относительно языка давнихъ Прусковъ изъ одного Капихизиса.

Посему, нелучше ли бы поступилъ нашъ сочинилъ, если бы ученому и весьма прудолюбиво собранному сочиненію своему далъ другое названіе, на примѣръ: разборъ капихизиса Прускаго въ 1561 г. *Авелелѣ Виллолѣ* изданнаго, съ заключеніями о строеніи языка давнихъ Прусковъ? Но и подъ симъ, или подобнымъ названіемъ, надобно было строго сравнивать всѣ 3 капихизиса, воспользовавъ *Груновымъ* и *Преторіемъ*, собравъ все,

что въ семь отношеніи *Гарткнохъ и Ли-  
лиенталь*, въ сочиненіяхъ *Erläutertes Preuf-  
sen, Preussische Zehnten, и Acta Borussia* помѣ-  
стили; прибѣгнувъ къ упомянутымъ мною  
сочиненіямъ *Монсвидія и Вилленцуса*, не  
пренебрегая никакихъ слѣдовъ, являющихся  
послѣ испориковъ, а именно неизчерпае-  
мыхъ источниковъ, хранящихся въ Ке-  
нигсбергской шайной мешприкѣ, наипаче же  
имѣвъ въ виду Прусскую эпоху до Хри-  
стіанства, дабы по крайней мѣрѣ съ до-  
шновѣрностію можно было сказать: „все  
собрано, что только нынѣ можетъ по-  
дать намъ свѣденіе о погибшемъ языкѣ  
давнихъ Прусаковъ.“



---

# ЛИТЕРАТУРА.



А.

П Р О З А.

НЪЧТО ОБЪ ОМЕРЪ.

---

Съ новымъ воспоргомъ читалъ я о-  
пяшь переложеннаго Е. И. Коспровымъ  
и Н. И. Гнѣдичемъ Омера. Не буду гово-  
ришь, копорому изъ нихъ принадлежишь  
пальма. Оба обезсмерпили себя перево-  
домъ безсмертнаго. — Всѣ просвѣщен-  
ные народы имѣюшь Омера на своемъ  
языкъ; недоспавало долго сего опца поэ-  
зи на нашемъ. Теперь не только желанія  
всѣхъ ученыхъ, но и народное наше лю-  
бочеспие удовлетворены въ полной мѣ-

рѣ. — И на Сѣверѣ гремишь сія, Музами  
 самими наспроенная, лира огненнаго  
 Пинда. — Много размышлялъ я о труд-  
 ностяхъ, предспоявшихъ переводчикамъ  
 — кого же — Омера. Не довольно глубока-  
 го знанія обоихъ языковъ; надобно, чшобъ  
 переводчикъ былъ поэтъ и Греческой и  
 Россійской, чшобъ умѣлъ переселять на  
 свой красолу, кошорая, какъ нѣкое невиди-  
 мое дуновеніе, ощущается лишь въ  
 швореніи самага творца Уже давно ска-  
 заль Св. Іеронимъ: (\*) „Кшо не хочеть  
 вѣришь, чшо чрезъ переводъ теряется  
 первородная прелесть оригинала, шшбъ да  
 бшважится перевестъ Омера. Все будетъ  
 смѣшно; и первый, краснорѣчивѣйшій и  
 благозвучнѣйшій изъ всѣхъ поэшовъ сдѣ-  
 лается даже несноснымъ.“ Я вѣрю Св. Іе-  
 рониму; ибо я чшпалъ шакже Французска-  
 го. Богатство Эллинскаго языка и бѣд-  
 ность Французскаго — какая прошивопо-  
 ложность! Чшо на одномъ сила, шш на дру-  
 гомъ безсиліе; и если перевестъ значишь  
 усыновишь иноземца, шш Омеръ никогда не

---

(\*) In Praefac. Chronic.

будеть жить и пользоваться правомъ гражданства въ скудной Галліи. Всѣ красоты его тамъ поблекнууть. — Сверхъ безчисленныхъ, онъ, на примѣръ, каждому божеству, каждому герою своему присвоивалъ приличный, украшающій эпитетъ, какъ то: быстроногій Ахиллъ, бѣлоплечая Елена, глубокая Юнона и проч. Всѣ сіи сложныя слова, на языкѣ Омера испинныя липла, сопричастныя имени и лицу каждаго, по обильности и сходству нашего съ Греческимъ, переведены точно такъ; на Французскомъ же перяютъ они всю свою красоту, и не могутъ нравиться, наприм: *Achille aux pieds légers; Hélène aux épaules blanches; Junon aux grands yeux bleux;* а между тѣмъ всѣ сего рода выраженія живописуютъ. Потому то Лаопы, Перольпы, не постигавшіе неподражаемой гармоніи, тонкой гибкости, идеала, обработаннаго въ совершенствѣ, эстетическаго языка, дерзали находить въ изяществѣ генія какія то грубыя погрѣшности. — Близорукіе хотѣли видѣть пашна въ семь солнць Эллады. — Впрочемъ языкъ Франциска XVIII. Кн. III.

дузскій — сынъ Лапинскаго, который и самъ никогда не достигалъ той степени оригинальнаго совершенства, на которой блисталъ Греческій. Древній Римъ, подвизаемый ненасытною алчностію ко всеобладанію, устремлялъ непрерывнымъ звукомъ бранной трубы своей робкихъ Музъ, укрывавшихся подъ тихое небо уединеннаго Парнасса (\*); самъ, первый, глубокомысленнѣйшій наставникъ Римскаго краснорѣчія, Квинтилианъ (\*\*), признаешь недоспапчностъ своего языка и возноситъ превосходство Греческаго. Напроривъ Славянская словесностъ издревле была въ тѣсномъ сношеніи съ опечесствомъ Омера, Софокла, Пиндара, Анакреона и Сафы; Христіанская Греція озарила Россію первымъ лучемъ свѣта Евангелія; священное писаніе и поучительныя слова Боговдохновенныхъ вишій церкви были преложены съ Эллинскаго на Славянскій; богатства и красо-

---

(\*) Смори жалобы на сіе Тацита въ жизни Агриколы гл. 1. и 2.

(\*\*) Quintiliani Inst. orat. XII: 10.

ты обоихъ слились вмѣстѣ, и Славяно-Россійской явился во всемъ блескѣ и величїи. — Навсегда переводъ Иліады пребудешь пророкеемъ обоихъ нашихъ поэтовъ — липераторовъ, и памяшникомъ достоинства, силы, красоты и богатства Рускаго слова.

Обращуся еще къ Омеру и скажу: все плѣняетъ въ немъ, даже и проспой сей рассказъ: Неспоръ переспалъ говоришь, и его еще слушали (\*).

Желательно, чтобы наши испинно ученые обогащали словесность нашу подобными сокровищами классической древности, лучшими средствами къ усовершенствованію отечественнаго языка. Мы можемъ похвалиться, что вкусъ

(\*) См. 10 пѣснь Иліады:

Ὡς ἔφαθ'· οἱ δ' ἄρα πάντες ἀκὴν ἐπέ-  
 νυντο σιωπῇ.

Sic dixit, illi vero omnes taciti facti sunt  
 silentio.

Въ заключенїи рѣчи Неспора, въ кошп-  
 рой убѣждаетъ Грековъ послашь Улисса  
 и Дїомида для обозрѣнїя Троянской арміи.

\*

нашъ изъ колыбели возникъ съ чудесною быспрошою до возмужалости. Какой пантеонъ знаменитыхъ писателей представляется уже зрѣнію нашему! Но признаемся, что образцы древности, въ златые ея эпохи, могли лишь породить таковой феноменъ на нашемъ горизонтѣ. Безъ Омера, Виргилія и Горація не имѣли бы мы Ломоносова и Державина. Подражая великому Омеру, Виргилій возвеличился и самъ, и всѣ вѣки, послѣ Августа, не произвели другаго подражателя. — Желательно также еще, чтобы мы оградили себя отъ наводненія такихъ иностранныхъ книгъ, которыя исказили и нашъ слогъ и нашъ вкусъ. — Такъ некогда Моавитяне осылали распутныхъ женъ и дѣвъ въ непріятельскій Іудейскій станъ для развращенія нравовъ. — Пропивъ сей заразы вооружается Нѣмецкій писатель Сульцеръ, и я оканчиваю его словами (\*): „въ существѣ языкъ ничто „ иное, какъ умъ и хорошій вкусъ, пре-

---

(\*) Sulzer in der Allg. Theorie der schönen Künste Art Künste. S. 63.

„ образованные въ тѣлесные знаки. Поче-  
 „ му же такое важное дѣло ошдано на  
 „ произволь случая, или каждой сумаз-  
 „ бродной головы? Не надлежало ли бы  
 „ опредѣлить закономъ наказанія за вся-  
 „ кое искаженіе искусства? Какимъ обра-  
 „ зомъ могутъ изящныя искусства сдѣ-  
 „ латься истинно полезными, когда каж-  
 „ дому невѣжѣ дана свобода упогрблять  
 ихъ во зло? “

N. N.



---

Б.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

БОГДАНЪ ХМЪЛЬНИЦКІЙ.



Средь мрачной и сырой темницы,  
Куда лишь въ полдень проникаль,  
Скользя по сводамъ, лучь денницы  
И ужась мѣспа озаряль, —  
Въ цѣпяхъ, и грозный и угрюмый,  
Лежалъ Хмѣльницкій на землѣ;  
Въ немъ мрачныя кипѣли думы  
И выражались на челѣ . . .



Темницы мертвое молчанье  
Ни шепотъ, ни вздохъ не нарушалъ;  
Надежду месши и сираданье  
Герой въ груди своей пишалъ.  
“Такъ, шакъ, онъ думалъ, часъ настанешъ!  
Освобожденный онъ оковъ,

Забытый узник бурей грянешь  
 На пришельцев — враговъ.

---

Опмстишь холодное презрѣнье  
 Къ священнѣйшимъ правамъ людей;  
 Опмстишь убійства и хищенье,  
 Безчестье женъ и дочерей!  
 Позорныя разрушишь цѣпи  
 И, рабства сокруша кумирь,  
 Вновь водворишь въ родныя степи  
 Съ святой свободой тихій миръ.

---

Покроешь ржа враговъ кольчуги  
 И прахъ ихъ въперъ разнесешь,  
 Заснонуешь нѣжныя супруги  
 И мать дѣтей не обоймешь!  
 Но гдѣ о вольности мечтаю?  
 Увы, въ шемницѣ дни влача,  
 Свой вѣкъ, бышь можешь, окончаю  
 Опъ рукъ презрѣнныхъ палача!

---

И долго, можешь бышь, спеная  
 Подъ тяжкимъ бременемъ оковъ,  
 Хмѣльницкаго спрана родная  
 Пребудешь жершвою враговъ!“ —  
 Чела спрадальца видъ суровый  
 Усугубился съ думой сей —

И на заржавыя оковы  
Упали слезы изъ очей.

Вдругъ слышишь: загремѣли шпоры;  
Со скрипомъ дверь отворена;  
И входишь, пошупляя взоры,  
Младая, робкая жена.  
„Бѣги отсель, произносишь: —  
Въ душѣ любви пылаа жарь,  
Жена Цаплицкаго приносишь.  
Тебѣ съ рукой свободу въ дарь.

Вопь мечь... — Мой мечь, онъ восклицаетъ,  
Живъ Богъ!... Страшися врагъ — злодѣй!  
Заря свободы засяетъ  
Ошь блеска мстительныхъ мечей! —  
Сребрила доль царица ноши,  
Въ брега волною Днѣпръ плескалъ;  
Оцѣнивъ удила, у роши  
Неперѣливый конь споялъ.

Герой вскочилъ, веселья полный,  
Лешилъ — и зришь поля опцовъ,  
И вокругъ него, какъ моря волны,  
Рои шолпяшся Козаковъ.  
„Друзья, онъ къ храбрымъ восклицаетъ,  
За мной, чью грудь волнуешь мечь,

Кто рабству смерть предпочитаетъ,  
Кому всего дороже честь!

— — —

Самъ Богъ поборникъ угнѣшеннымъ!  
Вожди — рѣшительность и я!  
На встрѣчу ко врагамъ презрѣннымъ,  
На *Водахъ Желтыхъ* (\*), друзья! —  
И вопль сошлись два народа . . .  
И съ яростью вступили въ бой  
Съ пиранствомъ бодрая свобода,  
Кипя отвагой молодой.

— — —

Сарматъ и храбрый и надменный  
Вошце упорствовавъ холмѣль;  
Вошце разбишый, побѣжденный,  
Бѣжалъ мечей и мѣшкихъ спрѣль.  
Преслѣдуя, какъ Ангель мщенья,  
Герой вездѣ враговъ сражалъ,  
И шрупы ихъ безъ погребенья  
Волкамъ въ добычу размещалъ . . .

*К. Рыльцевъ.*

---

(\*) Въ Маѣ 1648 года одержана Хмѣльницкимъ при Желтыхъ Водахъ первая побѣда надъ войсками Республики Польской, бывшими подъ начальствомъ Степана Пошоцкаго.

## ОДИНОЧЕСТВО.

*Изъ Ламартина.*



Какъ часто, бросивъ взоръ съ утесистой вер-  
шинны,  
Сажусь, задумчивый, въ пѣни деревь густой—  
И разовьются предо мной  
Разнообразныя вечернія картины!

Здѣсь пѣнился рѣка, долины красота,  
И щедро въ мрачну даль за ней стремились  
око;  
Тамъ дремлющая зыбь лазурнаго пруда  
Свѣплѣетъ въ тишинѣ глубокой.

Зари послѣдній лучъ еще примѣшно бродитъ  
По темной зелени деревь;  
Луна медлительно къ полуночи восходитъ  
На колесницѣ облаковъ.

И съ колокольни одинокой  
 Разнесся благовѣспъ пропяжной и глухой;  
 Прохожій слушаепъ — и волоколь далекой  
 Съ послѣднимъ шумомъ дня сливаепъ голосъ  
 свой.

Прекрасный міръ! — Но восхищенью  
 Въ изсохшемъ сердцѣ мѣсна нѣспъ!...  
 По чуждой мнѣ землѣ скишаюсь сирой нѣвяю,  
 И мершваго согрѣспъ безсилень солнца свѣспъ.

Съ холма на холмъ скользишъ мой взоръ  
 унылой,  
 И гаснепъ медленно въ ужасной пустошѣ;  
 Но, ахъ, гдѣ встрѣчу шо, чшобъ взоръ оста-  
 новилор?  
 Весь міръ передо мной — но счастья—нигдѣ!...

И вы, мой поля и рощи и долины,  
 Вы мершвы! И опъ васъ духъ жизни улешѣлъ!  
 И чшо мнѣ въ васъ шеперь, бездушныя кар-  
 пины!...  
 Нѣспъ въ міръ одного—и міръ весь опусшѣлъ!...

Вспаепъ ли день, ноцныя ль сходяпъ шѣни,  
 И мракъ и свѣспъ равно пропяжны мнѣ...  
 Моя судьба не знаетъ измѣненій —  
 Вся вѣчноспъ горести въ душевной глубинѣ!

И долголь спраннику помилъся въ започеньѣ?  
 Когда на лучшій міръ покину дольній прахъ!...  
 Тотъ міръ, гдѣ вѣшь сиротъ, гдѣ вѣрѣ ис-  
 полненъе —  
 Гдѣ солнце истины въ неплѣнныхъ небесахъ?...

Тогда — быть можеть — прояснитъся  
 Надеждъ спасительныхъ таинственный пред-  
 метъ,

Къ чему душа и здѣсь еще стремишя  
 И шокмо шамъ, въ опчизнѣ, обойметъ?...

Какъ свѣшло сонмы звѣздъ пылають надо  
 мною,

Живыя мысли божеспва!\*

Какая ночь стуспилась надъ землею,  
 И какъ земля, въ виду небесъ, мерпва!...

Вспають гроза и вихрь — и лисъ крушятъ  
 пуспынный;

И мнѣ, и мнѣ, какъ мерпвому лиспу,  
 Пора изъ жизнейной долины —  
 Умчипе жъ, бурныя, умчипе сироту !. . .

Н. Тгвб.



---

## ПОСЛАНИЕ ПОЭТУ.

---

Что ласки въпренаго счастья  
И прелести всѣхъ его даровъ? —  
Очарованье легкихъ сновъ  
И наслажденье . . . безъ участья!  
Есть для души запасъ другой,  
Ея вѣрнѣйшее спяжаніе:  
Богаство чувствъ, воспоргъ живой  
И необъятное желанье.  
Со всей Природой говоришь.  
Пускай, по прихопи Фортуны,  
Въ пусынной тѣмѣ я буду жишь:  
Я буду двигашь сердца спруны  
И вопрошаешь безмолвный лѣсъ;  
Тамъ облегчаешь мое спраданье —  
И легкихъ листьевъ шрепешанье  
И свѣшь чужь видимыхъ небесъ.

Вопшь счастье наше, Б . . . ой! —  
Пропивъ себя воюешь Рокъ:  
Что въ сей войнѣ свершишь онъ могъ.  
Своею силой исполинской?  
На зло ему, какъ счастливы ты  
Своей возвышенной душою  
Въ странѣ ужасной пуспоты —

Гдѣ шолько длиною грядою  
 Скалы граничныя спояшъ,  
 Гдѣ шолько мрачныя шумяшъ  
 На камняхъ выросшія ели,  
 И гдѣ свисныя мятели  
 Не умолкають круглый годъ —  
 Ты пѣль живое наслажденье,  
 Души воспоргъ и упоенье;  
 Тебѣ незыблемый оплошь  
 Противъ несчастій сердце было;  
 Ты всю ошраду видѣлъ въ немъ —  
 И въ гордомъ шрепешъ своемъ  
 Оно тебѣ не измѣнило.

Пой, милый другъ! Достоинъ будь  
 Души прекраснаго спяжанья!  
 Къ тебѣ лепяшъ друзей желанья —  
 Лишь ихъ и Музь не позабудь!  
 И въ шипинѣ уединенья,  
 Гди сладкомъ звукѣ спрунъ своихъ,  
 Мечтай съ веселіемъ о нихъ  
 И не спрашисъ рѣки забвенья!  
 Когда прекрасныхъ дней твоихъ  
 Прервенся нишь рукою Парки:  
 На шихій гробъ швой ихъ рука  
 Положишь свѣжихъ два вѣнка —  
 Анакреона и Пешпарки.

*Плетневъ.*



## МОЙ ДОМИКЪ.



За далью шуманной,  
За дикой горой  
Споишь надъ рѣкой  
Мой домикъ проспой.  
Для знапи жеманной  
Онъ заперъ ключемъ;  
Но горенку въ немъ  
Ошвель я веселью,  
Любви и бездѣлю:  
Они берегущъ  
Мой скромный пріющъ.  
Дана имъ свобода  
Въ куснахъ огорода,  
На злакѣ луговъ  
И древнихъ дубовъ  
Въ шѣни молчаливой —  
Гдѣ, спруйкой игривой

Сверкая, бѣжитъ,  
Бѣжитъ и журчитъ  
Ручей пограничной —  
Съ заботой, привычной  
Порхашь и леташь  
И пѣсню сладкой  
Въ мой домикъ украдкой  
Друзей прикликашъ.

— Д. —





Кому жъ голоднымъ бышь, поварищъ подхва-  
шилъ? . . .

„А вошь кому, сопутникъ возразилъ:

Мы оба ляжемъ спать; кому жъ приснился  
Прятный сонъ, за шѣмъ и куропахкѣ бышь  
Безъ жеребья и спора!“ —

На исполненіе шакаго уговора

Согласенъ я; чуръ же, поварищъ, не забышь!  
Условились друзья, и оба во свѣплицу

Ошправились сномъ мирнымъ почиватьъ.

Но странниковъ Морфей недумалъ навѣщатьъ:  
Голодные безъ сна привѣпспвуютъ денницу;  
Занявшись мечтой, слагаютъ небылицу,  
Чтобы за выдумку награду получитьъ.

Сошлись наконецъ другъ друга изумишь,

И первый спалъ съ воспоргомъ умиленья  
Рассказываешь свои волшебны сновидѣнья :

Мнѣ снилось, говорилъ, что будто бы судьбой  
Благой, непосстижимой

Я взяшь былъ ошъ земли; что будто предо  
мною

Предсталъ вдругъ новый мѣръ, никѣмъ досель  
незримой,

И разтворилися чудесныя врата,

И я узрѣлъ Эдемъ, жилище правовѣрныхъ.

Я видѣлъ Гурій шамъ, копорыхъ красота  
Плѣнила взоръ мой изумленный.

Я внѣ себя забылъ

И пестрые луга, и пажити съ спадами;

И седы, и града съ богатыми дворцами,

И въ райскую сію обитель поспѣшилъ! . . .

„Такъ, шакъ, я видѣлъ самъ, поварищъ под-  
хвацилъ,

„Какъ другъ и спутникъ мой въ Эдемъ пере-  
носился;

„И эшо мнѣ,

„Какъ наяву, все видѣлось во снѣ.

„Въ воспоргѣ радости совсѣмъ я позабылся:

„Счастливецъ, думалъ я, навѣкъ шамъ по-  
селился;

„Не возвращишя къ намъ Эдема мирный  
сынъ,

Мечталъ я о себѣ въ часъ сладкаго забвенья;

„И, пробудясь опшъ усыпленья,

„Всю куропашку съѣлъ одинъ!“

*Ал. Дуронъ.*



---

# С М Ъ С Ъ.

---

## СИДЕРОГРАФІЯ.

---

Американецъ Перкинсъ нашелъ средство размягчать спаль шакъ, что на ней можно работать рѣзцомъ еще лучше, нежели на мѣди. Какъ скоро на шакъ спальной доскѣ что нибудь вырѣзано, то Перкинсъ другимъ извѣстнымъ ему способомъ приводитъ ее снова въ состояніе чрезвычайной твердости, не вредя однако же шѣмъ нимало и самымъ почтеннымъ чершамъ, рѣзцомъ проведеннымъ. Послѣ того по сей доскѣ, посредствомъ новаго изобрѣшеннаго имъ пресси, производящаго чрезвычайно сильный напискъ, проводитъ онъ цилиндръ изъ размягченной спали, чрезъ что все вырѣзанное на доскѣ переходитъ и на цилиндръ съ шую только разношійю, что вырѣзанныя тамъ мѣша дѣлающ-

ся уже здѣсь выдавшимися. Такой цилиндръ приводился опять въ швердое соспояніе и гошовъ къ упоіребленію. Подобнымъ образомъ и посредствомъ того же пресса рисунокъ его переводился на мѣдную доску, копорая получаеишь всѣ чертвы, первоначально на спальной доскѣ вырѣзанныя. Весьма въ коропкое время можно надѣлать пакихъ мѣдныхъ досокъ сколько угодно и всѣ онѣ будущь совершенно сходны между собою; а также можно опишиснушь рисунокъ и на доскѣ изъ различной сшали, копорая, будучи попомъ опять сдѣлана швердою, даеишь гораздо большее число хорошихъ оппечашковъ, нежели мѣдь. Равнымъ образомъ можно печашашъ и самымъ цилиндромъ. Для сего покрываюишь его краскою такъ, какъ шо дѣлаеишь на фабрикахъ, гдѣ пригошовляюишь разноцвѣшную бумагу. Очевидно, что сіе изобрѣшеніе въ особенности полезно и выгодно тамъ, гдѣ нужно имѣшь большое число оппечашковъ, ибо при шѣхъ же издержкахъ работа выходишь лучше и совершеннѣе, нежели какъ шо было дѣлаемо до сего времени. Другая важная выгода, имѣ доспавляемая, еишь скоросишь оппечашыванія. По симъ причинамъ это новое изобрѣшеніе можеишь быишь и въ особенности упошребляемо съ пользою для пригошовленія ассигнацій, гдѣ шолько самымъ шоч-

нѣйшимъ сходствомъ всѣхъ оппечашковъ можно оппечашковъ поддѣлываніе, чего никакъ не лѣзя доспигнуть мѣдными досками, копорыя при всякой новой съемкѣ теряюшь уже сходство съ оригиналомъ. Никакой граверъ не въ состояніи сдѣлать совершенно почной копіи съ вырѣзаннаго имъ однажды рисунка, шѣмъ менѣ можешъ это сдѣлать другой. Если вышепоказаннымъ способомъ можно оппечашковъ, то, имѣя у себя подлинникъ, весьма легко оппечашковъ всякую и самую малѣйшую поддѣлку. — По другимъ извѣстіямъ Перкинсъ чепырьмя чловѣками и 36 досками дѣлаешъ въ одну минушу 108, въ часъ 6,000 и въ день 60,000 оппечашковъ — оппечашковъ сперва сіи 36 досокъ на одномъ цилиндрѣ въ 4 фута въ поперечникѣ. — При 17 No Journal of Science, literature and the arts, 1820, изъ коего большею часшію заимствовано сіе извѣстіе, приложена сидерографическая таблица, служащая доказательствомъ, что при оппечашкованіи не теряюшся даже и самыя тончайшія чершы. Перкинсъ въ сообщеніи съ Ферменомъ (Fairman) и Гешомъ (Heath) получилъ патентъ на сіе изобрѣшеніе.

---

## О НОВЫХЪ КНИГАХЪ.



### I.

#### *Завѣщаніе Догерялѣ. Переводъ (\*).*

У насъ много переводящъ книгъ. Хорошо, что ихъ мало еще читаютъ. Полки и прилавки книгопродавцевъ завалены непочатыми изданіями пуспыхъ повѣстей, вздорныхъ романовъ и п. п. Случается, что деревенскіе охотники до чтенія, обольщенные красноглазовыми объявленіями записныхъ подрядчиковъ съ книжной биржи, нарушаютъ покой сихъ опшельниковъ — и нѣсколько экземпляровъ по тряской почтѣ отправляется изъ мирнаго убѣжища столицы въ заглушье какаго нибудь помѣщика: но, вообще говоря,

---

(\*) Продается въ С. П. б. въ Типографіи Воспитательнаго Дома, по рублю серебромъ экземпляръ. Также цѣна и съ пересылкою иногороднымъ.

спрасить къ чтенію бесполезныхъ книгъ у насъ не превратилась въ заразу. Нельзя по-тратить, что жишійскіе хлопоты отвлекаютъ большую часть нашихъ грамотѣевъ и отъ чтенія полезныхъ книгъ. Только мудро еще рѣшится: отъ того ли у насъ мало занимаются хорошими книгами, что не умѣютъ цѣнить ихъ — или отъ того не умѣютъ цѣнить ихъ, что мало ихъ издають?

Какъ бы то ни было, но мы обязанно-стною считаемъ извѣстить небольшое наше число любителей полезнаго чтенія, что вышла въ свѣтъ книжка, которую они не одни, но въ кругу семействъ своихъ, могутъ читать и нѣсколько разъ перечитывать. *Завѣщаніе доктора* справедливо должно называться обзорнымъ важнѣйшихъ случаевъ въ жизни дѣвицъ, гдѣ нѣжностію отца — философа начерпала крапкія, но мудрыя правила, какъ онѣ должны поступать въ сихъ обстоятель-ствахъ. Если бы мы не боялись названіемъ испугать робкихъ нашихъ читательницъ, то сказали бы, что это сокращеніе ихъ *философіи*; потому что каждый полъ и каждый возрастъ долженъ имѣть свою философію, т. е., собраніе истинъ, которыхъ нужно знать, и которыхъ предохраняють насъ отъ невольныхъ заблужденій. Но, къ несчастію, съ имя-немъ философіи почти всѣ, не только дѣви-

цы, привыкли воображать скучныя умозрѣнія и холодныя сиспемы. Ипакъ эпо не философія, но проспо книжка, въ которой объяснено, какъ дѣвицамъ надобно почиташь *религію* и съ другими судить о ней; какъ сохраняшь чистоту *нравовъ и поступковъ* своихъ; какія онѣ должны предпочипашь въ жизни *удовольствія*; какъ поступашь при выборѣ *друзей*; чѣмъ дорожишь въ *любви* и чего искашь въ *супружествѣ*.

При сей книжкѣ еспь прекрасно нарисованная и удачно выгравированная картинка. Чтобы дань чипашелямъ нашимъ поняліе о слогѣ и достоинствѣ перевода, мы приводимъ здѣсь Предисловіе Г. Переводчика.

„ Женщины услаждають гореспь нашу и причиняють множеспво огорченій; онѣ смягчають сердца и дѣйспвуютъ на нравспвенноспъ; онѣ поддерживають и разоряють семейспва.

„ Если мы обратимся ко времянамъ первобытнымъ; шо узнаемъ, чпо женщина была причиною паденія рода человѣческаго; чрезъ нее люди потеряли свою божеспвенноспъ. Если заглянемъ въ очаровашельные вымыслы баснословія; шо увидимъ, чпо красота женщины подала мспшительнымъ Грекамъ благовидный поводъ разрушитъ царспво Троянское. Если раскроемъ испорію; шо найдемъ

многіе примѣры, что отъ женщинъ могуще-  
 ственнѣйшія государства возраспали и по-  
 гружались въ бездну ничтожества. Ипакъ  
 для женщинъ весьма необходимо познаніе лю-  
 дей и умѣніе съ ними обращаться. Но какая  
 предлежитъ трудность достигнуть сего соб-  
 ственнымъ наблюдениемъ и опытомъ! Сколь-  
 ко разъ подвергнешься ошибкамъ и заблужде-  
 ніямъ прежде, нежели попадешь на истин-  
 ный путь!

„Григоръ, Докторъ Медицины въ Эдим-  
 бургѣ, извѣстный сочиненіями его *The com-  
 parative view of the state of man and other ani-  
 mals, и the Essay on the office and duty of a  
 Physician*, руководимуюсь древними и новыми  
 нравоучителями, а также и собственнымъ на-  
 блюдениемъ, въ *Завѣщаніи догтеральб* своимъ  
 легко и пріятно объяснилъ замѣчанія о по-  
 скупкахъ и обязанностяхъ нѣжнаго пола съ  
 самаго вступленія на поприще шумнаго свѣ-  
 та. Онъ показалъ спезю, удаляющую отъ по-  
 рывистаго вихря обворожипельныхъ поро-  
 ковъ, подъ прелестными видами скрывающих-  
 ся. Морелленъ перевелъ сіе Завѣщаніе на  
 Французскій языкъ; любители чистой нрав-  
 ственности одобрили трудъ сочинителя и  
 переводчика: въ Англии и Франціи небольшая  
 книга сія имѣла великій успѣхъ. Желая по-  
 знакомишь милыхъ соотечественницъ съ симъ

прекраснымъ швореніемъ, я изложилъ его по Руски, съ малыми только перемѣнами, сообразно нашимъ нравамъ; и во хопя въ Европѣ между Христіанами, просвѣщенными свяшѣйшею религіею, обычаи почти одинаковы; однако еспь нѣкошорыя слабые ошпѣнки, собспвенно каждому народу принадлежащіе. Да займетъ оно умъ и сердце; да принесетъ пользу и удовольствіе!

Вамъ, прелеспныя подруги, украшающія наше спранспіе въ поднебесной, вамъ посвящаю мой переводъ! Удѣлите часъ досуга на прочтеніе! Познайте важноспъ предложенныхъ въ немъ замѣчаній и наградите сямъ упошребленные для васъ шруды!“



2

*Полное собраніе Стихотвореній Графа  
Д. И. Хвостова (\*).*

Первыя двѣ часпи сего собранія, заключающія въ себѣ Лирическія Стихошворенія и Посланія, уже вышли изъ печати. При первой часпи приложенъ прекрасно выгравированный поршретъ авшора. Сверхъ того при каждой часпи еспь по одной картинкѣ, ко-

(\*) Смотр. Но XII С. П. и Б., 1821 г., стран. 384.

порыхъ предметы заимствованы художникомъ изъ лучшихъ піесъ стихотворца. Не имѣя надобности здѣсь много говорить о достоинствахъ поэта, сколько извѣснаго, мы только скажемъ, что это изданіе принадлежитъ къ числу самыхъ роскошныхъ. Издатель Стихотвореній Графа Д. И. Хвостова ничего не пощадилъ, чтобы удовлетворить охотниковъ до хорошихъ книгъ, не только по внутреннему достоинству, но и по наружному. Слѣдующія двѣ часни выйдутъ въ непродолжительномъ времени.



---

О НѢКОТОРЫХЪ ОТКРЫТІЯХЪ ВЪ НАУКАХЪ, ИСКУСТВАХЪ И МАНУФАКТУРАХЪ въ прошломъ 1821 году.



*Новый Гидравлическій приборъ Графа Местры.*

Извѣстный по опличнымъ знаніямъ своимъ въ еспесивенныхъ наукахъ *Графъ Местра* изобрѣлъ особенный приборъ для доказательствъ произхожденія *водныхъ столбовъ* (Trombe) и *пугинъ* на морѣ. Приборъ сей состоитъ изъ двухъ стеклянныхъ большихъ сосудовъ, цилиндрическую форму имѣющихъ; въ обоихъ сосудахъ посредствомъ извѣснаго механизма сдѣланы мешаллическія *вертушки* (родъ веншилапора), изъ коихъ одна въ первомъ сосудѣ находится вверху и можетъ спущена бытъ до середины онаго; а другая устроена во второмъ сосудѣ внизу. Круговращеніе ихъ посредствомъ механизма опмѣнно скоро и удобно.

Производство опышовъ состоиптъ въ слѣдующемъ: оба сосуда наполняются водою; на дно перваго насыпаешся довольно толстой слой *синяго коболтоваго порошка* (Шмалыпы); когда сей порошокъ совершенно уляжешся и вода получитъ свою прозрачность, то начинаюптъ дѣйствовать верпушкою, вверху сосуда находящеюся. Чрезъ нѣсколько секундъ, когда дѣйствіе круговращенія сообщится (по водѣ) дну сосуда, синей порошокъ мгновенно воздымаешся до верха онаго или до верпушки въ видѣ *кеглеобразнаго конуса*, и когда круговращеніе остановяптъ, то оный опускаешся опышь на дно. Явленіе сіе довольно ясно доказываештъ произхожденіе водяныхъ сполбовъ на морѣ отъ мѣспнаго, но сильнаго ашмосфернаго вихря (tourbillon).

Теперь, если производить во второмъ сосудѣ круговращеніе посредствомъ верпушки, успроенной внизу; то движеніе, сообщившись на поверхность воды, производиптъ въ срединѣ оной пуспошу, имѣющую видѣ *обращеннаго конуса*. Такое явленіе можетъ служиптъ доказательствомъ произхожденія морскихъ пучинъ, или водоворошовъ.

Далѣе, когда налиптъ на поверхность воды въ семь второмъ сосудѣ (гдѣ верпушка внизу) *масла*, то оное при образованіи конуса ушягиваешся въ пуспошу онаго, касаясь да-

же дна сосуда, что бываетъ также и ео всякимъ швердымъ шѣломъ, на пр. пробкою и ш. п., плавающимъ на поверхности сей воды. Это ясно показывается, какимъ образомъ корабли погибають въ морскихъ пучинахъ.

Наконецъ, если налить масла на поверхность воды въ первомъ сосудѣ, гдѣ внизу находится сией порошокъ, и вершущку спустишь до середины: то, при дѣйствіи оной въ семь пункиѣ, вдругъ образуются два противоположныхъ конуса, изъ коихъ одинъ снлаго корешка воздымается вершиною до середины сосуда, а другой масляной обращается вершиною внизъ также до середины, гдѣ, сполкнувшись оба конуса, мгновенно разсѣваются въ видѣ облака по всему пространству сосуда. Такое явленіе служить можетъ къ изъясненію приращенія водяныхъ сполбовъ облаками.

Сюль поучительные и вмѣстѣ любопытнѣйшіе опыты недавно произведены были самимъ Графомъ Меспроу въ публичномъ собраніи здѣшняго Минералогическаго Общества (1), гдѣ заслужили всеобщее удивленіе и достойную хвалу почтеннѣйшему изобрѣшателью.

(1) По соизволенію г. изобрѣшателя сіи опыты были произведены въ Горномъ Кадетскомъ Корпусѣ на публичномъ экзаменѣ воспитанниковъ сего 1822 года, 27 Мая. В. Л.

### Разрушительность Нерчинскаго олова.

У насъ въ Нерчинскихъ заводахъ начали было изъ пайденнаго шамъ *Оловяннаго камня* получать олово, которое попомъ было сюда прислано въ кабинетъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, гдѣ оказалось надъ нимъ странное явленіе, имянно: олово сіе, находясь въ слишкахъ (шпыкахъ), опъ долговременнаго лежанія на воздухъ распадается и спановится порошкомъ сѣроваго цвѣта. Вѣроятно сіе происходитъ опъ того, что въ Нерчинскомъ оловѣ осѣдается или *мышьякъ*, или *вольфрамъ*, или *железо*, сопровождающіе всегда упомянутую оловянную руду, которую, равно какъ и выплавляемый изъ нея металлъ, опъ сихъ веществъ тщатель но осѣдлать должно. Если Нерчинская метода обработки оловянной руды и выплавки изъ нея олова сходны съ извѣстными иностранными; то удивительно, по чему олово получаетъ споль худое качество. Впрочемъ весьма бы желательно было имѣть подробнѣйшее свѣденіе какъ о Нерчинской методѣ (1),

---

(1) Г. Дѣйств. Членъ Е. П. Ковалевскій обѣщался доставить намъ описаніе Нерчинской метода, изъ котораго, можетъ быть, открылся причина разрушительности олова. В. Л.

шакъ и о всѣхъ составныхъ частяхъ шамосней руды оловяннаго камня.

### *Способъ варить Инбирное пиво.*

Нѣкто изъ почтенныхъ знакомыхъ моихъ сообщилъ мнѣ рецептъ на приготовленіе споль вкуснаго и полезнаго Инбирнаго пива, которое уже по сему рецепту я имѣлъ случай неоднократно готовить самъ и сообщилъ сей способъ другимъ моимъ знакомымъ.

Для сего должно взять изъ аптеки, или хорошей лавки, лучшаго корешковаго *инбирю*  $1\frac{1}{2}$  унца и чистаго въ порошокъ *кремортартару*  $1\frac{1}{2}$  унца. Инбиръ изрѣзать въ мѣлкіе кусочки, потомъ смѣшать съ кремортартаромъ, — прибавить къ сему ошь 2 до 3 унцовъ полченаго *сахару* и два крошеныхъ *лимона*. Все это положить въ луженый кошелъ, или косяру и налить на сіе 12 бушылокъ чистой холодной воды, размѣшать и вскипятивъ на огнѣ не болѣе двухъ разъ. Послѣ того снять съ огня и оспудить, чибобъ шолько могли вышерпѣшь бушылки. Инакъ еще шеплованное должно разлишь по крѣпкимъ зеленаго спекла бушылкамъ, или глинянымъ (зельцерскимъ) кувшинамъ, прибавивъ въ каждой кувшинъ, или бушылку, по  $\frac{1}{2}$  чайной ложки хорошихъ пивныхъ *дрожжей*; закупорить

сколь можно крѣпче и нехудо пробки обвязываешь шнурками. Наконецъ поставишь изготовленное пиво на 2, или на 3, дни въ прохладное мѣсто, гдѣ бы не такъ велика была служба. По изпеченіи сего времени, можно его будешь упоиреблять; впрочемъ оное чѣмъ долѣе стоишь, тѣмъ дѣлается лучше.

Цвѣтъ сего лива бываетъ похожъ на цвѣтъ кислыхъ щей; игра его совершенно подобна Шампанскому; вкусъ пріятень и ошмѣнно прохладиселень.

Пиво сіе, по увѣренію многихъ медиковъ, очень полезно въ случаѣ неваренія и обремененія желудка излишнею пищею — при кашлѣ ошъ простуды — въ случаѣ разгоряченія, или жара въ шлѣ и ш. п.

Его продають въ здѣшней сполницѣ нѣкоторыя погребщики и лавочки болѣе рубля бушылку, между тѣмъ какъ домашнее приготовленіе онаго всякому не шанеть болѣе 10, или много 15 копѣекъ бушылка.

*(Продолженіе будетъ).*



ИМЯНА МЪСТЪ ОСОБЪ,  
подписавшихся на полученіе  
сего Журнала.

(Продолженіе).

*Въ Санктпетербургѣ.*

1-го Кадепскаго Корпуса кадепъ Глинка.

Купецъ Иванъ Александровичъ Уваровъ.

Макаръевскій 1-ой гильдіи купецъ Михайло  
Ивановичъ Кокоревъ.

Калужскій купецъ Иванъ Александровичъ  
Смирновъ.

*Въ Семипалатинскѣ.*

1-ой Гильдіи купецъ Степанъ Ивановичъ По-  
повъ.

*Въ Симбирскѣ.*

Его. Высокоблагородіе Михайло Александро-  
вичъ Дмипріевъ. *На первую половину года.*

*Въ Скулянахъ.*

Есаулъ Пешръ Дмипріевичъ Баклановъ.

Сопникъ Яковъ Филаповичъ Болдыревъ.

Хорунжій Кирсанъ Калиновичъ Щоголевъ.

*Въ Славяносербскѣ.*

Его Высокоблагородіе Василій Вуцъ.

*Въ Смоленскѣ.*

Ихъ Благородія:

Петръ Ивановичъ Альбединскій *на 2 экз.*

. . . . . Волковъ.

*Въ Спаскѣ.*

Ихъ Благородія:

Иванъ Николаевичъ Хохловъ.

Ларіонъ Семеновичъ Жуковъ.

*Въ Суджѣ.*Его Высокоблагородіе Николай Николаевичъ  
Сборомирской.*Въ Тамбовѣ.*

Главное Народное Училище.

Клубъ Благороднаго Собранія.

Г. Вице-Губернаторъ Машвъй Машвъевичъ  
Муромцовъ.Преосвященный Теофилакшъ, Епископъ Там-  
бовскій и Шацкій.

Ихъ Высокоблагородія:

. . . . . Макаровскій.

. . . . . Филиповъ.

*Въ Тифлисѣ.*Его Высокоблагородіе Еѳимъ Пепровичъ Ви-  
ноградскій.*Въ Томскѣ.*Его Превосходительство Даміанъ Василье-  
вичъ Иллчевскій.

1-ой Гильдіи купецъ Федошъ Ивановичъ Поповъ.

*Въ Трубчевскѣ.*

Его Превосходительство . . . . . Спраховъ.

*Въ Тулѣ.*

Ихъ Высокоблагородія:

Федоръ Ивановичъ Ташариновъ.

Николай Владимировичъ Колюпановъ.

Иванъ Савичъ Бабаевъ.

Его Благородіе Михайло Ивановичъ Хопяинцовъ.

*Въ Умани.*

Профессоръ Федоръ . . . Яворскій.

*Въ Углицѣ.*

Предводитель Дворянства . . . . . Орловъ.

Градской Глава купецъ . . . Зиминъ.

*Въ Усмани.*

Предводитель Дворянства Николай Анапольевичъ Бунинъ.

Его Высокоблагородіе Дмитрій Яковлевичъ Бологовской.

*Въ Харьковѣ.*

Его Благородіе Павелъ Николаевичъ Рейпольскій.

*Въ Хмельникѣ.*

Его Благородіе . . . Каминской.

*Въ Хоролѣ.*

Маршалъ Семень Васильевичъ Спарницкой.

*Въ Шадринскѣ.*

Ихъ Благородія:

Константиинъ Львовичъ Черкасовъ.

Кирилъ Егоровичъ Кузнецовъ.

*Въ Юрвецъ-Полескомѣ.*

Его Высокоблагородіе Александръ Дми-  
триевичъ Лялинъ.

*Въ Юхновѣ.*

Его Благородіе . . . . . Козачковъ.

*Въ Ярославѣ.*

Его Высокоблагородіе Владиміръ Пепровичъ  
Ханыковъ.

*(Продолженіе впрѣдъ).*



---

---

**О Г Л А В Л Е Н І Е**  
**О С М Н А Д Ц А Т О Й Ч А С Т И .**

---

**І . Н А У К И .**

**А . В С Е О Б Щ А Я И С Т О Р І Я .**

|                                                                   | <i>Стран.</i> |
|-------------------------------------------------------------------|---------------|
| Карль V - - - - -                                                 | 3.            |
| Сибаритшы - - - - -                                               | 33.           |
| 1. Характеры ИМПЕРАТОРА ПЕТРА I<br>и нѣкошорыхъ его приближенныхъ | 129.          |
| 2. Нравы и обычаи древнихъ Норвежцевъ                             | 139.          |
| 3. Объ Испанскихъ Тореадорахъ - -                                 | 158.          |

**В . Р Е Т О Р И К А .**

|                                     |      |
|-------------------------------------|------|
| 4. О слушаніи, сочиненіе Плутарха - | 241. |
|-------------------------------------|------|

**В . Ф И Л О Л О Г І Я .**

|                                    |      |
|------------------------------------|------|
| 5. Объ языкѣ давнихъ Прусаковъ - - | 280. |
|------------------------------------|------|

**ІІ . К Р И Т И К А .**

|                                                           |      |
|-----------------------------------------------------------|------|
| 1. Рыбаки, Мдилія - - - - -                               | 54.  |
| 2. Драмматическое искусство Г-жи Се-<br>меновою - - - - - | 217. |

**ІІІ . Л И Т Е Р А Т У Р А .**

**А . П Р О З А .**

|                                 |     |
|---------------------------------|-----|
| 1. Лаконизмъ Суворова - - - - - | 86. |
|---------------------------------|-----|

|                           |        |
|---------------------------|--------|
| 2. Гленфинласъ - - - -    | - 173. |
| 3. О сукъ - - - -         | - 190. |
| 4. Нѣчило объ Омерѣ - - - | - 355. |

### Б. СТИХОТВОРЕНІЯ.

|                                      |        |
|--------------------------------------|--------|
| 1. Смерть Ермака - - - -             | - 100. |
| 2. Чувства Рускаго при взятіи Парижа | 104.   |
| 3. Жизнь - - - -                     | - 106. |
| 4. Умирающій - - - -                 | - 108. |
| 5. Сельской сонъ - - - -             | - 109. |
| 6. Прудъ и капля. <i>Басня</i> - - - | - 111. |
| 7. Пиръ - - - -                      | - 201. |
| 8. Къ Другу - - - -                  | - 207. |
| 9. Элегія - - - -                    | - 210. |
| 10. Богданъ Хмѣльницкій - - -        | - 342. |
| 10. Одиночество - - - -              | - 346. |
| 12. Посланіе Поэпу - - - -           | - 349. |
| 13. Мой домикъ - - - -               | - 351. |
| 14. Пріятное сновидѣніе - - -        | - 353. |

### IV. С М Ъ С Ъ.

|                                                                                                          |                   |
|----------------------------------------------------------------------------------------------------------|-------------------|
| 1. Лѣтописи Общества - - - -                                                                             | - 113.            |
| 2. Извѣстія о книгахъ - - - -                                                                            | - 117, 235 и 359. |
| 3. Сидерографія - - - -                                                                                  | - 356.            |
| 4. О нѣкоторыхъ открытіяхъ въ нау-<br>кахъ, искусствахъ и мануфактурахъ<br>въ прошломъ 1821 году - - - - | - 365.            |
| 5. Имена подписавшихся на сей Жур-<br>наль. ( <i>Продолженіе</i> ) - - - -                               | - 371.            |

